

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»

На правах рукописи

Блинова София Анатольевна

ПОЖАР КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

24.00.01 – теория и история культуры

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
Шуб Мария Львовна,
доктор культурологии,
доцент,
заведующая кафедрой
культурологии и социологии
Челябинского
государственного
института культуры

Челябинск – 2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Феномен пожара: культурологические основания интерпретации.....	25
1.1. Пожар как феномен культуры: сущностные черты и функциональные параметры.....	25
1.2. Пожар как фактор антропо- и культурогенеза.....	49
Глава II. Место и роль пожара в пространстве русской культуры: содержательно-структурный анализ.....	65
2.1. Специфика социокультурного статуса пожара в дореволюционной русской культуре (от восточных славян до 1917 года).....	65
2.2. Пожар в пространстве советской культуры (1917-1990-й гг.): от секуляризации к рационализации.....	92
Глава III. Актуальные паттерны восприятия и репрезентации пожара: результаты социокультурной диагностики.....	105
3.1. Пожар сквозь призму субъективных интерпретаций: мониторинг общественного мнения россиян.....	105
3.2. Специфика информационной репрезентации пожара в пространстве современных российских СМИ.....	122
Заключение.....	139
Список литературы.....	143
Приложения.....	170

Введение

Феномен пожара традиционно являлся предметом исследования естественно-научных дисциплин и технических дисциплин, таких как экология, лесная пирология, пожарная безопасность, химия горения, пожарная тактика и др. В пространстве гуманитарных наук он изучался либо в контексте осмысления близких, но не тождественных ему явлений (огненных культов, практик ритуального самосожжения, истории огнеборческой деятельности и пр.), либо как локальное проявление глобальных социокультурных и исторических процессов (например, как сюжетный нарратив эсхатологической мифологии или фактор влияния на развертывание военно-политических событий). В поле зрения культурологии пожар как самостоятельный феномен культуры, включенный в ее ценностно-нормативное, религиозно-мифологическое, символично-знаковое пространство и во многом влияющий на него, практически не попадал.

Такая ситуация, на наш взгляд, нуждается в корректировке в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, культурологическое изучение пожара, дихотомичного явления, в равной степени относящегося и к сфере естественных, и к сфере социокультурных процессов, позволяет с новых позиций проследить эволюцию взаимоотношений «культурного» и «природного», увидеть темпоральные точки, причины, формы трансформации некогда синкретичного восприятия человеком самого себя и окружающего мира. Результаты естественно-научных и гуманитарных исследований (Х.-А. Банкофф, Д. Браун, Д. Даймонд, С.-Дж. Пайн, Р. Рэнгем Р. Сапольски) позволили прийти к выводу о том, что на начальных этапах своего развития человек не только не боялся пожаров, но и воспринимал их как позитивно окрашенное явление (как естественный источник огня и пищи, как средство очищения пространства и пр.). Однако постепенно положение изменилось:

пожар из «подателя благ» превратился в причину их изымания, угрозу, катастрофу, а человек из пассивного наблюдателя пожара – в огнеборца. Главным вопросом сегодняшнего дня, по мысли Э. Ласло, является вопрос о том, «хватит ли нашему виду разума, чтобы выжить» [94, с. 24]. Проблема выживания стоит особенно остро в условиях, когда человек не использует природные ресурсы рационально, а варварски расхищает их, не соседствует, а бесконечно воюет с природой. Такая ситуация, будучи индикатором дисбаланса современного мира, подчеркивает значимость энвайронментального диалога.

Казалось бы, стремительное развитие технологий в сфере пожарной безопасности, формирование специализированных социальных институтов, защищающих общество от угрозы пожаров, должны были нивелировать или предельно снизить их негативные последствия (по крайней мере, для развитых социумов). Но объективные данные (количество пожаров в мире, разрушения, которые они приносят) указывают на то, что проблема не только сохраняется, но, учитывая повышенную небезопасность высокотехнологичной среды обитания, приобретает новую остроту.

По прогнозам международных экологических организаций: UNEP (программы ООН по защите окружающей среды), WWF (Всемирного фонда дикой природы), WMO (Всемирной метеорологической организации), в ближайшие десятилетия ситуация с природными пожарами только ухудшится, а человечество столкнется с целой чередой природных «Вызовов» – угрозой неконтролируемых мегапожаров. «Ответом» (в терминологии А. Тойнби) на них может стать лишь новая экологоориентированная парадигма, выработка которой невозможна без глубокого, системного, базирующегося на культурологических основаниях изучения эволюции взаимоотношений человека и природы, в том числе – осмысления социокультурного статуса пожара на различных этапах развития человечества.

Во-вторых, важность культурологического изучения пожара связана с одной из базовых потребностей современного человека в безопасности (по данным исследований ВЦИОМ, безопасность является третьей по значимости жизненной ценностью современных россиян [34]).

Осознание беспомощности перед силами природы в той или иной мере присутствовало у человека на протяжении всего исторического процесса. В отличие от таких стихийных природных явлений как землетрясения, ураганы, извержения вулканов и наводнения, где влияние *homo sapiens* ограничивается лишь прогнозированием и применением профилактических мер (эвакуация, создание укрепленных сооружений), пожары, в их социодетерминированных локациях, условно говоря, находились в сфере человеческого влияния с момента освоения огня. Представление о пожаре как об одной из форм бытования прирученной стихии позволило людям, опираясь как на рациональные (средства пожаротушения, противопожарное законодательство, пожаробезопасные градостроительные практики и пр.), так и на иррациональные (магические действия с предметами, чтение заклинаний и пр.) механизмы, сформировать представление о возможности обретения контроля над пожаром и обеспечения определенного уровня безопасности в случае соблюдения установленных нормативных предписаний и конвенционального опыта.

Однако в современном обществе эти механизмы не заработали с должной эффективностью, главным образом вследствие несоответствия существующей системы взаимодействия человека с природой (и с пожарами в том числе) запросам времени, а также по причине изъятия из системы многоуровневой парадигмы «человек – пожар» идейно-смысловых оснований, то есть того, что в разные исторические периоды в форме мифологии, магии, религии или основанных на эмпирике культурных норм позволяло человеку ощущать потенциальность пожара, обеспечивало «осознанное» отношение к нему. В такой ситуации активная эксплуатация

образа пожара как катастрофы в средствах массовой информации и предельное доминирование технико-технологических, часто чрезвычайно устаревших инструментов контроля пожарной ситуации, порождают социальную тревожность, панические настроения, чувство утраты безопасности, превращая пожар в один из триггеров современного общественного сознания.

Задача культуры в широком смысле слова и культурологии как ее социального медиатора заключается в актуализации новых знаний о пожаре, основанных на понимании роли персональной ответственности в обеспечении коллективной безопасности, на преодолении пассивно-избегательной стратегии повседневного поведения («меня это не коснется»). Именно определяющую роль консолидации общества перед лицом мегапожаров и иных глобальных экологических проблем подчеркивала председатель 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М.-Ф. Эспиноса: «Когда я смотрела печальные новости о пожарах в России, я поняла: это то, что должно быть заботой всего мира. Должна быть кооперация, больше диалога, больше коллективных действий» [223].

В-третьих, теоретико-методологический потенциал культурологического изучения пожаров видится в конвергенции гуманитарного и естественно-научного подходов, необходимых для понимания явлений, имеющих пограничный, культурно-природный статус. По мысли Р. Сапольски, «нет обособленных дисциплин... объяснение с точки зрения одного из научных направлений это, по сути, не более чем удобный прием... короткий односторонний взгляд на целое явление» [159, с. 14]. Современная реальность, сопряженная с сохранением стабильно высокого количества пожаров на планете в сочетании с повышением уровня их опасности и разрушительного воздействия для человека, приводит к осознанию того, что выработанные на данный момент защитные меры

недостаточны и требуют проведения междисциплинарных, в том числе и культурологических, исследований пожара.

Ученые призывают не просто бороться с пожарами, а учиться управлять ими, взаимодействуя с природой. В настоящей работе мы ориентируемся на идею профессора Й.-Г. Голдаммера, считающего, что «надо жить не без пожаров, а управляя пожарами» [42]. Процессы управления, как известно, требуют понимания, глубокого осмысления сути самого явления. Пожар, всегда существовавший между миром природы и миром культуры, может быть понят через объединение различных научных сфер, и гуманитаристика, в частности культурология, выступает значимым инструментом постижения феномена пожара во всей его полноте и многозначности.

В-четвертых, обращение к проблематике пожара в русле культурологии (посредством осмысления репрезентации восприятия пожара в мифологии, магическо-обрядовой деятельности, религии, нормативно-законодательных актах, градостроительных практиках, художественной культуре и пр.) позволяет более глубоко и комплексно интерпретировать различные социокультурные явления и процессы, увидеть новые причинно-следственные связи между ними и даже пересмотреть некоторые, казавшиеся устойчивыми, выводы относительно социокультурной реальности. Пожары, ставшие в современном мире практически синонимом катастрофы, в действительности дали человечеству намного больше, чем принято считать. Пожар помогал нашим предкам развиваться, учил человека преодолевать ограничения ландшафта, возделывать и обрабатывать землю, охотиться, показал, как изменить свойства материалов, стимулировал развитие целого ряда наук.

Пожар, рассматриваемый как феномен культуры, обладает значительным эпистемологическим потенциалом: во-первых, он дихотомичен (соединяет в себе природные и культурные основания); во-

вторых, он социален (затрагивает интересы больших и малых социальных групп, а потому его восприятие отражает масштабные социокультурные паттерны); в-третьих, он универсален (обладает относительно устойчивыми содержательно-функциональными параметрами в разных культурах).

Невозможно игнорировать и образную сторону восприятия пожара как особого знака, послания, символа, которые нередко отождествляются с «рубежными» этапами жизни культуры и реально становятся таковыми. Достаточно вспомнить актуальные переживания миллионов людей, вызванные пожаром в Соборе Парижской Богоматери, лесными пожарами в Австралии или Сибири, трагическими событиями в Кемерово (ТРК «Зимняя вишня») и многими другими. Рождающийся в связи с восприятием этих событий веер смыслов и истолкований (эсхатологических, жертвенно-мистических, конспирологических и многих иных) прямо указывает на неизменность присутствия этого образа (столь очевидного в своей наглядности) в актуальном сознании аудитории.

При этом до сих пор феномен пожара, несмотря на свою культурологическую эвристичность, относится к числу реверсных культурных явлений (А. Я. Флиер), что отчасти объясняет незначительный интерес исследователей в области культуры к данному феномену [197, с. 6].

Степень научной разработанности темы

При написании диссертации мы опирались на ряд культурологических работ, непосредственно не связанных с феноменом пожара, но необходимых для определения адекватного целям исследования подхода к интерпретации культуры (А. Я. Флиер), для понимания механизмов формирования паттернов восприятия социокультурных явлений (А.-Л. Крёбер и К. Клакхон), для изучения механизмов социокультурной адаптации к природным и социальным угрозам (М. Дуглас), для понимания универсальных законов этно- и культурогенеза (К. Леви-Строс, Б.

Малиновский, А.-Р. Радклифф-Браун, Э.-Б. Тайлор, В. Н. Топоров, Дж.-Дж. Фрэзер и др.).

В силу ряда обстоятельств (терминологической синонимичности концептов огонь/пожар, длительного периода синкретического осмысления данных явлений, особенностей перевода архаичных текстов и др.) феномен пожара достаточно слабо осмыслен в пространстве культурологического дискурса, поэтому для его изучения мы апеллировали к исследованиям в рамках различных дисциплин (антропологии, этнологии, истории, филологии, фольклористики, психологии, философии, пирологии, экологии), посвященным как непосредственно пожару, так и сопряженным с ним явлениям (огонь, горение, поджоги, самосожжение и т. д.).

Наиболее содержательно близким (а в контексте некоторых работ и тождественным) к феномену пожара является феномен огня. Одной из хронологически первых работ, посвященных огню, стал натурфилософский трактат Гераклита (Эфесского) «О природе», выражающий идею огня как первовещества, избыток которого приводит к космическому пожару, огненному апокалипсису, уничтожающему вселенную для ее последующего восстановления. В дальнейшем идеи древнегреческого мыслителя были развиты представителями древнеримского стоицизма (Эпикур, Марк Аврелий).

Преломление идей Гераклита в религиозном контексте (при анализе образа огня/пожара в Библии и других христианских текстах) было осуществлено в работах А. Д. Охоцимского «Гераклит и мировой огонь-логос» и «Божественный огонь как образ-парадигма христианской культуры».

Психоаналитический ракурс интерпретации огня как источника архетипических представлений, предопределивших социально устойчивые модели поведения человечества на всех этапах его существования, представлен в работах З. Фрейда («О добывании огня»), К.-Г. Юнга («Архетип и символ»), Г. Башляра («Психоанализ огня»), а также М. Класена

(Why Horror Seduces). Пожар как метасимвол психологии массовых коммуникаций (прежде всего между властью и обществом), актуализируемый в условиях реальной или потенциальной угрозы, рассматривался Э. Канетти.

Проблема соотношения огня и пожара, их роли в антропо- и культурогенезе поднималась в работах Д. Брауна, С.-Дж. Пайна, Й. Радкау, Р. Рэнгема, М. Тевосяна, Ю.-Н. Харари, К. Хоукс.

В сфере этнографии вопросы, связанные с изучением огня/пожара, нашли отражение в достаточно обширном кластере работ («Первобытная культура» Э.-Б. Тайлора, «Ранние формы религии» А. С. Токарева, «Золотая ветвь» Дж.-Дж. Фрэзера, «К вопросу о почитании огня» В. Н. Харузиной, «Среди диких народов Бразилии» К. Штейнена и др.), объединенных, однако, интерпретацией огня/пожара сквозь призму архаичных религиозных представлений. Отдельный интерес представляют исследования «огненных мифов» («Происхождение огня и божеств» А. Куна, «Мифы о происхождении огня» Дж.-Дж. Фрэзера и др.), позволяющие вычленив в ткани мифологических текстов пласт схожих представлений о похищении и заимствовании огня в его природной, а не «прирученной» форме.

Изучение роли огня/пожара через анализ фольклора и мифологических воззрений на природные явления и картину мира представлено в работах А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, А. С. Ермолова, В. Н. Топорова.

Н. А. Бердяев, Р. С. Гранин, М. Элиаде рассматривали феномены огня и пожара как структурные, сюжетные, ценностно-нормативные элементы эсхатологической мифологии.

В сфере языкознания (лингвистики, этимологии, филологии) существует целый ряд работ, посвященных изучению происхождения и этимологических оснований слов «огонь» и «пожар» в различных языковых традициях (М. В. Завьялова, Г. В. Приходько, Г. Я. Солганик, Д. Д. Хайруллина). В диссертационном исследовании К. С. Верхотуровой «Огонь в

зеркале русского языка» показана лингвистическая и смысловая связь между данными лексемами.

Достаточно объемной и чрезвычайно разнообразной (и тематически, и жанрово, и хронологически) является группа трудов, изучающих место пожара в пространстве русской культуры.

Так, феномен самосожжения (на примере религиозных обрядов старообрядцев) изучен в работах Н. И. Костомарова «Раскол», М. В. Пулькина «“Згорелый дом”: старообрядческие постройки для самосожжений в середине XVII – XVIII в.». Историко-культурная трансформация пожаров в русской культуре XIX в. и, в частности, феномен подметных писем и поджогов отражены в статье М. Ф. Ершова «Историко-культурная трансформация пожаров в русской культуре XIX в.».

Исследованию репрезентации образа пожара в православной иконографии посвящены работы Л. Д. Воронцовой, Ж.-П. Дешлера, Л. С. Ретковской, О. А. Суховой.

Изучением формирования и развития социального института пожарной охраны (пожарного дела), а также законодательства в этой области занимались А. А. Авдеева, А. М. Бабенко, А. С. Боровых, А. А. Егоров, В. В. Ильин, А. Л. Каплан, Э. В. Комолова, Н. Ю. Новичкова, Ф. В. Обухов, А. П. Чехов, В. К. Шумилов, К. М. Яичко и др.

В отдельную категорию исследований стоит выделить работы архимандрита Макария (Веретенникова), В. Н. Земцова, Ф. В. Ростопчина, П. С. Савельева, С. О. Шмидта, раскрывающие историю резонансных пожаров, случившихся в России в разные годы.

Ценными источниками, позволяющими оценить восприятие пожаров в России в различные исторические периоды, являются мемуары иностранцев (ученых, купцов, дипломатов, путешественников): Э. Зани «Известие о путешествии в Московию», И.-Г. Корба «Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к

царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г.», А. Олеария «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», Б. Таннера «Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.» и др.

Отражению восприятия пожара в русской публицистической литературе посвящено исследование М. Л. Майофис «Чему способствовал пожар? “Антикризисная” российская публицистика 1837–1838 годов как предмет истории эмоций». Стоит также отметить, что большой интерес для нас при осмыслении специфики восприятия пожара в русской культуре представляли произведения русской литературы, центральным или значимым образом которых является пожар (Ф. М. Достоевский «Пожар в селе Измайлове», А. С. Пушкин «Дубровский», Л. Н. Толстой «Война и мир», М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита», «Пожар (С натуры)», И. А. Бунин «Пожар», «Далекий пожар», А. А. Блок «Двенадцать», А. П. Чехов «Три сестры», В. Г. Распутин «Пожар», В. Я. Шишков «Угрюм-река», поэтические произведения В. В. Маяковского, К. Д. Бальмонта и др.).

Проблемы современной экологической ситуации, вопросы, связанные с экологической культурой, спецификой ее формирования и актуальными трендами развития, рассматривались в исследованиях Н. Г. Апухтиной, А. Ю. Евдокимова, Л. Б. Зубановой, В. Э. Лебедева, С. Б. Синецкого, В. С. Цукермана, М. Л. Шуб.

Нельзя не отметить и работы, которые не имеют непосредственного отношения к культурологическому осмыслению феномена пожара, но способствуют более глубокому осмыслению специфики пожара как природного процесса и определению его места в ряду близких «огненных» явлений, это труды по химии горения (Ф. Бэкон, А.-Л. Лавуазье, В. А. Михельсон, М. Фарадей), лесной пирологии (Ю. Л. Воробьев, И. С. Мелехов, Й. Радкау, В. В. Фуряев, П. А. Цветков и др.). Особый интерес для нас также

представляли исследования, осмысляющие роль пожаров в эволюции вида homo sapiens (Д. Браун, Д. Даймонд, Р. Сапольски).

Источниковая база исследования, позволившая проследить эволюцию социокультурного статуса пожара на различных этапах развития человечества, представлена законодательными и нормативными актами (Законы Хаммурапи, Русская правда, Судебник» Ивана III, Свод законов Российской империи, Устав пожарный, Наказ о градском благочинии, декреты «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и «Об организации государственных мер борьбы с огнем» и др.), летописями (Лицевой летописный свод Ивана Грозного (Царь-Книга), Супрасльская летопись, Тверская летопись, Псковская и Софийская летописи, Никоновская летопись и др.), дидактической литературой (Домострой), архивными материалами Объединенного государственного архива Челябинской области и пр.

Несмотря на достаточно большой объем научных работ, так или иначе связанных с феноменом пожара, в пространстве культурологии данное явление остается практически не изученным (как в теоретико-методологической, так и историко-культурной плоскости), на основании чего **проблема диссертационного исследования** заключается в наличии противоречия: с одной стороны, несомненна значимость пожара в историко-культурной динамике, процессах антропо- и культурогенеза, а с другой – отсутствует культурологическая интерпретация сущностно-функциональных характеристик пожара, а также специфики его репрезентации в актуальном социокультурном пространстве.

Цель исследования: раскрыть статус пожара как феномена культуры и проследить особенности трансформации его социокультурных репрезентаций в историко-культурной динамике.

Задачи:

1. Опираясь на анализ многообразия подходов, реализуемых в гуманитарных науках, выработать культурологическое определение понятия «пожар», раскрыть сущностные черты и функциональные характеристики пожара как явления культуры;

2. Выявить и обосновать роль пожаров в процессах антропо- и культурогенеза на различных этапах исторического развития;

3. Проанализировать эволюцию места и роли пожара в пространстве русской культуры (от времени расселения восточных славян до конца советского периода отечественной истории), систематизировав специфические для каждого исторического этапа паттерны восприятия данного явления;

4. На основе социокультурной диагностики общественного мнения современных россиян выявить актуальные тренды восприятия пожара;

5. Определить специфику информационной репрезентации пожара в пространстве современных российских СМИ.

Объект исследования: пожар как феномен культуры.

Предмет исследования: содержательно-функциональные характеристики пожара как феномена культуры и формы его социокультурного бытования в исторической ретроспективе и современности.

Научная новизна исследования. Основные результаты исследования, определяющие его научную новизну:

– на основе обобщения и систематизации различных естественно-научных и гуманитарных концепций предложено определение понятия «пожар» с позиций культурологической интерпретации; обоснован статус пожара как феномена культуры, выделены его сущностные черты и социокультурные функции;

– выявлена и проанализирована роль пожаров в антропо- и культурогенезе, выделены наиболее значимые этапы, отражающие процесс социокультурной трансформации восприятия пожаров;

– впервые системно представлены и охарактеризованы основные формы репрезентации феномена пожара в пространстве русской культуры (от времени расселения восточных славян до завершения советского этапа российской истории) сквозь призму трех аспектов – ценностно-символического, нормативно-правового и технико-технологического;

– на основе осуществленной социокультурной диагностики общественного мнения современных россиян выявлена специфика восприятия пожара (субъективные смыслы, значения, ценностные установки, поведенческие модели);

– установлены и проинтерпретированы актуальные формы информационно-медийной репрезентации пожара как значимого аспекта в формировании картины мира современной аудитории.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическая значимость представленного диссертационного исследования видится в обосновании и содержательной интерпретации пожара как феномена культуры. Так, в работе определена специфика культурологического осмысления феномена пожара; выделены его сущностные черты и функциональные характеристики; обозначена роль пожаров в процессах антропо- и культурогенеза; продемонстрировано разнообразие форм репрезентации пожара в пространстве русской культуры; разработана и апробирована авторская методика социокультурной диагностики паттернов восприятия пожара российской аудиторией и специфики репрезентации пожара в пространстве современных российских СМИ. Используемый нами теоретико-методологический подход представляется плодотворным при культурологическом изучении других

социокультурных явлений, сущностно сочетающих природные и культурогенные начала.

Результаты могут быть использованы в педагогическом процессе, при подготовке основных образовательных курсов по культурологии, истории культуры, истории религии, культуре повседневности. Практическая значимость исследования видится в возможности применения его итогов для разработки и внедрения специализированных учебных курсов для студентов, обучающихся по направлениям подготовки 51.03.01 «Культурология», 46.03.01 «История», 50.03.01 «Искусства и гуманитарные науки», 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного значения».

Предложенный в диссертации подход к пониманию сущности пожара и интерпретации форм его социокультурного бытования может быть применен при разработке обучающей программы для школьников и студентов, направленной на формирование и совершенствование культуры безопасного поведения.

Кроме того, результаты представленного в диссертации культурологического исследования могут быть использованы при разработке оптимального интегрального образа пожара, который в адаптированной форме мог бы транслироваться через различные системы средств массовой информации и коммуникации для формирования более адекватных и объективных представлений о нем у широкой аудитории.

Методология и методы диссертационного исследования.

Методология исследования базируется на принципах целостности (рассмотрение пожара как самостоятельного феномена культуры, встроенного в социокультурный контекст исторически детерминированного пространства) и множественности (признание эвристической ценности и перспективности применения различных подходов и концептуальных направлений в интерпретации феномена пожара).

В понимании культуры определяющим стал ценностный подход, позволяющий интерпретировать её как совокупность ценностей человеческого бытия. Также диссертанту близки трактовки культуры А. Я. Флиера, рассматривающего культуру как системное мировосприятие и ориентирование человека в социальном пространстве, базирующиеся на ценностных ориентациях человека.

Интерпретация феномена пожара осуществлялась также на основе системного и структурно-функционального подходов, позволяющих рассматривать исследуемый объект в системе взаимодействующих факторов и характеристик, а также с позиций реализации комплекса социокультурных функций пожара.

С опорой на структуралистскую концепцию В. Я. Проппа, отраженную в работе «Морфология волшебной сказки», автором диссертации была предложена идея «драматургии пожара» как универсального типа репрезентации нарратива пожара в актуальном российском медиапространстве.

Концепция «реверсной стороны культуры» А. Я. Флиера использовалась в диссертационном исследовании для обоснования статуса пожара как феномена культуры, его роли как рефлектора социокультурных процессов.

Идеи М. Элиаде (осмысление социальной или природной катастрофы как «нового начала»), А. Тойнби (концепция «Вызова-Ответа», раскрывающая адаптационные, творческие возможности культуры перед лицом угрозы), Н. Талеба (концепция «антихрупкости» как способности общества или индивида использовать катастрофы для развития) позволили исследовать специфику смысло-ценностной и нормативно-поведенческой адаптации к пожарам, определить доминирующие стратегии их социокультурной интерпретации.

При выявлении существенных социокультурных характеристик феномена пожара, его смысловой дифференциации от близких явлений (огня, горения, сожжения и др.) автор диссертации опирался на лингвистические методики анализа текстов А. Д. Охоцимского (диагностика парадигмы божественного огня в канонических христианских текстах) и Г. Я. Солганика (метод социальной оценки языковых форм).

Институциональный подход, предложенный Н. Ю. Новичковой, позволил рассмотреть эволюцию социокультурного статуса пожара сквозь призму развития различных, связанных с этим феноменом институций (образовательных, управленческих, охранных и пр.).

Значимым для диссертационного исследования также представлялись компаративный (сравнение форм репрезентации пожара в культурах разных типов на различных этапах их развития), типологический (конструирование разных типов репрезентации пожара в пространстве русской культуры), генетический (изучение пожара сквозь призму эволюционирования форм его представленности в культуре) методы.

Интерпретация экологичности как базового принципа существования актуальной культуры осуществлялась на основе идей В. И. Вернадского (концепция ноосферы) и Ф. Дескола (концепция диалогического энваронментализма).

При изучении паттернов восприятия и репрезентации пожара в актуальном социокультурном пространстве России (методики фокус-групповой диагностики общественного мнения и контент-анализа медиатекстов) автор диссертации опирался на методико-методологические наработки в области прикладной культурологии и социологии культуры Л. Б. Зубановой, Л. Н. Когана, М. Л. Шуб.

Положения, выносимые на защиту.

1. Под пожаром как феноменом культуры понимается совокупный образ действия иррациональных и рациональных сил, обладающих

дихотомической (натурально-природной и культурно-интерпретационной, разрушительной и созидательной) функциональной основой и воплощаемых посредством процесса стихийного, неконтролируемого горения.

Пожар, в основе которого лежит физико-химический процесс горения, по своей сути изначально относится к разряду природных явлений. Он обретает признаки и свойства феномена культуры только тогда, когда включается в пространство социокультурной ситуации, обретая в этом контексте совокупность смыслов, значений, интерпретаций, ценностей, норм, поведенческих паттернов и др.

К специфическим и в целом универсальным для различных типов культуры чертам пожара как социокультурного феномена можно отнести: синкретичность (смысловую, функциональную, репрезентативную слитность пожара с близкими, но не тождественными ему явлениями – огнем, горением, сожжением, поджогом и др.); амбивалентность (сосуществование противоположных форм восприятия пожара как сакрального и профанного явления, очистительной силы и катастрофы, благого знамения и кары, подателя благ и врага); цикличность (сопряжение пожаров с глобальными циклами развития природы, общества, культуры); анимизм и антропоморфизм (отношение к пожару как к живому, обладающему сознанием, часто человекоподобному существу).

Среди социокультурных функций пожара выделены следующие: верифицирующая, нормативно-регулирующая, эсхатологическая, очистительная, утилитарная, семиотическая, интегративно-коммуникативная.

2. Социокультурный статус пожара позволяет говорить о нем, с одной стороны, как о рефлекторе процессов и явлений, происходящих в той или иной культуре, а, с другой – как о движущей силе социальных, культурных, экономических и иных векторов трансформаций.

Роль пожара как катализатора антропо- и культурогенеза (на всех этапах взаимодействия человека и пожара: от тотальной зависимости,

частичной автономии до целенаправленной борьбы с ним) заключалась в следующем: анатомические изменения (трансформация челюстных костей, кишечника, увеличение объема головного мозга), развитие хозяйственной деятельности (потребление «готовой» пищи, найденной на местах пожаров, вместо сырой; формирование системы подсечно-огневого земледелия; использование золы в культовых и хозяйственных целях и др.), постепенное повышение миграционной активности; развитие огненных культов, эсхатологической мифологии, связанных с ними магических ритуалов, обрядов, суеверий; формирование противопожарных норм, правил, а впоследствии и законодательства; трансформация строительных и градоорганизующих практик; «противопожарные» научные и технические изобретения и др.

3. Процесс эволюции места и роли пожара в пространстве русской культуры может быть представлен последовательной сменой различных этапов, в основе выделения которых лежит критерий доминирующего субъекта пожара (его источника, движущей силы, контролирующей «инстанции»): 1) пожар как репрезентация воли природных сил (VII – X вв.); 2) пожар как репрезентация воли Бога (X – XVI вв.); 3) пожар как проявление рациональных и иррациональных сил (XVI – 1917 г.); 4) пожар как результат преимущественно антропогенного воздействия и контроля (1917–1991 гг.). В рамках каждого выделенного этапа рассматриваются следующие аспекты, отражающие специфику трансформации восприятия пожара в русской культуре: ценностно-символический (осмысление пожара в культовых практиках, религии, искусстве, повседневности); нормативно-правовой (особенности законодательного регулирования сферы пожарной охраны, пожаротушения и тех сфер и областей, которые ощущали на себе их воздействие); технико-технологический (особенности технико-технологического уровня оснащения в области поддержания и обеспечения пожарной безопасности граждан).

Содержательный анализ выделенных этапов позволил прийти к выводу о том, что в основе эволюции социокультурного статуса пожара лежали процессы его постепенной рационализации, демифологизации, объективизации и антропологизации.

4. Опираясь на результаты социокультурной диагностики общественного мнения современной российской аудитории (анализ субъективных интерпретаций рассматриваемого явления), можно говорить о следующих особенностях восприятия феномена пожара: синкретичности (слитности в сознании респондентов концептов пожара и огня); амбивалентности (сосуществовании негативной и позитивной оценок пожара); сочетании антропологизации и иррационализации (распределение роли субъекта пожара между человеком и неподвластными ему силами, признание возможности контроля над пожарами со стороны человека рациональными способами и демонстрация иррациональных, основанных на суевериях и магических действиях, моделей поведения); социокультурной детерминированности (фиксация национальной специфики моделей взаимодействия с пожаром, отражение в восприятии пожара наиболее ярких черт национального характера); политизированности (интерпретация катастроф, связанных с пожарами, как символа кризиса политической системы, власти и общего социального дисбаланса); транснациональности (отношение к пожару как к глобальному явлению, затрагивающему интересы всего мирового сообщества); экологизации (восприятие пожаров как проявления масштабного экологического кризиса).

5. К специфическим чертам медийной репрезентации пожара в пространстве современных российских СМИ были отнесены следующие: деполитизация (делегирующее ответственности за возникновение пожара рядовым гражданам, локальным инстанциям, стечению обстоятельств и пр., доминирование образа власти как защитника интересов общества); деперсонализация (избегание информации о конкретных виновных и

жертвах пожаров, представление их в условно-схематическом образе); позитивизация (минимизация и упрощение негативных последствий и акцентирование внимания на путях их преодоления); эмпиризация (репрезентация пожара как источника конструктивного опыта, ресурса социальной кооперации); иррационализация (использование при описании пожаров элементов мистификации, апелляция к теориям заговоров и пр.).

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Основные положения исследования изложены в 15 публикациях общим объемом 5,2 печатных листа (3 из них в рецензируемых научных журналах из Перечня ВАК МНиВО РФ).

Результаты исследования прошли обсуждение на научных и научно-практических конференциях различного уровня: международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и соискателей «Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 2016, 2017, 2018, 2019), Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана (Екатеринбург, 2017), всероссийской научно-практической конференции «Профессиональная компетентность: актуальные информационные и образовательные технологии» (Казань, 2017), I Международной научно-практической конференции «Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность» (Донецк, 2018), IX Всероссийской научно-практической конференции «Природное и культурное наследие Урала» (Челябинск, 2018), республиканской научно-теоретической конференции «Инновационные и технологические подходы к организации учебно-воспитательного процесса в системе высшего образования» (Бухара, 2018), международной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2018), международной научно-практической конференции «Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве» (Чебоксары, 2019), международной научно-практической конференции IX Лазаревские чтения

«Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти» (Челябинск, 2020), всероссийской (национальной) научной конференции «Художественная культура и трансформация индустриального менталитета в условиях моногорода» (Магнитогорск, 2020).

Достоверность результатов подтверждается их использованием в практической деятельности соискателя: в разработке и чтении тематических лекций в рамках мероприятий Информационного центра по атомной энергии г. Челябинска; проведении профильных экскурсий на базе Центра противопожарной пропаганды общественных связей ФКУ «ЦУКС ГУ МЧС России по Челябинской области» («Пожарно-техническая выставка Челябинской области»); проведении обучающих профилактических занятий в детских садах и школах г. Челябинска, в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУ МВД России по Челябинской области.

Основные теоретико-прикладные аспекты диссертационного исследования были использованы в деятельности Центра противопожарной пропаганды общественных связей ФКУ «ЦУКС ГУ МЧС России по Челябинской области».

Обоснованность и достоверность результатов обеспечивается непротиворечивостью теоретико-методологических позиций, междисциплинарным уровнем анализа изучаемого феномена, соответствием используемых методов объекту, предмету, целям и задачам исследования; подтверждается результатами проведенного культурологического исследования (фокус-групповая диагностика и мониторинг СМИ), опорой на междисциплинарную методологию и ряд общенаучных методов (аналогия, анализ, синтез, индукция, дедукция, типологизация и т. д.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Представленные в исследовании положения о специфике места и роли

пожара в пространстве мировой и российской культур (в контексте ценностного, религиозно-мифологического, повседневного и иных аспектов), соответствуют п.1.7 (Культура и религия), 1.8 (Генезис культуры и эволюция культурных форм), 1.9 (Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов), 1.10. (Принципы периодизации и основные периоды в историческом развитии культуры), 1.11. Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии, 1.13 (Факторы развития культуры), 1.26 (Экология культуры), 1.33 (Институты культуры и их функции в обществе), 1.34 (Культура профессиональных сфер деятельности (правовая, политическая, экономическая, административная и др.)) паспорта специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (238 наименований) и приложений. Содержание работы изложено на 169 страницах.

Глава I. Феномен пожара: культурологические основания интерпретации

1.1. Пожар как феномен культуры: сущностные черты и функциональные параметры

Пожары пронизывают историю человечества с момента его зарождения и до наших дней. Их след заметен в процессе становления вида *Homo sapiens*, в развитии науки, техники, религии. Связь пожара и человека настолько прочна, что находит отражение в культуре каждого народа и сегодня.

В той или иной форме в культах и верованиях различных этносов закреплено почтительное отношение к огню. Более того, порой поклонение ему становилось не просто элементом, а ядром культуры. Немаловажным фактом является то, что первой формой и, зачастую, единственным источником огня для наших предков в течение тысяч лет были природные пожары. Они, несомненно, сыграли значительную роль в жизни человека, но при этом долгое время являлись предметом изучения лишь специализированных дисциплин, связанных с изучением процессов горения (Ф. Бэкон, А. Лавуазье, М. Фарадей, В. А. Михельсон и др.) и пожарной безопасностью (А. А. Авдеева, А. А. Егоров, В. В. Ильин, Н. Ю. Новичкова, В. Фуряев, А. П. Чехов, К. Яичко и др.).

В гуманитарном знании феномен пожара по сей день находится на периферии исследовательских интересов. Так, например, в исследованиях, связанных с вопросами становления и развития религиозных представлений, феномен пожара часто сливается с общим концептом огня, выступая (не всегда отчетливо) одной из форм его бытования. Интерпретация пожара в эсхатологическом контексте находит свое отражение в работах М. Элиаде [220, 221, 222] и Н. Н. Талеба [174]. А. Кун [93] и Дж.-Дж. Фрэйзер [200] концентрировали свое внимание на проблеме мифологического генезиса

огненной стихии, А. С. Токарев [183, 184], В. Н. Харузина [205] – на вопросах, связанных с огненными культами и ритуалами архаичных культур.

В ряде лингвистических работ (М. В. Завьяловой [69], Г. В. Приходько [137], К.С. Верхотурова [32, 33] и др.) обнаруживается теснейшая связь между различными явлениями, включёнными в процесс горения. Пожар, зачастую, не только не вычленяется из общего огненного концепта, но и обладает свойствами, синонимичности по отношению к лексеме «огонь».

Антропология, несомненно, стала одним из научных направлений, где тема пожаров в контексте изучения эволюционных процессов разработана в значительно большей степени. Одним из наиболее полных на данный момент трудов в области изучения истории пожаров является цикл работ С.-Дж. Пайна [233]. Также тема пожаров периферийно затронута в работах других современных антропологов (Р. Рэнгема, Й. Радкау, К. Хоукс, Ю. Н. Харари, М. Тевосяна и др.) [154, 142, 232, 204, 178].

Пожар в психологическом ключе, как одну из форм человеческих страхов (пирофобия) и психологических зависимостей (пиромания) осмыслили З. Фрейд [198, 199], Г. Башляр [11], М. Клезен [230] и др.

Образ пожара нередко фигурировал в живописных произведениях, кинематографии, литературе. В этом контексте стоит упомянуть такие произведения, как «Дубровский» А. С. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстова, «Три сестры» А. П. Чехова, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, новеллы И. А. Бунина «Пожар», «Далекий пожар» и многие другие. В них чаще всего пожар выступает неким событийным (хотя иногда и чрезвычайно значимым, символически насыщенным) фоном, а не главным «действующим лицом».

В исторических же документах («Законы царя Хаммурапи», Псковская и Софийская и другие летописи, «Домострой» и многие другие) пожар часто низводился до факта, обозначенного лишь с точки зрения его датировки и/или причиненного им ущерба.

В итоге, на основании этого далеко не полного обзора литературы и источников становится очевидным тот факт, что тематику пожара можно отнести к тому, что А. Я. Флиер в работе «Некультурные функции культуры» назвал «реверсом культуры», «той оборотной ее стороной, которую мы или не замечаем или не причисляем к явлениям культуры» [197, с. 6].

Мы же предлагаем пересмотреть весьма прочно закрепленный в исследовательской традиции статус пожара и релокацировать его с уровня «реверса» культуры на уровень ее «аверса», что подразумевает не только четкое фокусирование научного внимания на пожаре как самостоятельном явлении, но и рассмотрение его как социокультурного феномена.

Последняя мысль нуждается в некоторой конкретизации. С одной стороны, безусловно, пожар следует относить к разряду явлений природы, стихий, неконтролируемых человеком и неподвластных ему (во всяком случае, на ранних этапах развития человечества). С другой же стороны, за тысячелетия человеческой истории пожар так глубоко интегрировался в тело мировой культуры (и в религиозно-мифологические представления, и в пространство повседневности, и в ценностно-нормативные отношения), так существенно трансформировал ее, участвуя в процессах антропо- и культурогенеза на ранних стадиях развития человечества и в более поздние периоды, что, безусловно, может считаться явлением культуры.

Однако при осмыслении пожара именно в таком, культурологическом русле достаточно сложно опереться на сколько-нибудь сложившийся теоретический и методологический опыт. При целенаправленном поиске мы обнаружили ряд научных работ, рассматривавших пожар в контексте более широкой социокультурной проблематики, но стоит отметить, что исследователей, фокусирующих свой научный интерес исключительно на пожаре как самостоятельном явлении культуры, нами выявлено не было.

Сложность культурологической интерпретации пожара усугубляется еще и размытостью смысловых границ данного феномена, до сих пор

невыработанным подходом к его сущностной дифференциации от близких, но не тождественных ему понятий и соответствующих им явлений – «огонь», «сожжение», «поджог», «горение» и др. Их нередкое использование в синонимичном ключе (и в специализированной литературе, и в исторических, законодательных, религиозных текстах, и в литературных произведениях и пр.) чревато не просто терминологической путаницей, но и трансформацией смысла. Поэтому ниже мы рассмотрим такого рода явления и постараемся разграничить их сущностные черты и показать специфику каждого.

Начнем анализ с термина «огонь», поскольку он наиболее близок и по своей семантике, и по словоупотребительной практике термину «пожар».

Так, в «Толковом словаре» Т. Ф. Ефремовой огонь трактуется как: 1. Раскаленные светящиеся газы, выделяющиеся при горении; пламя; 2. Что-либо горящее или зажженное; 3. Свет от осветительных приборов или от чего-либо горящего; 4. Повышенная температура тела, жар; 5. Внутреннее горение, страсть [68].

В. И. Даль описывает огонь как «явление горенья; высшая степень жара, которая проявляется сгущенным светом; соединенье тепла и света, при сгорании тела; раскаленный газ, пары, обнимающие все горящее; пламя, или жар (тлеющий), искра и пр.» [51].

Уже на уровне терминологии заметна связь между огнем и пожаром. В некоторых языках слова «огонь» и «пожар» не просто являются однокоренными, но более того – полностью совпадет их написание, а разница заметна лишь по контексту (например, слово *fire* в английском языке).

В русском языке разница более очевидна. В данном случае слово «пожар» является образованным от слова «жар», воплощает термические свойства огня и относится к одной с ним этимологической цепочке [193, с. 302]. Более того, по мнению исследователей, слово «пожар» получило

распространение на Руси в XI-XII веках, до этого связанные с данным термином явления чаще именовались «огнем». С XII же века слово пожар вошло в языковую практику, для обозначения неконтролируемого и разрушительного огня [164, с. 94].

По мысли С. В. Максимова и Л. Я. Штернберга, в период зарождения религиозных представлений и формирования огненных культов в силу синкретичности мышления первобытного человека дифференциации огненной стихии также не существовало [106, с. 197; 217, с. 247]. Это объясняет использование единого и общего слова «огонь», в том числе и для обозначения явления, определяемого нами сегодня как «пожар».

Еще одним подтверждением мысли о смысловой близости или даже тождественности понятий пожара и огня является анализ канонических религиозных текстов. При сопоставлении переводов отрывков Ветхозаветных Библейских текстов (Исход 22:6; Послание Иеремии 1:54; Второзаконие 29:23; Откровение 18:9, 18:18) можно увидеть, что речь идет, несомненно, о пожаре, но при этом в старославянском варианте перевода данного текста, используется слово «огонь» (но в значении пожара): «Аще же изшед огонь обрящет терние и запалит гумно, или класы, или ниву, да отдаст, иже возже огонь» [130]. В современном переводе аналогичного фрагмента текста используется слово «пожар»: «Человек может развести огонь, чтобы сжечь на своём поле терновник. Если пожар распространится и сожжёт урожай соседа или зерно, растущее на поле у соседа, то тот, по чьей вине начался пожар, должен заплатить за всё сгоревшее» [130].

Безусловно, на уровне социокультурной оценки огонь и пожар (особенно в теоцентрических обществах) связаны практически неразделимо – и в силу уже упоминаемой нами синкретичности архаичного мышления, и в силу их генетической взаимообусловленности (пожар долгое время был единственным источником огня), и в силу их бинарной семантики (и пожар,

и огонь могут являться как разрушительными, так и созидательными силами).

На уровне же естественнонаучного подхода между огнем и пожаром существует довольно четко фиксируемая граница, связанная, по мнению К. С. Верхотуровой, со стадией и мерой процесса горения и его контроля [32, с. 139]. В области естественных наук под горением понимается сложный физико-химический процесс превращения исходных веществ в продукты сгорания в ходе экзотермических реакций, сопровождающихся интенсивным выделением тепла [21].

В данном случае весьма иллюстративна аналогия с маятником, за одну из крайних позиций которого мы принимаем состояние полного контроля над процессом горения и именуем его «огонь прирученный», а противоположную точку – состояние полного отсутствия контроля над процессом, что превращает процесс горения в «пожар».

Срединное положение этого воображаемого маятника соответствует понятию *«сожжение»*, при котором контроль над огнем находится в руках лишь у одной из взаимодействующих сторон (сожжение городов во время военных действий; сожжение еретиков; сожжение Богом городов Содома и Гоморры в Ветхом завете и т.д.).

В словаре Д. Н. Ушакова под сожжением понимается следующее: «Сожжение – действие по глаголу сжечь-сжигать. Предать сожжению. Сожжение на костре (один из видов смертной казни за преступление против религии)» [191]. Практически идентичные определения встречаются в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [68].

Большой юридический словарь трактует данный термин в значении, синонимичном «аутодафе», подразумевающим под собой «один из квалифицированных способов смертной казни» [22]. В словарной статье отдельно подчеркивается, что основной целью сожжения «было не столько

причинить страдания казнимым, сколько уничтожить «нечистую силу» и «наказать поджигателей».

Возможно, сожжение поджигателей не являлось проявлением принципа «ока за око», как утверждает источник. Подобный закон можно объяснить тем, что, в соответствии с религиозными воззрениями наших предков, рукой поджигателя могли руководить силы зла, демоны и аналогичные им сущности, а, следовательно, его душу (как и душу еретиков) необходимо было очистить, либо столь суровая кара могла быть связана с тем, что, совершая подобное, человек, посягал на право богов карать огнем.

Во многих культурах огонь являлся проявлением божественного могущества или святости. Удары молний и пожары, возникшие вследствие таких ударов, обожествлялись как овеществленное проявление силы богов [182]. Человек, использующий огонь для поджога, таким образом, присваивал себе роль божества.

Также стоит отметить, что в словаре синонимов русского языка в одном ряду с термином «сожжение» стоят понятия «аутодафе, всесожжение, испепеление, кремация, самосожжение, трупосожжение» [165].

Еще одним значимым в данном контексте термином является термин «*поджог*». Толковый словарь Д. Н. Ушакова и «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой трактуют термин «поджог» практически идентично, а именно: «Поджог – преднамеренное предание огню каких-либо сооружений, имущества» [191, 68].

Термины «пожар» и «поджог» не являются в полной мере синонимичными, но между ними существует тесная связь. Сам по себе поджог еще не является пожаром, но его можно назвать воплощением преднамеренного использования разрушительной силы огня, в некоторых случаях направленной не на провоцирование пожара, а на его подавление (метод «пал на пал») [152, с. 130].

Наиболее значимым в цепочке близкородственных явлений и соответствующих им терминов в контексте нашей работы является *пожар*.

Мы уже отмечали выше, что в основном определения данного термина представлены в узкопрофессиональной, естественнонаучной или технической литературе, связанной с изучением особенностей физико-химических процессов горения, пожарной охраной и законодательством в сфере обеспечения пожарной безопасности, со сферой лесной пирологии (наука о природе лесных пожаров, борьбе с ними и об использовании положительной роли огня в лесном хозяйстве), а также с некоторыми разделами психиатрии, изучающими пироманию и пиррофобии.

Одно из наиболее ранних задокументированных определений термина «пожар» представлено в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» и описывает его не только в значении близком к современному пониманию, но также в значениях «пепелища» и «костра». Близкими по смыслу (но не синонимичными пожару) в данном источнике являются слова «пожечи», «пожечися», «пожжние» [164, с. 94].

Толковый словарь В. И. Даля (1882 г.) дает следующее определение термина «пожар»: «Пожаръ - м. охватъ и истребленіе огнемъ строения, или вообще чего-либо горючего, но въ такихъ размерахъ, что огонь беретъ верхъ надъ усиліями челоуѣка» [51, с. 569-570].

В соответствии со словарем Д. Н. Ушакова (1940 г.) пожар – это «распространение огня, сопровождающееся уничтожением имущества и всего, что может гореть» [191].

Если обратиться к толковому словарю русского языка С. И. Ожегова (1960 г.), то слово «пожар» имеет следующее значение: «Пламя, широко охватившее и уничтожающее что-нибудь» [122].

Толковый словарь С. А. Кузнецова определяет пожар как «сильное пламя, охватывающее и уничтожающее всё, что может гореть; самое горение, уничтожение чего-либо огнём; месторасположение такого огня» [91, с. 752].

Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. N 69-ФЗ «О пожарной безопасности» трактует данный термин как «...неконтролируемое горение вне специального очага, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства...» [149].

В соответствии с «Новым толково-словообразовательным словарем русского языка» Т. Ф. Ефремовой «пожар»: 1) а) Распространение огня, сопровождающееся уничтожением имущества и всего того, что может сгореть; б) Место распространения такого огня; 2) Сильные чувства, охватившие человека; 3) Бурно развивающиеся событиях большого общественного значения [68].

Анализируя совокупность вышеперечисленных определений термина «пожар», мы можем видеть, что их смысловой основой является процесс горения и потенциальный ущерб, который данное явление может принести обществу. Подобное восприятие отличается одномерностью и концентрирует внимание исключительно на негативных коннотациях данного феномена – его разрушительной, деструктивной составляющей. Такой подход лишает исследователей возможности проникнуть в сущность феномена пожара, выйти за онтологические пределы его естественной природы.

Поэтому мы выработали собственное определение феномена «пожар», если не снимающее все недостатки указанных выше определений, то, по крайней мере, отражающее его сложную, двойственную, естественную и искусственную (культурную) природу. Под *пожаром* как феноменом культуры понимается совокупный образ действия иррациональных и рациональных сил, обладающих дихотомической (натурально-природной и культурно-интерпретационной, разрушительной и созидательной) функциональной основой и воплощаемых посредством процесса стихийного, неконтролируемого горения [17].

Таким образом, по нашему мнению, пожар, рассматриваемый в культурологическом ключе, следует интерпретировать не столько как

природную стихию, сколько как своего рода семиотическую систему – совокупность знаков, позволяющих распознать намерения высших божественных (иррациональных) сил. И подобное восприятие пожара, присваиваемые ему *социокультурные черты*, как показал анализ разнообразных мифологических и религиозных представлений, религиозных текстов и технических документов, исторических источников и историко-культурных исследований, универсально практически для всех культур.

Ниже мы выделили наиболее общие и существенные из них.

1. Синкретичность

Синкретичность пожара проявлялась, во-первых, в слитности его естественной и культурной природы. Кроме того, образ пожара очень длительное время существовал в синкретичном единстве с образом огня, как часть единого и масштабного огненного культа. На протяжении тысячелетий (вплоть до появления протогородов, государств и частной собственности) люди стремились не разделять огонь и пожар, воспринимая последний проявлением или формой бытия первого, что может быть подтверждено на уровне этимологии. Исследования в этой области показывают, что пожар не является отдельной лексемой, а скорее транслирует одно из состояний огня, меру горения и его силу [32]. Данная особенность отражается и на уровне мифолого-религиозного восприятия. Огненное божество коренных народов Алтая, почитаемое как «От-Эне» (мать огня) воплощает в себе и огонь домашнего очага и пламя пожара [135, с. 51; 179, с. 8].

2. Амбивалентность

Амбивалентность восприятия пожаров проявлялась через сосуществование двух разновекторных паттернов – позитивизации и катастрофизации. Так, пожар, который оценивался как страшная угроза и опасность, наделялся при этом чертами очищающей, обновляющей и даже объединяющей силы. Подобная трактовка пожаров широко отражена в эсхатологических концепциях, а также через сакрализацию определенных

видов пожара. Например, во многих культурах было принято почитать пожары, вызванные ударом молнии [92].

Так, у восточных славян подобные пожары считались следствием борьбы бога Перуна, защищающего людей от мрака и холода. Данные пожары было не принято тушить – подобное действие истолковывалось как противление воле бога, разрушительные действия которого направлены на защиту человека (предполагалось, что во время грозы в мир людей проникают черти, демоны, которых Бог уничтожает посредством молнии). Убитый молнией человек мог восприниматься как святой или мученик, а гибель при пожаре, в данных обстоятельствах, могла рассматриваться как неизбежность и, вероятно, не осмыслялась как трагическое событие [17, с. 90; 148].

Аналогично проявлялась амбивалентность в трактовке исторических пожаров в России. Пожар 1837 года в Зимнем дворце стал примером сложности интерпретации данного явления. По словам М. Л. Майофис, ряд публицистов того времени описывали катастрофическое для страны событие как нечто наделенное высшим, сакральным смыслом, формируя среди широких слоев населения образ пожара как синонима испытания, символа патриотического подъема и подтверждения правомерности и даже святости монархической власти [88, 102].

В сознании человека на протяжении всего периода взаимодействия с огнем пожары ассоциировались одновременно с почитанием и ужасом. Образ пожара вызывал двойственные, порой полярные эмоции. Это было определено, вероятно, сочетанием зависимости человека от огня, источником которого долгое время являлись пожары, и страхом разрушения, связанным с ним, с желанием сохранить пожар-огонь и уничтожить его.

Подобная двойственность наиболее полно раскрывается в противопоставлении пожаров сакральных, осмысленных с религиозной точки

зрения, и пожаров «светских», являющихся в восприятии общества лишь побочным продуктом взаимодействия огня и человека.

В первом случае пожар воспринимался как результат несоблюдения человеком божественных законов, как проявление божественного гнева или борьбы богов между собой, а, следовательно, предполагалось, что такие пожары люди должны принимать со смирением и почтением.

Существуют многочисленные упоминания отказа тушить пожары, вызванные молнией, а также использования в дальнейшем фрагментов сгоревших конструкций в качестве оберегов.

Так пожар приобретал форму сакрального события, которое не могло рассматриваться лишь с точки зрения негативных коннотаций, а несло в себе и элементы очищения, обновления, искупления или указания на необходимость изменений в поведении, как отдельного человека, так и целого общества.

Во втором случае пожар воспринимался как объективный результат нарушения установленных правил использования огня, основанных на наблюдениях за свойствами и особенностями процесса горения и тем, как ведут себя различные материалы при термическом воздействии. Человек в данном случае смотрел на огонь как на незаменимый ресурс, способный удовлетворить его потребности, а пожар, соответственно, становился вероятной, сопутствующей угрозой, для минимизации которой, еще на ранних этапах, создавались различные технические приспособления.

3. Табуированность

Одной из особенностей представленности феномена пожара в культуре, характерной для различных этносов, является его скрытость, можно даже сказать табуированность. Несмотря на значимость данного явления и его роль в процессах антропо- и культурогенеза, образ пожара редко встречается вне рамок специализированной литературы. Подобное несоответствие значимости и представленности пожара может быть объяснено за счет его

изначальной сакрализации и присущей первобытным культурам традиции умалчивать или не именовать особо значимые явления.

Дальнейшее же табуирование этой темы, на последующих этапах развития общества, может быть связано с верой во взаимосвязь между упоминанием явления и его воплощением. Исследования подобной формы магического мышления широко представлены в работе Дж.-Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». В соответствии с предложенными им принципами магического мышления, построенными на «законе подобия» и «законе соприкосновения», вероятно, функционирует и ряд представлений, связанных с пожарами [200, с. 201-204].

Анализируя приметы и верования, ассоциированные с пожарами в разных культурах, можно обнаружить подтверждения данных идей. Примером действия закона «подобное производит подобное», могут выступать особенности верований представителей коренных народов Севера. Распространенное среди них поклонение «матери огня» предполагает, что соблюдение правил как в отношении огня, так и нормативных установок в целом, ведет к благоприятным последствиям, а нарушение табу (ссоры возле очага, сжигание мусора в огне, использование острых предметов для взаимодействия с огнем и т.д.) может спровоцировать пожар [56, с. 5].

Так, в соответствии с «законом подобия» и логикой симпатической магии бережное и уважительное отношение к огню (например, священному жертвеннику богини Гестии; огню домашнего очага у славянских народов и др.) защищало от пожаров и других разрушений, связанных с огнем. Проявлением контагиозной магии может выступать вера в способность пожара «следовать» за людьми, вызвавшими пожар («За зажигой и огонь») или предметами, украденными или унесенными с места возгорания [207 с. 506].

При этом отдельно стоит рассмотреть другой пример действия «закона соприкосновения», а именно верования связанные с защитными свойствами

головни, принесенной с места пожара [200, с. 838]. Интересным представляется анализ возникающего противоречия, когда одновременно существует верование о недопустимости мародерства во время пожара (судя по тому, что первые законы против подробных действий относятся к периоду создания свода законов Хаммурапи, то, несомненно, подобные явления были распространены на ранних этапах развития человеческого общества), указывающее, что пожар «последует» за похищенной вещью и распространённой верой в обережные свойства головни, принесенной с пожара.

Причин возникновения подобного несоответствия может быть несколько. Во-первых, головешка может быть аналогом «перуновой стрелки» (песка спекшегося после удара молнии), который часто использовался как защита от пожаров во время грозы и вероятно отражал веру в невозможность попадания молнии дважды в одно и то же место. С другой стороны, использование головешки могло быть символом некоего обмана, подлога используемого для того чтобы запутать бесов, имитируя через сгоревший элемент то, что в этом доме уже был пожар. Третья причина связана с сакрализацией пожаров, вызванных ударом молнии, а, следовательно, и всех элементов возникающих в результате этого события [21, с. 39; 185].

4. Цикличность

Пожар, как с точки зрения его культурологического осмысления, так и с точки зрения естественных наук, является не только разрушительным явлением, символизирующим уничтожение, прекращение бытия, но и предполагает дальнейшее восстановление и изменение.

Цикличность пожаров и соответствующие циклы восстановления природной среды после их возникновения рассмотрены в различных сферах естественных наук, что позволяет ученым изучать данное явление во всей его многогранности, не применяя к нему ярлыки исключительно негативного, разрушительного процесса.

Однако с точки зрения культурологии интерес представляет не только цикличность самого пожара, сколько его встроенность в систему мировых циклов. Пожар чрезвычайно часто, особенно в эсхатологической мифологии, как будет показано ниже, является неотъемлемой частью трансформации циклов мирового бытия. Стоит отметить, что наиболее распространённым эсхатологическим сюжетом является не окончательное завершение мирового цикла в огне вселенского пожара, а его обновление и возрождение в огне.

Например, в рамках зороастрийской теории срок жизни Вселенной ограничен двенадцатью тысячами лет. Согласно их верованиям борьба добра со злом окончится вселенской катастрофой, которая подразумевала очищение и обновление мира в огне [3].

В «Махабхарате» в книге «Мокша Дхарма» также описана гибель планеты в результате мирового пожара, в результате которого все живое будет уничтожено и «земля будет похожа на спину черепахи», но с новым циклом мир обновится [109, с. 263].

Аналогичный сценарий описан и в древнеисландском эпосе «Старшая Эдда», где также повествуется о гибели мира в огне вселенского пожара [169]. Отметим, что пожар в данных концепциях, зачастую, не является финальной точкой жизни на Земле, а завершает один из циклов и знаменует начало нового, будучи необходимым условием обновления и поддержания мира.

5. Анимизм и антропоморфизм

Отношение к пожару как живому существу также встречается в рамках огненных верований. Предполагалось, что пожарам, как и огню в целом, требуется пища, вода, воздух, сон. Большое значение в огненных культах коренных народов Севера придавалось ритуалам огненной жертвы или «кормления огня», когда в огонь бросали пищу или иные виды подношений [56, с. 10]. Подобные ритуалы могут быть рассмотрены как попытка задобрить огненных богов, дать им «жертву» добровольно для того чтобы

избежать гнева богов и пожаров, во время которых разгневанные боги могли забрать у человека гораздо больше.

Помимо этого, антропоморфизм в восприятии пожара выражался в специфике форм и принципов использования инструменты для добывания огня, в частности огненные доски, часто изготавливались в форме человеческой фигуры, а сам акт добычи огня ассоциировался с актом деторождения. Более того, на древних стоянках наших предков ученые находили, в самих очагах или поблизости с ними, камни окрашенные охрой с символически нанесенными на них углублениями, аналогичными человеческому лицу, что также указывает на антропоморфное восприятие процесса горения уже на этапе зарождения огненных культов [15; 113, с.113].

Еще одним примером анимизации пожара является дух (ками) стихийного огня Кагуцути в японской синтоистской мифологии. В соответствии с мифом Кагуцути при рождении сжигает свою мать, будучи неспособным контролировать свою огненную силу. Остальные боги пытаются успокоить огонь, порожденный Кагуцути, используя традиционные для японцев средства тушения пожаров (тыква и тростник для переноски воды) [181, с. 438].

Данная черта является отражением специфики мифологического мышления, в основе которого лежала потребность в адаптации к миру через его познание. Поскольку научных механизмов осмысления окружающей действительности еще не было выработано, человек использовал доступные ему формы и методы, в частности – «метод» объяснения неизвестного через известное, то есть через присвоение природным явлениям человеческих свойств (анимизация и антропоморфизация) [173].

Так, наблюдая за течением пожара, человек мог видеть, как огонь сначала «пожирал» деревья и растительность, животных и птиц, не успевших спастись, а затем, спустя какое-то время, затихает в силу естественных причин (дождь, возникновение препятствия, нехватка топлива

и т.д.). Подобная картина могла сформировать в сознании первобытного человека образ пожара как живого существа, которому требуется пища, как и человеку, а, следовательно, его можно «накормить» – задобрить подношением (жертвой).

Стоит также отметить, что восприятие пожара существенно трансформировалось на разных этапах развития человечества. Степень и характер зависимости человека от огня, уровень разрушений от пожаров и возможность компенсировать потери, уровень технологического развития и средств защиты от огненной стихии – все эти и многие другие факторы (например, общий уровень развития науки, соотношение рационального и иррационального в картине мира общества и др.) оказывали влияние на то, как осмыслялся пожар человеком и какие *социокультурные функции* он выполнял. Среди них мы можем выделить следующие:

1. Верифицирующая функция: пожар как инструмент проверки истинности или святости

Примером проявления верифицирующей функции пожаров могут служить описанные в литературных и исторических документах «чудесные» спасения канонизированных святых, сохранения религиозных построек (храмов, соборов, мечетей и т.д.) во время крупных пожаров, «несгораемые» иконы, религиозные тексты и другие предметы религиозного культа [43, 98].

Пожар в качестве верифицирующего события присутствует в сюжетах фольклорных произведений различных культур, где пожар позволяет увидеть, насколько чисты помыслы и крепка вера человека [127, с. 35].

Очевидно, что существует связь между данной функцией и ритуалом огненных ordeals, предполагающего, что чистота помыслов или крепость веры способны защитить человека от негативного воздействия огня.

2. Нормативно-регулирующая функция: пожар как инструмент контроля над соблюдением человеком установленных в обществе норм и правил

Возникновение пожаров часто связывалось с нарушением неких табу или наказанием за недопустимые с точки зрения данного общества действия. Подобное восприятие позволяло обнаружить вероятностные причины наступившего события и тем самым снизить напряжение из-за непредсказуемости данного явления и повлиять на те, или иные компоненты человеческого поведения. Так, неуважительное отношение к огню в домашнем очаге (печи) в соответствии с поверьями, распространенными в деревнях, приводило к возникновению пожаров [50]. Убийство ласточек, которые считались «чистыми», священными птицами или разорение их гнезд также в соответствии с рядом поверий провоцировало пожары [106 с. 87; 46, с. 315].

Современной формой подобного восприятия пожаров может служить одно из высказываний представителя Русской православной церкви о причинах возникновения пожара с точки зрения их сакрального смысла: «Это наказание за грехи. И нашлись маловеры и клеветники, которые стали укорять Церковь за то, что она говорит несвоевременные, обидные для людей вещи. Но когда смотришь репортажи о том, как ликвидируются пожары, когда слушаешь внимательно заявления экспертов, то понимаешь, насколько же права Церковь, которая свидетельствует о том, что и эти пожары являются наказанием за грех» [132].

3. Эсхатологическая функция: пожар как инструмент тотального или промежуточного конца света

В данном контексте пожар рассматривается как форма воплощения представлений наших предков о конце света и в ряде случаев возрождения мира после вселенского пожара. Сюжеты гибели мира в огне вселенского пожара встречаются в различных культурах.

Так, в соответствии с теорией зороастрийцев борьба добра со злом окончится катастрофой, которая приведет к гибели планеты и ее последующему очищению огнем [20, с. 157-158]. В «Махабхарате»,

отражающей индуистские религиозные воззрения, описана гибель планет в огне вселенского пожара [109]. Аналогичный сценарий описан и в древнеисландском эпосе «Старшая Эдда», который сюжетно восходит к мифологии индоевропейцев. «Прорицание вельвы» повествует о гибели мира, в ходе которого произойдет мировой пожара. Стоит отметить, что в вышеприведенных примерах эсхатологических концепций пожар не становится финальной точкой, а, в соответствии с представлениями М. Элиаде, он лишь позволяет завершить один из циклов, являясь необходимым условием обновления и существования мира [221].

4. Очистительная функция: пожар как инструмент очищения

Данная функция является следствием наблюдения нашими предками за процессом горения в природе и последующим процессом восстановления и изменения окружающей природной среды. Лесные пожары и целенаправленный огненный пал расчищали территории для будущего заселения человека, помогали бороться с эпидемиями, «очищали» новые земли от прошлых обитателей, как в буквальном, так и в метафорическом смысле [111, 181]. В одном из описаний природы индуистского огненного божества Агни мы можем видеть мотивы очищения через разрушение «...сила пожирающего желания, которая питается земляными всходами, разрывает и истребляет все, что ее питает, оставляя черную, обугленную полосу, обозначающую проход огня там, где прежде была радость и великолепие земных лесов. Но во всем этом присутствует труд очищения, который становится осознанным для человека, вершащего жертвоприношение» [136, 173].

5. Утилитарная функция: пожар как инструмент удовлетворения витальных потребностей человека

По мнению ряда ученых (Р. Ренгем, Н. Харари), именно природные пожары стали первыми источниками термически обработанной пищи для наших предков, что в свою очередь оказало огромное влияние на процессы

антропогенеза [154 с. 294]. Можно казать, что пожары «научили» наших предков готовить и обрабатывать различные материалы [204, с. 27]. Природные пожары позволяли расчищать территории под будущие поселения или сельскохозяйственные нужды, что, по мнению исследователя пожаров С.-Дж. Пайна, было единственным доступным для наших предков способом эффективного воздействия человека на окружающий его природный ландшафт [233, с. 34].

Пожары в ходе человеческой истории ни единожды становились значимым фактором в ходе ведения военных действий или предупреждении эпидемий. Примерами могут служить пожар в Москве 1812 года или Великий лондонский пожар 1666 года.

Постоянная угроза возгораний, а также разрушения, к которым приводили многочисленные пожары, требовала от человека активных действий по адаптации к данному виду опасности. Так пожары в значительной мере повлияли на развитие каменного строительства и совершенствование наук в области градостроительства. Оказали воздействие на исследования в области применения термоустойчивых материалов, развитию техники направленной на обеспечение пожарной безопасности, привели к формированию специализированного социального института – пожарной охраны. Так, уже в 200 г. до н.э. были созданы первые поршневые насосы и ряд других устройств, используемых для пожаротушения [1, с. 15-17; 24, с. 8].

Одним из примеров внедрения каменного строительства на Руси стал крупный пожар XIV века. Всехсвятский пожар, произошедший в Москве в 1365 году, привел к значительному ущербу и разрушениям, в ходе которых пострадали оборонительные стены города. В дальнейшем в качестве материала для их постройки был использован камень, заменивший легковоспламеняемую древесину [99].

6. Семиотическая функция: пожар как знак «божественной» воли

Пожары отражали не только силу богов, но и становились символами их воли (гнева/благодати). Одним из примеров подобной логики восприятия пожаров может служить отрывок из Ветхого завета (Откровение, глава 18): «За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее. И восплачут и возрыдают о ней цари земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара ее, стоя издали от страха мучений ее и говоря: горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой» [126, 130]. Пожар раскрывается как символ божественного расположения в притчах, представленных как в христианской, так и в иных религиозных традициях [56, с.10].

Пожар обретает символическое значение не только в рамках религиозных учений, но и в контексте художественных произведений. Примерами в данном случае могут служить пожары в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, пожар в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», пьесе А. П. Чехов «Три сестры» и др. Пожар в литературных произведениях не всегда наделен исключительно негативными коннотациями, зачастую в данном явлении раскрывается многоаспектность пожара, его неоднозначная дихотомическая структура и символика.

7. Интегративно-коммуникативная функция

Пожар в силу своей разрушительной природы зачастую затрагивал не только отдельного человека или домохозяйство, но сказывался на жизни целого поселения, города, а порой оказывал воздействие одновременно на несколько стран. Примером этого могут служить современные пожары на атомных электростанциях, в результате которых радиоактивное загрязнение затронуло обширных территорий, далеко за пределами стран, непосредственно пострадавших от аварии [16].

Так, радиоактивный след от аварии на Чернобыльской атомной электростанции (территория Украинской ССР, ныне Украина) был

зафиксирован не только на территории СССР, но и на территории ряда европейских странах (вплоть до Норвегии). Результатом аварии на атомной электростанции Фукусима 1 (Окума, Япония) стало радиоактивное загрязнение, зафиксированное в Мировом океане [186; 156, с. 365]. Стоит сказать, что в данных случаях пожар не являлся первопричиной возникновения аварий, но был фактором, значительно осложнявшим как сами последствия аварии, так и процесс ликвидации последствий. Это в свою очередь сформировало в обществе потребность к консолидации сил и средств для воздействия на сложившуюся ситуацию.

Еще одним примером влияния пожара как интегративно-коммуникативного фактора является формирование вокруг данного феномена специализированных социальных институтов и практик, таких как: страховое дело в области защиты имущества от огня, института пожарной охраны, формирование Глобального центра мониторинга пожаров и международных пожарных информационных систем [42; 105, с. 62].

Таким образом, пожар, его последствия и даже риск его возникновения требовали вовлечения обширных групп людей, что оказывало влияние на особенности их взаимодействия и коммуникации.

Подводя итог первому параграфу, мы хотели бы отметить следующее.

Феномен пожара теснейшим образом связан с близкими, но не тождественными ему «огненными понятиями» – огня, горения, сожжения, поджога и др. Мы полагаем, что единственным способом разграничения пожара и данных явлений может стать введение дивергентного критерия (критерия разделения). Возвращаясь к определению пожара, которое мы предложили выше, можно сказать, что таким критерием выступает степень стихийности и степень контроля над процессом горения. Пожар, в отличие, скажем, от огня, возникает и протекает с максимальной долей стихийности и при минимальной степени контроля над ним со стороны человека (или вообще при отсутствии таковой). Горения само по себе не надделено

ценностными критериями и характеристиками, равноценным топливом для огня будет являться и лесной сухостой, и древний уникальных храм. Таким образом горение приобретает статус пожара лишь в случае соприкосновения с человеком и тем, что в процессе эволюции человек присваивал себе (природные, культурные объекты) и воспринимал как ценность.

Уникальность феномена пожара заключается в том, что он существует на пересечении природной и культурной сфер. Если процесс горения зародился на планете задолго до появления человека и существовал долгое время без него, то пожары никогда не существовали в отрыве от человека. Горение приобретало характеристики и статус пожара только при условии осмысления данного явления человеком в доступных его пониманию формах, характерных для уровня познания в определенный культурно-исторический период.

Таким образом, феномен пожара существует в двух плоскостях: естественно-научной – как результат физико-химического процесса горения и социокультурной – как ценностно окрашенное, наделенное смыслами и значениями явление.

Нам представляется эвристичным и с научно-исследовательских, и с прагматичных позиций рассматривать пожар в единстве двух указанных плоскостей. Только такой подход позволит охватить данный феномен во всей его многогранности и целостности, отразить его роль в культурогенезе и развитии человечества, осмыслить ценностный статус в пространстве современной культуры.

Включив феномен пожара в общее уравнение культурогенеза, мы можем увидеть, что различные сферы культуры, такие как религия, мифология, искусство, культура повседневности, культура материального производства, правовая культура и другие формировались, развивались, трансформировались, в том числе под влиянием пожаров и потребности в сосуществовании с ними, в их контроле и использовании их позитивных

эффектов. Если культура рассматривается как преодоление природного начала и победа над ним, то пожары, несомненно, можно рассматривать, как фактор и условие антропо- и культурогенеза, как их неотъемлемая и чрезвычайно значимая.

1.2. Пожар как фактор антропо- и культурогенеза

Древние пожары, в огне которых сотни тысяч лет вершилась история нашего вида, не утасли до сих пор. Отголоски огненной стихии прошлого вплетены в религиозные и философские учения, отражены в науке, искусстве, зашифрованы в языке. Невозможно представить культуру, не знавшую огня, хотя, скорее, невозможно представить культуру, не знавшую пожаров. Именно пожар, вспыхнув миллионы лет назад, стал одним из значимых условий и катализаторов тех изменений, которые сформировали нас как вид и повлияли на формирование культуры.

Но пожары, ставшие ресурсом для наших предков сегодня, являются одной из глобальных угроз для всего человечества. Несмотря на технический прогресс, научные достижения и высокий уровень развития общества, количество пожаров на планете ежегодно составляет в среднем 5-6 миллионов и каждый год тысячи человек страдают от огня, в огне исчезают бесценные объекты природного и культурного наследия [101, с. 9]. Огонь пожаров не только приводит к огромным материальным убыткам, но и оказывает крайне негативное воздействие на экологическую ситуацию в целом. Казалось бы, нет сомнений в том, что пожар – это разрушительное явление, включающее в себя все негативные последствия процесса горения, ассоциирующееся с катастрофой и гибелью. Однако особенности его осмысления, формы бытования в культуре значительно шире и включают в себя целый спектр дихотомических смыслов.

Первые пожары возникли на планете около 400 миллионов лет назад благодаря сочетанию нескольких элементов: топлива, кислорода и тепла, сформировавших «пожарный треугольник», что привело к появлению уникального ресурса, изменившего нашу планету [233, с. 16]. Пожары постепенно стали неотъемлемой частью окружающей среды и еще до

появления предка современного человека оказывали значительное влияние на экосистему.

Это привело к тому, что в ходе эволюции организмам, чаще других соприкасавшимся с огнем, пришлось адаптироваться к его воздействию и даже использовать его для выживания. На сегодняшний день известен целый ряд представителей флоры и фауны, именуемых «пирофилами». Некоторые виды размножаются или плодоносят только после пожара или огненного пала, другие используют пепел и уголь для того, чтобы выводить потомство, охотиться или питаться. Вероятно, именно с этим связаны мифы о появлении огня, где главным его источником выступают именно животные [234]. Среди австралийских аборигенов и сегодня бытует миф, вызывающий серьезный интерес у орнитологов – миф об «огненных соколах», в соответствии с которым нескольких видов хищных птиц провоцируют пожары ради охоты (похищают горящие головенки и угли из костров или увеличивают площадь уже возникшего пожара) [166, с. 94-96].

Но предок человека во взаимодействии с пожаром пошел значительно дальше: он не просто приспособился к нему, он сделал его своим союзником и проводником, распространив его по всем континентам [233, с. 149].

Использование огня многие ученые воспринимают как некий Рубикон для нашего вида, отделяющий человека от животных. Это подтверждается словами В. В. Вернадского о том, что «когда человек овладел огнем и стал создавать первые орудия, он положил начало своему преимуществу перед высшими животными, борьба с которыми занимала огромное место в его истории» [31, с. 89].

Если реконструировать логику взаимодействия наших предков с пожарами, то в этом процессе можно выделить несколько этапов.

1. Этап комменсализма (1,5–2 млн. лет назад – 500 тыс. лет назад). Данные хронологические рамки фиксируют период, когда предок человека

мог использовать лишь природные источники огня (в первую очередь пожары).

Именно пожары «научили» человека использовать огонь. На месте пожаров можно было обнаружить термически обработанную еду; обожжённые и ставшие более крепкими кусочки древесины (результатом могли стать обожжённые древки копий); золу, которая могла служить как для культовых целей, так и для хозяйственных [4, с. 29; 236]. Другим значимым результатом пожаров становится знание о сельскохозяйственных возможностях огня. Выжженная территория быстро заполнялась новыми видами низкорослой флоры и становилась более пригодной для охоты, жизни и возделывания [237]. Также человек мог увидеть и осмыслить процесс восстановления и изменения земли после воздействия пожара, что в дальнейшем способствовало формированию системы подсечно-огневого земледелия, сохранившегося в ряде регионов до начала XX века [238].

К сожалению, ни археологических, ни каких-либо иных артефактов, свидетельствующих о взаимодействии человека и пожара на данном этапе, не сохранилось. Осмысление такого рода взаимодействия носит характер реконструкции и проекции на далекое прошлое того поведения человека во время и после пожара, которое удалось зафиксировать ученым применительно к более поздним этапам развития человечества [235, с. 21].

2. Этап приспособления (500–300 тыс. лет назад – 10–8 тыс. лет назад). Данный этап характеризуется, прежде всего, тем, что человек освоил возможности самостоятельной добычи огня.

На сегодняшний день ученые, опираясь в первую очередь на археологические находки в местах стоянок первобытного человека, предлагают несколько возможных временных интервалов.

Но наиболее распространённой и принятой в научном сообществе является версия о том, что постоянное, регулярное и интенсивное использование огня началось в районе 400–350 тысяч лет назад [108; 205, с.

74-75]. Самостоятельная добыча огня привела к масштабным изменениям в жизни человека. Понижилась зависимость от климатических условий и смены дня и ночи, что позволило человеку осваивать новые территории и продолжать свою деятельность с наступлением темного времени суток. Термическая обработка пищи, как и на предыдущем этапе, позволяла получать больше питательных веществ, есть ранее недоступные продукты (несъедобные или ядовитые в сыром виде), а также заготавливать и сохранять продукты на более длительный период, что снизило риск непредсказуемого наступления голода и позволило также передвигаться на большие расстояния и заселять новые территории. Помимо этого использование огня позволило усовершенствовать орудия труда, что в свою очередь повысило качество и эффективность охоты, рыбалки и других видов деятельности [176, с. 60].

Традиционно считалось, что именно освоенный, прирученный огонь стало мощным катализатором антропо- и культурогенеза [103, с. 116]. Однако научная теория Р. Рэнгама и Р. Кармоди, биологов Гарвардского университета, основанная на находках обугленных костей различных видов животных и одного из видов гоминид в Сварткапской пещере (Южная Африка), опровергает это сложившееся мнение и отводит роль такого рода катализатора природным пожарам (а не прирученному огню), отодвигая начальную стадию эволюционного прорыва почти на миллион лет назад от общепризнанной даты (500-350 тыс. лет назад) [154, с. 24].

Подобного же мнения придерживаются и антропологи из университета Юты. Они предположили, что наиболее значимым условием развития человеческого вида (анатомические изменения, связанные с изменением в рационе – уменьшение размера зубов, челюстной мускулатуры и др.) стало пассивное использование огня (полученного в результате природных пожаров), а не его освоение [232, с. 54]. Ученые-антропологи также доказали, что изменения в экологической системе данного периода привели к

увеличению числа природных пожаров, что в свою очередь позволило предкам человека использовать природные пожары как ресурс для саморазвития: погибшие в огне животные и обожженные растения, непригодные в пищу в сыром виде, становились дополнительным источником пищи. Более того, в таком виде еда лучше усваивалась, становилась более питательной и безопасной [236, с. 135].

Таким образом, мы можем говорить о том, что не приручение огня стало причиной глобальных перемен для нашего вида. Оно являлось скорее следствием того, что человек, столкнувшись с природными пожарами, научился использовать их для трансформации окружающего мира и для удовлетворения своих витальных потребностей [95, с. 23].

Возвращаясь к анализу содержания данного периода, нельзя не отметить, что значимость пожаров и их роль в жизни человека значительно снижается – умение самостоятельно добывать огонь изменило парадигму во взаимодействии человека и пожара.

В полной мере это относится и к стихии пожара, и к «прирученному» огню. На это могут указывать археологические находки, а именно обнаружение на различных стоянках возле очагов – окрашенных охрой камней, которым иногда придавалась антропоморфная форма. Однако содержание такого рода религиозных представлений и специфика их материального воплощения остаются загадкой по сей день [113, с. 104].

3. Этап приручения (10–8 тыс. лет назад – настоящее время).

С момента освоения огня, как было отмечено выше, связь человека с пожарами ослабевает. Но только с возникновением оседлых поселений и в дальнейшем, на этапе формирования протогородов, государств, частной собственности эта связь не просто ослабевает, но меняет свою парадигму.

Более того, на этапе перехода к оседлому образу жизни пожар начинает обретать разрушительные, негативные коннотации. Теперь человек не только владеет огнем, он пытается его контролировать и уничтожать в случае

угрозы. На этом этапе зарождаются прообразы современного института пожарной охраны, создаются первые средства пожаротушения, появляются первые законы, связанные с пожарами, что отражает не только изменение отношения к пожарам, но и к степени угрозы, которую видели в них люди [1, с. 15-16].

Такой характер оценки пожара можно назвать рациональным. Его формирование было связано, прежде всего, со страхом потери собственного имущества, ценных материальных предметов и попыткой уберечь их от природного огня.

Параллельно с рационализацией пожара продолжался процесс его сакрализации, сложившийся в культуре в предыдущие периоды ее развития. Пожар по-прежнему воспринимался как явление природы, одушевленная стихия, которую человек боялся и перед которой он преклонялся как перед высшей силой.

Вопрос относительно места пожара в религиозно-мифологических системах различных культур до сих пор является чрезвычайно сложным. Традиционно антропологи и историки религии не стремились вычлениить его, концентрируя внимание на огненных культах в целом. Природа последних связывается либо с поклонением солнцу (М. Мюллер, В. Маннхардт, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев), молнии (В. Шварц, А. Кун), со стремлением к очищению (Э. Вестермарк, Э. Роде, Дж. Фрэзер) или усилению плодородного потенциала природы (В. Вундт) [226, с. 24].

На наш же взгляд, происхождение огненных культов теснейшим образом связано, прежде всего, с сакрализацией пожара. Такого рода культы проистекают из поклонения пожару как первому источнику огня и как одной из природных и до некоторых пор тотально неконтролируемых стихий.

За неимением письменных источников, подтверждающих или опровергающих это предположение, стоит обратиться к логике древних

людей, которую можно отчасти реконструировать благодаря антропологическим и археологическим исследованиям.

Во-первых, подобно тому, как человек поклонялся воде, лесу, земле, воздуху, природе в целом – он поклонялся и пожарам, не делая для них исключение. Пожар, подобно всем остальным силам природы, был жизненно важен для человека, вместе с ним он получал и пищу, и плодородные почвы, и новые виды растений. Но, как и любая стихия, он нес с собой угрозы и разрушения, что не отменяло, а, скорее, напротив, усиливало его сакральность в глазах древних людей.

Во-вторых, даже после освоения навыка добычи огня человек очень долгое время оставался зависим от него – и в силу того, что «искусственный» огонь не обладал всеми ресурсами и возможностями природного пожара, и в силу того, что нередко такой навык утрачивался. Об этом свидетельствуют мифы разных архаических народов, связанные с появлением огня в жизни человека, представленные в работах А. С. Токарева [182, 184, 185].

В-третьих, и до, и после «приручения» пожара огонь рассматривался древним человеком в широком диапазоне смыслов – и как бушующая стихия, и как огонь в пещере, и как ритуальный огонь. В силу синкретизма мышления первобытного человека эти виды огня не дифференцировались и не осмысливались отдельно, представляя собой лишь различные проявления общего огненного концепта. Такая особенность восприятия пожара проявилась и на лингвистическом уровне. Так, в языках англо-фризской группы слова «пожар» и «огонь» пишутся идентично (lefeu - огонь, lefeu - пожар (франц.); fire-пожар, fire-огонь (англ.)) [32, с. 139].

Ситуация несколько меняется, как мы отмечали выше, в связи с появлением государства, городов и частной собственности. Пожар постепенно вычленяется из общего понятия огня, становясь его деструктивным воплощением. Но и на этой стадии развития общества поклонение пожару сохраняло свои древние традиции, а пожар приобрел

черты контролирующей силы и осмысливается как наказание за грехи, посланное Богом, как попытка вернуть верующих на истинный путь через претерпевание кары, очищение и покаяние.

В-четвертых, в рамках религиозно-мифологических представлений самых различных культур объектом поклонения всегда выступала сила или объект, превосходящий человека по силе. Поэтому представляется логичным возникновение огненного культа как результата поклонения стихийной форме огня – пожару, а не его прирученной форме. Огонь в костровище или очаге в таком ракурсе становится скорее частицей высшей силы, результатом договора человека со стихией.

В соответствии с этой логикой мы можем говорить, что огонь родился из пожара, а следом пожар родился из огня. Данный логический парадокс возникает из-за столкновения нашего современного мышления с тем восприятием мира, которые было присуще нашим предкам. Доминирующая, изначальная форма огня, существовавшая в природе в нашем представлении, несомненно, была бы отнесена к категории пожара, но для наших предков пожар и был огнем, воплощавшем бога или его силу.

Таким образом, можно предположить, что огнепоклонничество стало результатом дихотомической реакции (страха и почтения) на взаимодействие человека с природной первоформой огня – пожаром. Генетически обусловленный страх перед опасным явлением природы [230] и при этом тесная связь с ним, возникшая посредством использования огня (как природного, так и прирученного) для реализации целого ряда витальных и культурных потребностей человека, сформировали сложную систему отношений человека и огня, отраженную в разнообразных огненных культах, многие из которых сохранились до наших дней.

И в подтверждение этого мы находим огромное количество «следов» поклонения пожарам в ткани огненных культов религиозно-мифологических представлений разных культур [173, 174, 200, 217, 216].

Во-первых, во многих огненных культах присутствуют действия, связанные с «кормлением огня». Огонь в данном случае является не просто стихией, а живым существом, который обладает определенными возможностями и потребностями, проходит в своем существовании определенные циклы, схожие с циклами человеческой жизни [172, с. 205].

В качестве жертвы в архаичных верованиях часто выступали люди, в дальнейшем заместительной жертвой в подобных ритуалах стали животные или бескровные жертвы (пищевые продукты, благовония, ценности и т.д.), а для современных культурных традиций наиболее характерны имитации (чучела, куклы, изображения людей и животных) [200, с. 842].

Сама идея принесения чего-либо в дар богам, предкам или духам через акт предания огню может быть реакцией на антропоморфное восприятие окружающей действительности, в том числе пожара и/или результатом наблюдения за природными явлениями. Так человек мог заметить, что при возникновении пожара погибает определенное количество животных, людей и уничтожается в огне растительность (учитывая восприятие деревьев как живых существ на ранних этапах развития общества, это также может быть рассмотрено как гибель [200, с. 463]). За этим апогеем неизбежно следует этап угасания пожара. В сознании первобытного человека подобная последовательность могла породить связь между наступлением события и его завершением после уничтожения чего-либо. Более того, после пожара человек мог наблюдать, как было указано выше, за позитивными или значимыми для него изменениями, происходящими на данной территории и прийти к выводу, что «жертва», отданная богам, может принести ему пользу.

Отголоски подобных верований можно обнаружить в традиции, частично сохранившейся на территории Европы вплоть до XIX века, тушения пожаров от молнии («пожар по милости Божьей») квасом, молоком или освященными яйцами, что скорее может рассматриваться как подношение или ритуальная жертва, чем как средство тушения [207, с. 507]. Так же до

сегодняшних дней у народов Севера сохраняется ритуал «кормления огня» (подношение огню пищевых продуктов, традиционных для данной культуры – кумыс, лепешки и пр.), который можно рассматривать в качестве защитной реакции человека на пожары [37, 56 с. 8; 146].

Проявление подобного отношения к огню – это не только следствие одушевления пламени, но и попытка поддержания договора с духом природного огня, природной стихии, с которой древнему человеку нужно было договариваться. Так, в обско-угорском фольклоре распространен миф о мести огненной богини или бога за ненадлежащее поведение человека, когда наказанием служит пожар, в котором не сгорает только вещь, взятая взаймы у соседей, соблюдающих правила и табу по отношению к огню [207, с. 502].

Во-вторых, практически во всех огненных культах присутствует мотив почитания молнии, что, на наш взгляд, является ни чем иным как усложненной формой почитания пожара, поскольку именно молния являлась наиболее частой причиной природных пожаров, а огонь, полученный от такого рода пожара, часто называли священным или божественным.

По словам Гераклита, видевшего в огне всю суть мироздания и его первооснову, именно молния управляет всеми вещами [41]. Связь огня и молнии отражена в образах различных богов (Зевса, Индры, Тора, Перуна, Одина, Перкунаса, Вяльнясы, Калвелисы, Волгенче, Юмои др.), которые зачастую находились на вершине пантеона [62, 117, 146, 163, 181].

Образ бога молнии нашел свое отражение и в христианской традиции, воплотив в себе представления прошлого. Так существует тесная связь между образами Перуна и Ильи Громовержца, а также существует ряд женских христианских образов, связанных одновременно с молнией и пожарами (Огненная Мария (Марина), св. Агата, иконографический образ Неопалимой купины).

В-третьих, длительные наблюдения за физическими свойствами пожара, способного очищать большие территории и делать их пригодными

для человеческой жизнедеятельности, а также его влияние на сельскохозяйственные практики, могли привести к возникновению идеи о способности огня к ритуальному очищению (такой мотив также встречается во всех огненных культах) и/или верификации (проверке на истинность) [200 с. 829]. На подобном восприятии могли основываться «ордалии» или «Суд Божий» (в ходе ритуалов испытуемый удерживал в руках раскаленные предметы, проходил через разожжённый костер и т.д.), а также в соответствии с этой логикой проводились ритуалы аутодафе или «огненного крещения» раскольников, ритуалы сати, ритуал хождения по углям и др. Отражение подобного видения транслировалось, в том числе и через фольклор: «Сильны огонь и вода, все сокрушают, но с одним совладать не могут – с правдой» [50, с. 197].

Отдельно стоит отметить характерную для многих культур веру в особые свойства «чистого» огня. Под «чистым огнем» подразумевался в первую очередь природный огонь, полученный зачастую в результате удара молнии, а в дальнейшем полученный в результате использования природных компонентов (кремния, определенных пород древесины) [56, с. 11]. Подобный огонь обладал совершенно отличными свойствами по сравнению с прирученным огнем и использовался в первую очередь для религиозных и магических ритуалов.

Ритуалы, связанные с огнем, а именно его функцией очищения характерны для многих культур. Например, в период сбора урожая представители одного из племен североамериканских индейцев должны были проводить обряд очищения, посредством нового «чистого» огня, который добывался жрецом. Такой огонь был способен очистить все племя от грехов, накопленных за год (кроме греха убийства), и позволял приступить к сбору нового урожая, не осквернив его.

Известны и ритуалы очищения иностранцев (или лишения их опасных магических способностей). Например, жители Персии разжигали костры и

использовали дым благовоний для очищения чужаков, прежде чем кто-то посторонний мог переступить границу селения.

Аналогичные очистительные огненные ритуалы характерны и для европейской культуры. Так, в Новой Британии хранили «чистый» огонь в домах в течение трех дней, для избавления от того или иного бедствия [200 с. 833].

В данном случае заметна иерархичность внутри огненной системы, где не все виды огня равноценны: бытовой огонь, несомненно, обладал меньшей ценностью и стоил ниже огня «чистого». Если исходить из предположения, что одним из источников такого огня в древности являлся пожар, то мы можем говорить об особом, сакральном статусе данного проявления огненной стихии для представителей архаичных культур.

По мнению М. Элиаде, человечество в период архаической стадии развития не имело представлений о бесцельной, «мирской» деятельности. Поскольку любая деятельность являлась проявлением сакрального, пришедшего от богов опыта, то само разведение огня считалось не простым навыком, а ритуальным воспроизведением природного огня, создаваемого богами (или богом) [220, с. 143]. Поэтому логичной представляется связь, закрепленная в мифологии и фольклоре, между природным пожаром и породившей его молнией, ассоциируемой с божественной силой, и искрами, высекаемыми за счет огнива. Люди верили, что использовали огонь вследствие того, что изначально огонь использовал и передал им посредством природных пожаров бог. Таким образом, можно сказать, что образ пожара как божественной формы огня был закреплен в сознании человека и в культуре длительное время. Подобное отношение выражено и в фольклоре. Существует целый ряд примет, поговорок, в которых проявляется божественная составляющая пожаров. Примерами служат: «Божий огонь (пожар от грозы) грешно гасить; От грозы пожар заливай молоком от черной коровы; Пожар от грозы гасят квасом, пивом, молоком, яйцами; Пожары

обходят (с) иконами или становятся по углам с иконами; Держать в исправности пожарные снаряды — искушать Бога (почему пожарная бочка и стоит без обручей); Що Бог запале, то не слидь тушыты» [49, 50].

Особая роль пожара как очистительной силы нашла свое воплощение в различных эсхатологических концепциях.

В философских учениях идея вселенского, космического пожара (экипиросиса), который с определенной периодичностью уничтожает мир, получила развитие и в Древней Греции, у Гераклита и в учениях стоиков [41, 158].

В соответствии с религиозными представлениями зороастрийцев Вселенная, созданная верховным богом Ахура-маздой может просуществовать лишь двенадцать тысяч лет, а после этого наступает этап катастрофы, спровоцированной борьбой между силами добра и зла. В результате этой битвы Вселенная гибнет (наступает «Фрашкард»), чей приход будет ознаменован рядом знамений. Но гибель мира не конечна, это лишь необходимый этап, ассоциированный с очищением в огне эсхатологического пожара [3, с. 153]. В данном варианте особенно явно прослеживается тема очистительной силы огня, которую наши предки использовали как в буквальном смысле для расчистки территорий, так и в контексте различных очистительных обрядов.

Аналогичные представления связаны с индуистскими системами верований, в которых срок существования мира также цикличен и конечен. Существование мира напрямую связано с жизнью бога Брахмы. Когда его жизненный цикл подходит к концу, то очистительный огонь уничтожает Вселенную, а затем вновь возрождается с возрождением Брахмы [62]. В «Махабхарате» также описан схожий эсхатологический сценарий огненной катастрофы, связанный с переходным этапом между концом одной «юги» и началом другой [109].

Этот же сценарий описан и в древнеисландском эпосе «Старшая Эдда», которая сюжетно восходит к источнику индоевропейцев. «Прорицание вельвы» повествует о Рагнареке – гибели мира, в ходе которого произойдет мировой пожар, а следом цикл климатических потрясений (похолодание, затмение, наводнение) [169].

Понятие о Конце Света присуще также и последователям буддизма. В качестве мировой катастрофы вновь фигурирует мотив природной катастрофы и огненной гибели [181, с. 637]. В данной концепции мы вновь видим сочетание нескольких вариантов стихийных бедствий, но значительная роль все-таки отводится именно пожару.

Стоит отметить, что в христианской традиции также находит отражение концепция обновления через процессы горения. Так образ Бога часто ассоциируется с различными формами горения (свет, огонь, пламя) призванными очистить души грешников через огненное испытание [126, с. 39].

Интересно отметить, что в таких религиях как иудаизм, христианство или ислам в рамках эсхатологической картины мира пожару отводится лишь эпизодическая роль. Пожары зачастую упоминаются лишь через метафорические образы, что, вероятно, связано с трансформацией образа пожара от «очистительного» огня к огню «карающему», огню ада. Если в мифологической эсхатологии заметна цикличность и нет конечной точки, что позволяет миру очищаться огнем и возрождаться вновь, то в вышеуказанных религиях у мира предполагается конечная точка и окончательная гибель мира в огне всемирного пожара [14].

Таким образом, подводя итог данному параграфу, можно отметить следующее.

Пожары являлись и являются до сих пор значимой частью социокультурной (религиозной, мифологической, языковой, ценностно-нормативной, коммуникативной) картины мира, существенным образом

влияя на процессы антропо- и культурогенеза. Одним из проявлений культуросозидающей функции пожаров становится формирование огненных культов, что было инициировано не только зависимостью человека от природных пожаров как первого источника огня, но и страхом перед ним.

Выделение этапов, отражающих процесс социокультурной трансформации восприятия и репрезентации пожаров, позволило обнаружить характерную особенность пожара, позволяющую выделить его из общего концепта огня. Если огонь в социокультурном пространстве воспринимался и фиксировался как некий архаический, относительно устойчивый образ «помощника и защитника человека», то восприятие пожара носило динамичный и исторически изменчивый характер.

Со времен Ч. Дарвина мы привыкли видеть в эволюционных процессах, таких как антропогенез и культурогенез, черты непрерывных, линейных достижений, но, в своем интервью М. Рампино рассказывает об исследованиях малоизвестного естествоиспытателя П. Мэтью, который за полвека до возникновения эволюционной теории Ч. Дарвина, выдвинул гипотезу о том, что именно катастрофы (к коим, безусловно, можно отнести и пожар) оказывают значительное и благотворное влияние на эволюцию. М. Рампино указывает на то, что «эволюция – это скорее череда малоуправляемых катастроф, которые, несмотря на разрушения, стимулируют взрывное развитие» [231]. Более того, в соответствии с результатами исследований В. Э. Лебедева, двусторонний адаптационный процесс (человек - природа; природа - человек), в том числе и негативный, при более глубоком рассмотрении позволяет говорить о стимулирующем, а следовательно позитивном эффекте от взаимодействия [96].

Подобные представления о разрушительном, но также и созидательном воздействии катастроф, в том числе и пожаров, несомненно, находят отражение в культурных традициях и верованиях, философских учениях.

Несмотря на представленные аргументы, современному человеку сложно принять концепцию поклонения разрушительным, катастрофическим явлениям, таким как пожар, особенно учитывая обыденные, упрощенные формы осмысления пожара как исключительно негативного явления. Но для того чтобы реконструировать логику наших предков, необходимо увидеть мир их глазами, где разрушение было синонимом созидания, а смерть неотъемлемым элементом жизни, на что указывают разнообразные ритуалы связанные с жертвоприношениями и культурами смерти, строго направленными на поддержание благополучия и сохранения мира.

Таким образом, именно рассмотрение пожара с позиции двух миров, которым он принадлежит – мира природы и мира культуры позволяет увидеть его с точки зрения созидательной, консолидирующей силы, стимулирующей эволюционные процессы в обществе, осознать значимость его роли в процессах антропо- и культурогенеза.

Глава II. Место и роль пожара в пространстве русской культуры: содержательно-структурный анализ

2.1. Специфика социокультурного статуса пожара в дореволюционной русской культуре (от восточных славян до 1917 года)

Как было показано в предыдущей главе феномен пожара обладает рядом универсальных (по отношению к самым разным культурам) содержательных и функциональных параметров. При этом нельзя отрицать, что в контексте различных культурных традиций «взаимоотношения» человека и пожара, их эволюция, ценностно-нормативное и технологически-правовое наполнение имели свою очевидную специфику. И, несомненно, для более комплексного и глубокого изучения культуры осмысление подобного рода взаимодействия социальных и природных сил имело бы большое эвристическое значение, поскольку за, казалось бы, достаточно локальными практиками объяснения, предотвращения и борьбы с пожарами стоят и системы религиозных представлений, и модели бытового поведения, и особая роль государства как механизма регулирования социальных отношений, и научно-технические достижения, и многое другое. Однако в рамках настоящей работы реализация данной исследовательской задачи не представляется возможной в силу ее масштабности и неизбежного расширения содержательных границ предмета исследования с ней связанного. Поэтому в рамках второй главы диссертации мы сконцентрируем свое внимание на анализе эволюции места и роли пожара в пространстве русской культуры на протяжении практически всей ее истории – от периода расселения восточных славян до конца существования Советского Союза.

Этот достаточно продолжительный исторический период мы разделили на несколько этапов – и для удобства осуществления анализа, и для более четкой фиксации переломных моментов во «взаимоотношениях» человека и пожара. В качестве критерия, делающего возможным и логичным их

выделение, нами бы обозначен критерий доминирующего субъекта пожара: его источника, движущей силы, контролирующей «инстанции». В разные периоды развития русской культуры такими субъектами могли выступать иррациональные силы (языческие боги, христианский Бог), государство и общество.

В рамках каждого выделенного этапа нами были рассмотрены следующие аспекты, отражающие специфику трансформации восприятия пожара в русской культуре: ценностно-символический (осмысление пожара в культовых практиках, религии, искусстве, повседневности); нормативно-правовой (особенности законодательного регулирования сферы пожарной охраны, пожаротушения и тех сфер и областей, которые ощущали на себе их воздействие); технико-технологический (особенности технико-технологического уровня оснащения в области поддержания и обеспечения пожарной безопасности граждан).

Опираясь на вышеперечисленные критерий и аспекты, мы выделили следующие этапы.

Пожар как репрезентация воли природных сил (VII – X вв.)

Первый этап начинается ориентировочно с момента расселения восточных славян, пришедших по утверждению В. О. Ключевского с территорий близ Дуная на территорию Днепра, где они оставались ориентировочно на протяжении пяти веков, а в VII в. произошло их постепенное расселение по Русской (Восточно-Европейской) равнине [84]. Конец выделенного этапа связан со сменой религиозной парадигмы и принятием христианства как официальной религии в X веке.

В основе хозяйственной деятельности восточных славян лежало пашенное земледелие, но для развития земледельческой культуры восточные славяне были вынуждены осваивать значительные территории, изначально занятые труднопроходимыми лесами. Данная деятельность, особенно на ранних этапах, осложнялась отсутствием соответствующих этой задаче

технологических устройств, что объясняет активное применение таких методов обработки земли, как подсечно-огневой и переложный. Метод подсечно-огневого земледелия (сохранявшийся на протяжении длительного периода и встречающийся и сегодня) заключался в освобождении земель от леса посредством его вырубki и выжигания. В дальнейшем на расчищенной площади, плодородие которой было усилено золой от сожженных деревьев, в течение 2-3 лет выращивали сельскохозяйственные культуры, среди которых были рожь, ячмень, овес. Переложное земледелие, схожее по принципу действия с подсечно-огневым, было распространено в степных районах и также предполагало сожжение, но не деревьев, а травяного яруса [124; 168, с. 31].

Таким образом, мы можем говорить об активном вовлечении огня в хозяйственную деятельность человека на данном историческом этапе. Такое использование огня по своей форме являлось имитацией или подражанием природным пожарам, выжигавшим обширные территории (леса и степи). Все это указывает не только на глубокое знание особенностей протекания природных пожаров, умение их контролировать и удерживать в состоянии относительной безопасности для человека, а также на осознание социальной пользы пожаров.

На ранних этапах развития восточнославянской религии пожар ассоциировался с природой (силами природы), что позже нашло отражение в образах мифологических животных (полоз, дракон, феникс), связанных с пожарами и горением, а также в ряде примет, указывающих на связь определенных животных (их поведения или взаимодействия человека с ними) и вероятностью возникновения пожара [106, 129].

В дальнейшем пожар стал восприниматься как форма проявления власти и силы различных персонифицированных и антропоморфизированных божеств, сосредоточивших в своих руках власть, в том числе, и над природными пожарами (Перун, Семаргл, Сварог). Отдельно стоит сказать об

особом отношении восточных славян к молнии или «перуновым стрелам» [106, с. 171; 153, с. 315]. Поклонение данному природному явлению привело к тому, что пожарам, вызванным молнией, придавали особый, сакральный статус, что отражалось в ритуализированном поведении, подменявшем, по сути, рациональные методы тушения пожара (заливание пожара квасом, использование сакральных предметов для тушения), что, на наш взгляд, сопоставимо по своей логике с ритуалами жертвоприношения.

В наибольшей степени образ пожара отождествлялся с богом Перуном – богом молнии и грозы. Образ грозного божества, повелевающего небесным огнем, прочно закрепился в славянской культуре и даже после принятия христианства не был забыт, а трансформировался в образ православного Ильи Громовника [106, с. 171].

Активное вовлечение огня в жизнь людей, а именно в бытовые, религиозные и хозяйственные процессы, а также оседлый образ жизни (скученность строений, легковоспламеняемые материалы и т. д.) значительно усиливали вероятность возникновения пожаров, детерминируя необходимость осмысления сложившейся ситуации и формирования новой системы взглядов на данное явление. Обществу, стремящемуся к развитию и сохранению созданных благ, на данном этапе требовалась не только новая «мифология», связанная с пожарами (приметы, суеверия, ритуалы), но и адекватная изменившимся условиям жизни система противодействия им, в том числе на законодательном и технико-технологическом уровнях.

Нормативно-правовые основания взаимоотношения человека и пожара в раках данного периода представляют сложность для исследования в силу того, что до X века не известны упоминания о конкретном письменном «антипожарном» законе (как и о законах в целом), но при этом существуют упоминания об использовании первых княжеских законов («уставы», «уроки»), которые передавались в устной форме. Более того, некоторые исследователи (О. В. Ключевский, О. И. Чистяков и др.) считают, что в этот

период мог действовать «Закон Русский», который и являлся, устным источником права смешанного варяго-славянского «сословия» языческой Руси и который в дальнейшем лег в основу «Русской правды» [84; 208, с. 35]. Исходя из этого, можно предположить, что один из законов, включенных в последствии в «Русскую правду» и касающийся непосредственно пожаров («Оже зажжет кто гумно, то на поток и на грабеж дом его, преж пагубу расплативше, а в проц князю поточиити и такоже аще кто двор зажжет» [30, с. 47]), отражал сложившуюся к этому времени специфику понимания пожара как антропогенного фактора, источником которого могло быть злонамеренное действие или бездействие человека, что влекло за собой последующее наказание.

К технологиям, применяющимся для тушения пожаров, с наибольшей вероятностью мы можем отнести примитивные способы тушения, такие как разрушение конструкций, метод выгорания (когда пожар останавливался в результате выгорания всего доступного горючего материала), пускание встречного пала, а также заливка водой, чему способствовало расселение вблизи источников воды.

Сложность исследования вопросов осмысления пожара восточными славянами связана с недостатком исчерпывающих, достоверных сведений об их образе жизни и мифолого-религиозных воззрениях. В связи с этим достаточно сложно утверждать наверняка, что пожар был объектом религиозного культа восточных славян. Однако, опираясь на существующие, пусть и фрагментарные, сведения об их образе жизни и верованиях, можно говорить о том, что пожар играл значимую социокультурную роль. Восприятие пожара было тесно связано с природными силами, вследствие того, что наиболее распространенной формой возгорания являлись природные пожары.

Таким образом, доминирующим субъектом пожара на данном этапе выступает сила/божество, наделенное властью над стихиями, в том числе

пожаром как стихийной формой огня. Пожар в системе представлений восточных славян, равно как и других народов, был зримым воплощением борьбы, которую вели боги между собой для поддержания баланса в мире.

Пожар как репрезентация воли Бога (X – XVI вв.)

Второй этап характеризуется несколькими значительными изменениями в контексте рассматриваемого нами вопроса. Особенное значение приобрела религиозная реформа, связанная с закреплением в 988 году христианства как официальной религии. Это привело к постепенному искоренению многобожия и формированию монотеистической системы верований. При этом нельзя сказать, что происходит тотальное замещение одной религиозной системы другой, скорее данный процесс можно охарактеризовать как постепенное смешение принятых ранее языческих ритуалов с новыми религиозными традициями.

Так, часть «пожарных» ритуалов и суеверий сохранялась в неизменном виде, часть – замещалась новыми, связанными с христианской религиозной доктриной. В некоторых случаях закрепившиеся изначально верования частично трансформировались, в соответствии с новыми реалиями, и включались в установленную систему взглядов.

Одним из наиболее ярких примеров последнего является трансформация языческого бога Перуна в образ Ильи Громовника, сохранившего в себе некоторые характерные черты и атрибуты своего «предшественника», связанные с возникновением пожаров от удара молнии (обычно в случае несоблюдения установленных норм и правил) [126, с. 74].

Для нас представляет особый интерес ряд верований, существовавших в православной традиции и связанных именно с такой категорией пожаров. Содержание подобных суеверий (тушение пожаров пищевыми продуктами, освященными предметами, молитвами или же полный запрет на тушение таких пожаров) подтверждает тот факт, что определенные виды пожаров сохранили свой сакральный статус даже в христианской традиции. Так же,

как и в восточнославянской религиозной традиции, в христианстве небесный огонь считался священным и интерпретировался как форма проявления божьего гнева. Изменился в данном случае только «источник» пожара и частично вектор его восприятия. Борьба бога Перуна с силами зла посредством небесного огня трансформировалась в понимание данного вида огня как проявления божественного гнева (например, огненный дождь уничтожает в Ветхом завете города Содом и Гоммору; Бог посредством пожара ловит черта, спрятавшегося в доме и т.д.).

Данные выводы основаны на многочисленных примерах специфических форм тушения подобных пожаров (квасом, молоком, освященными предметами и т.д.). Интересным представляется и то, что во время «грозового пожара» было принято затапливать печи в соседних домах, на практике подтверждая суеверие «дым на дым не идет». Это является ярким примером действия законов симпатической магии (подобия) [200, с. 215], предполагающих, что орудие (в нашем случае – пожар) способно воздействовать на объект только в случае их родства, сходства (клин вышибают клином; пал на пал; дым на дым не идет).

В результате в культуре закрепляется особый статус пожаров, возникших от удара молнии или иначе связанных с проявлением воли высших сил. Это приводит к формированию устойчивых верований о недопустимости тушения подобных возгораний (в некоторых случаях допустимо было применять указанные выше иррациональные подходы к тушению пожаров: освященные предметы, чтение молитв, растопка печи и т.д.). Подобная вера отражала восприятие человеком стихийных явлений как неизбежности, приписывание пожарам сакральных свойств для осмысления и обоснования невозможности, а, следовательно, бессмысленности борьбы с ними. Подобное воззрение на пожары будет сохраняться и транслироваться в русской культуре на протяжении длительного периода времени.

В начале рассматриваемого этапа доминирующими субъектами пожара в силу активной христианизации общества становится Бог, а также святые, к которым было принято обращаться в случае возгорания. Среди огненных «заступников» особо можно выделить фигуру Богоматери в образе «Неопалимой купины». «Купина Моисея», или «Неопалимая купина», представляет собой образ горящего, но не повреждаемого огнем куста, в котором, в соответствии с ветхозаветными текстами, Бог явился Моисею [171]. Образ горящего куста, неподвластного огню, в дальнейшем сливается с образом Богоматери. В сочинениях Ефрема Сирина можно обнаружить следующее сравнение, объясняющее логику восприятия данной трансформации иконографического образа: «Как некогда терновый куст на горе Хорив вмещал в пламени самого Бога, так Мария вмещала Христа в своем девственном чреве» [39, с. 67].

Стоит отметить, что обозначенный выше иконографический образ появляется в XII веке и, пережив ряд трансформаций, окончательно оформляется в православной традиции к XIV веку, при этом сохраняя не только «огненную» специфику визуального выражения, но и особую связь с пожарами, от которых он призван был оберегать верующих [44, с. 207].

Отдельно стоит отметить, что, при очевидной противопожарной спецификации данного иконографического образа и связанных с ним религиозных текстов (молитв), непосредственно в самих молитвах слово пожар упоминается крайне редко, чаще используются такие синонимы как: «огненное пламя», «грозное посещение Бога», «разожжение огня» [171], что отражает синонимичность восприятия огня и пожара, а также рассмотрение пожара как критической формы развития огня.

При этом пожар сам по себе не рассматривается как негативная форма существования огня. Он остается частью божественной силы и несет разрушения и смерть лишь как результат соприкосновения божественного огня с греховным человеческим миром [126, с. 59].

Образ греха как некоего «горючего» для пожара упоминается в библейских текстах, в том числе и в контексте того, что сожжению и сгоранию подлежит все, что не соответствует рамкам, установленным христианской концепцией [126, с. 73].

Другим важным изменением в рамках данного этапа можно считать появление первых письменных нормативных актов на Руси, регламентирующих борьбу с пожарами и предполагающих введение наказаний за поджог. В начале XI века князем Ярославом Мудрым был сформулирован и утверждён свод законодательных актов, названный «Русская правда». В этом своде, в частности, фиксировалось следующее: «Оже зажжет кто гумно, то на поток и на грабеж дом его, преж пагубу расплативше, а в проц князю поточиити и такоже аще кто двор зажжет» [150]. Существование подобного закона указывает не только на сохранение достаточно серьезных форм наказания за поджог или допущение пожара, но также и на принятие во внимание формы возмещения причиненного ущерба в отношении не только виновного субъекта, но и его семьи и принадлежащего ему имущества.

Стоит отметить, что в законе в первую очередь речь шла о поджоге именно гумна (территории для хранения и обработки зерновых культур), а не жилых строений. Это указывает на неравномерную значимость частной собственности и общественной, что характерно для обществ, напрямую зависящих от сельского хозяйства. Более того в данном законе не фиксируется градация между преднамеренным и непреднамеренным поджогом.

В XV веке князем Василием II был издан целый ряд законодательных актов, которые фиксировали новые правила обращения с огнем, направленные на профилактику пожара. Так, в законах предписывалось осторожно обращаться с огнем, а также регламентировались условия его применения для хозяйственных и бытовых нужд. Подобное распространение

противопожарных норм на различные сферы человеческой жизни будут сохраняться и в последующие периоды.

В качестве иллюстрации изменений, произошедших в восприятии пожаров и опасности, ассоциированной с ними, можно привести нормативные документы периода правления Ивана III. Так, в 1497 году им был принят «Судебник», устанавливающий еще более суровые наказания за поджег: «...зажигальщику животе не дать, казнить его смертной казнью» [170]. Однако подобные меры не могли кардинально повлиять на ситуацию с возрастающим количеством пожаров (многие из них были обусловлены объективными причинами, а не злонамеренными действиями), но, несомненно, данные законодательные изменения указывали на трансформацию в восприятии пожаров – их деиррационализацию, повышение роли человека в вопросе контроля над ними.

Опасность возникновения пожаров и связанные с ними потенциальные разрушения, формировали потребность в регламентировании процессов использования огня уже не только на иррациональном уровне (табурированные действия, магические ритуалы и пр.), но и на уровне законодательства. Предотвращение пожаров становится одной из задач государства, что находит свое отражение в выделении специализированного государственного органа по контролю и предотвращению пожаров (предформе будущей пожарной охраны), в обновлении правил градостроительства и пр.

На данном этапе начинает развиваться каменное строительство, что во многом обусловлено разрушительным Всехсвятским пожаром (Москва, 1365 год), в результате которого сгорел практически весь город [157, с. 5]. Интересным представляется летописное описание случившейся трагедии, отражающее веру в связь между произошедшим пожаром и природными знамениями: «Было тогда знамение на небеси, солнце явилось аки кровь и по нем места черны, и мгла стояла с полета, и зной и жары великие, леса и

болота и земля горяще, реки пересохла и бысть страх и ужас на людях и скорбь великая» [215, с. 170].

В дальнейшем, в ходе реконструкции города, лишившегося не только значительной части построек, но и оборонительных стен, было принято решение использовать при строительных работах не древесину, а камень (известняк). Данный материал был существенно более дорогим в сравнении с деревом, в силу чего был мало распространен на Руси. Но необходимость сохранения и укрепления города в условиях частых возгораний оказала значительное влияние на устоявшиеся традиции и экономические соображения [157, с. 6].

При Иване III в сфере строительства также произошли значительные изменения (особенно это касалось государственно значимых сооружений): существующие нормы строительства были существенно дополнены и конкретизированы с учетом необходимости снижения рисков возникновения пожаров [170].

Технико-технологическая сторона предупреждения и тушения пожаров развивалась медленно. Небольшой арсенал средств пожаротушения на данном этапе включал в себя шанцевый инструмент (топоры, ломы, рогатины, багры и т.д.) и пожарные лестницы (несмотря на незначительную этажность зданий). Сама методика пожаротушения оставалась весьма примитивной, предполагающей в большинстве случаев разрушение, как горящих конструкций, так и тех, что находились в опасной близости к месту возгорания. Другим способом тушения была заливка горящих строений водой. В некоторых случаях здания для защиты укрывали кожаными «щитами», смоченными водой (что было технически сложно и затратно). Вследствие чего большое значение приобрело водоснабжение городов и поселений, способствовавшее развитию системы водопроводов (самотечные водопроводы на Руси появились уже в XI-XII вв.) [78, с. 32]. Но стоит отметить, что тушение пожаров методом заливки в силу ряда причин не было

популярным, на что, в частности, указывали иностранцы, ставшие свидетелями пожаров и особенностей их тушения в крупных русских городах: «Число домов в городе и предместьях доходит, приблизительно, до девяноста пяти тысяч, не считая царского дворца, церквей и монастырей. Дома эти, однако, как уже сказано, большею частью деревянные, с каменными печами, которые протапливаются очень жарко и причиняют частые пожары; от последних сгорают иногда много сотен, а то и тысяч домов. Воды здесь мало, а поэтому нет другого средства для прекращения пожара, как разбирать по частям или разрушать соседние дома, чтобы лишить огонь питания» [72, 119].

Чаще всего основные силы и ресурсы затрачивались на спасение людей и имущества, а здания оставляли выгорать. Причины закрепления подобной пассивной системы пожаротушения во многом связаны с достаточным количеством стройматериалов (древеси́ны) и относительной легкостью и высокой скоростью возведения новых построек. Интересно, что пожар, в котором выгорало менее 100-200 домов, не считался крупным и не фиксировался в летописях [157, с. 6].

В конце XV века в летописях начинает фигурировать концепция пожара как знамения, посланного Богом («послал Бог за грехи наши»), примером чего может служить запись в Софийской летописи (1496 г.): «Послал Бог казнь за умножение грехов наших на Псков: загорелось на Кромю у Кутнего костра; сгорели склады, пропали запасы ржи... А пожар учинил чухонский лазутчик, которого послали немцы, посулив ему много денег. Он был найден на Кромю и сожжён 12 апреля» [134, с. 115]. Примечательно, что концепция пожара, посланного Богом, была востребована даже в тех случаях, когда пожар носил антропогенный характер и был вызван поджогом, виновник которого был установлен.

В условиях, когда на государственном уровне за поджог устанавливалась высшая мера наказания (казнь), распространенным

явлением становится самосуд, при котором виновника пожара часто не находили, а «избирали» из числа иноверцев, представителей других этносов, опальных политических фигур и т.д. [214, с. 140]. В случае же особенно серьезных возгораний жертвами подобного самосуда могли стать случайные люди, находившиеся вблизи места возгорания: «Тогда же от скорби после того пожара новгородцы схватили напрасно многих людей, говоря: «Вы тайно поджигаете ради своей корысти и причинили такие беды и напасти!». И многих христиан в огне сожгли, а других в Волхов с моста сбросили, а других камнями побили. Тайну сердец человеческих один Бог знает, по правде ли произошло то, что такую злую смерть приняли, так как такие беды бывают за наши грехи, чтобы люди отказались от злых своих дел и покаялись, и по воле Божьей жили, чтобы в настоящем и в будущем благо бы получили» [59; 100, с. 517]. Есть и другие свидетельства подобного рода самосудов, зафиксированные в дневниках иностранцев, проживавших в Москве в это время: «В понедельник, 4-го, снова горело за кремлем, равно как и в кремле в Девичьем монастыре, где пламя уже вырывалось из крыши. Два человека, сочтенные поджигателями, были отведены на пытку... Во вторник, 5-го, ещё 12–13 человек были пойманы, как поджигатели. Одного из них привязали к бревну и развели под ним медленный огонь, на котором он сгорел, ни в чём не ознавшись, вероятно, потому, что был невиновен. Здесь, вообще, хватают тех, кого находят близ пожарища, и это, большею частью, люди, случайно шедшие этим местом или пьяные, которые, на подобие животных, лежат на улице; настоящие поджигатели, тем временем, могут находиться уже далеко...» [123].

Таким образом, наказание за поджог или непреднамеренный пожар часто приобретало скорее характер языческого жертвоприношения, чем цивилизованной формы суда.

Совокупность таких факторов как оседлый образ жизни, постепенное укрупнение городов и рост населения привели к увеличению количества

пожаров. При этом низкий уровень технического развития и общественной организации, а также многочисленные суеверия, бытовавшие в данной сфере, оказывали крайне негативное влияние на ситуацию с пожарами на Руси. Однако постепенно неэффективность мер, направленных по сути лишь на возмещение потерь и восстановление разрушений, наносимых пожарами, начало осознаваться обществом и государством, что привело к изменению существующей системы взаимодействия человека с пожарами.

Пожар как результат проявления синкретичных (рациональных и иррациональных) факторов (XVI в. – 1917 г.)

Именно в XVI веке на Руси начинает складываться особый тип взаимодействия человека и пожара, который мы обозначили как «синкретичный». В нем в равной мере присутствовали два начала – рациональное (люди стали осознавать истинные, природные и антропогенные источники пожара, масштабность причиняемого им ущерба и вырабатывать на этой основе методы и средства предотвращения пожара или непосредственной борьбы с ним) и иррациональное (сохранение в сознании людей мистического восприятия пожара как «кары Божьей»).

Значительным импульсом к формированию рационального сценария взаимодействия с пожарами в условиях русского города на данном этапе послужили крупные городские пожары, в частности пожар 1547 года. В его результате по разным оценкам погибло порядка 4000 человек и была уничтожена огнем треть городских построек [6, с. 151; 212].

Этот пожар не только нанес катастрофический урон населению Москвы, но и обнажил существующие в сфере пожаротушения проблемы. Дело в том, что в XVI веке особое значение имели явления, сопутствующие пожарам. Так, в крупных городах пожары не только уничтожали жилые постройки, но в огне погибали посевы, скот, запасы пищи и накопленные ценности. Продолжительные периоды неблагоприятных метеорологических условий в сочетании с многочисленными пожарами могли приводить к

многomesячному голоду и провоцировали напряженное состояние в обществе, смуты.

Интересной представляется оценка ситуации, сложившейся в вопросах пожарной безопасности и системы пожаротушения, с позиции иностранцев (послов, купцов, путешественников), побывавших в России в данный период. По словам Адама Олеария (Ольшлегеля), «жилые строения в городе (за исключением домов бояр и некоторых богатейших купцов и немцев, имеющих на дворах своих каменные дворцы) построены из дерева... Поэтому-то часто и происходят сильные пожары: не проходит месяца или даже недели, чтобы несколько домов, а временами, если ветер силен – целые переулки не уничтожались огнем» [123]. Тот же Адам Олеарий отмечал, что лишь небольшое число строений, к которым относились дома высших сословий, иностранцев и людей с высоким достатком, были выстроены из камня с учетом потенциальной угрозы пожара. Наличие большого количества деревянных строений в городах, которые часто были подвержены пожарам, указывает, с одной стороны, на низкий уровень благосостояния большей части населения (древесина значительно более дешевый строительный материал по сравнению с камнем), а с другой стороны – на традиционную систему строительства жилой архитектуры. Также стоит учитывать относительную легкость возведения деревянных домов, которые можно было приобрести частично готовыми: «Те, чьи дома погибли от пожара, легко могут обзавестись новыми домами. За Белой стеной на особом рынке стоит много домов, частью сложенных, частью разобранных. Их можно купить и задешево доставить на место и сложить» [123].

В целом, по мнению Н. Ю. Новичковой россияне воспринимали деревянные жилища, как часть традиционного уклада, что в сочетании с финансовой доступностью древесины усложняло и без того непростую ситуацию с пожарами [118, с. 62-65].

В силу сложившихся обстоятельств возникает потребность в формировании специализированных служб, несущих ответственность за обеспечение пожарной безопасности в городах. Так, в Москве создается первая форма пожарно-сторожевой охраны: «решеточные приказчики» и «объезжие головы». В случае возникновения пожара именно они отвечали за сбор горожан и руководство процессом тушения пожара [99]. С 1550 года роль пожарных, в привычном для нас понимании, выполняли стрелецкие войска, которые привлекались к процессу тушения вплоть до своей ликвидации [209, с. 14].

Кроме того, вскоре после опустошительного пожара 1547 года выходит указ, согласно которому горожанам запрещалось летом топить печи в домах, во избежание нарушения приказа на печи накладывали восковые печати, которые в случае нагрева расплавлялись [64, с. 90; 99].

В 1571 году выходит следующий указ, который еще более ужесточил порядок обращения горожан с открытым огнем. В указе предписывалось «летом обед и кушанья разные готовить на очагах, устроенных особо и умело в других безопасных местах, в отдалении от домов и прочих строений». При этом даже такие очаги можно было разводить только в светлое время суток – с 1 до 4 часов дня. Кроме указов, касающихся борьбы с пожарами в городах, русскими государями не раз издавались соответствующие указы и для сельского населения [179, с. 58].

Стоит отметить, что если до этого времени указы и распоряжения носили скорее запретительный характер, то указ Ивана Грозного 1547 года, обязывающий жителей иметь на крышах домов и во дворах емкости с водой, отражал понимание необходимости введения превентивных мер, направленных на предупреждение опасных ситуаций связанных с огнем, что, безусловно, говорит о прогрессивности данного законодательного акта и серьезных перемен в обществе по формированию личной «противопожарной» ответственности граждан [100; 179, с. 58].

Следующим значительным шагом стало распространение в 1583 году Иваном Грозным действия московских противопожарных указов на всю территорию Русского государства и дополнение этих законодательных актов новыми положениями. В частности, с того времени запрещалось раскладывать костры в лесах, держать вблизи печей и на чердаках сельских домов легко сгораемые материалы, а также находиться со свечами и лучинами внутри деревянных строений и в других опасных в пожарном отношении местах [78, с. 33].

При Борисе Годунове был принят еще один указ о наказаниях, где говорилось: «А поелику кто по лености или небрежности огненной беде затвора не составит и пожар учинит, то быть тому примерно и всенародно наказану...» [179, с. 59]. В дополнение к этому в 1603 году Борисом Годуновым были назначены ответственные за «бережение от огня», а город был разделен на пожарные округа. Так, в этот период происходит не только структуризация будущей системы пожарной охраны, но и структуризация города в соответствии с возможностями и требованиями пожарной охраны.

Данный этап характеризуется усложнением законодательной базы в области пожаров, структуризацией причин возгорания и соотносимых с ними наказаний. Были изданы московские противопожарные правила, предписывавшие, в частности, не использовать бытовой огонь в летнее время, а пожароопасные производства (кузницы, гончарные, стеклодувные и оружейные мастерские) переместить на безопасное от жилых построек расстояние.

Однако все указанные меры пожаротушения, основанные на рациональном, критическом отношении к пожару и его причинам, направленные не только на борьбу с пожарами и их последствиями, но и на проведение первых пожарно-профилактических мероприятий, сосуществовали в это время с противоположным, иррациональным, сценарием взаимодействия человека и пожара.

Например, в отношении описанного нами пожара 1547 года среди жителей Москвы существовало стойкое убеждение, что этот пожар – результат магических практик княгини Анны Глинской: «з своими детми и с людьми волховала: вымала сердца человеческие да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, княгиня Анна сорокою летала да зажигала» [162, с. 215].

Необразованное по большей части население не доверяло государственным мерам по борьбе с пожарами и сохраняло те формы борьбы с ними, которые были близки архаическому сознанию: суеверия, неэффективные, подчас опасные методики пожаротушения. Восприятие пожара носило фаталистический характер. Православная церковь также поддерживала веру в то, что пожар является неуправляемым явлением, возникающим вследствие греховности общества. Так, в важном памятнике древнерусской литературы «Домострое», приписываемом протопопу Сильвестру, пожар трактуется как наказание за грехи перед Богом или знамение близящегося конца света [57, с. 117]. Подобные объяснения пожаров можно встретить в летописях XVII века: «И волею Божиею, а наших ради согрешениих ... Людем же, в то время всем бывшим во страсе и во ужасе великом, видящим толи-кий гнев Божий, прииде на нас во едином часу, грех ради наших бысть нам в наказание впредьидущее время» [133, с. 95].

Таким образом, русский город времени правления Ивана Грозного стал площадкой развертывания сразу двух сценариев взаимоотношения человека и пожара. Первый был связан с процессами десакрализации пожара и формированием общегосударственной противопожарной системы, включающей создание специализированных социальных институтов, а, следовательно, перенос части ответственности за пожар с метафизических сил (Бога) на человека (царя, пожарную охрану, граждан).

С другой стороны (в рамках иррационального сценария) пожар воплощал силу и власть Бога, с которой в соответствии с православной традицией человек не может и не должен бороться. Пожар воспринимался средством контроля и устрашения, а его осмысление, в рамках религиозной системы, носило пассивный, фаталистичный характер.

Трансформация законодательной базы, в частности принятие значимого для сферы пожарной охраны наказа «О градском благочинии» (1649 г.) [47], а также ряда научно-технических нововведений и меняющаяся роль церкви не смогли полностью подавить бытующие суеверия, связанные с пожарами, которые были особенно характерны для жителей деревень и отдаленных регионов. Однако стоит отметить, что в летописных текстах все меньше внимания уделялось описанию сгоревших объектов (особенно культовых) и мистико-ритуальных рассуждений, а все больше – рассуждениям о важности рационального подхода к тушению пожаров. В том числе возникает тенденция к безоценочному, документальному фиксации данных о пожарах, что можно расценивать как предпосылку формирования пожарной статистики.

Такая двойственная ситуация сохранялась вплоть до конца XVII века, то есть времени начала правления Петра I, который предпринял целый ряд мер по демистификации пожара и рационализации его восприятия.

В период правления Петра I велась наиболее активная и эффективная борьба с пожарами на государственном уровне. В борьбе с пожарами используется не только опыт, накопленный прошлыми поколениями, но и заимствуются зарубежные технологии и тактика пожаротушения. Вносятся существенные изменения в процесс градостроительства, связанные с предупреждением и ликвидацией возгораний. Влияние мифолого-религиозных представлений о пожаре значительно уменьшается за счет продолжающихся процессов секуляризации. Более того сама религиозная сфера подвергается трансформации.

В частности под давлением угрозы возможных пожаров изменяется процедура совершения религиозных обрядов, что указывает на значительное смещение субъекта ответственного за пожар на данном этапе с религиозной сферы на государственную. Так, вследствие распространенности на Руси пожаров, возникших из-за использования свечей и лампад перед иконами в жилых, культовых или промышленных помещениях, в 1724 году был издан указ, предписывающий использовать свечи и лампы перед иконами только в специальных защитных фонарях [139; 179, с. 66].

В период своего правления Петр I уделял большое внимание реформам в области градостроительства, что, несомненно, оказало значительное влияние на снижение уровня пожарной опасности в стране. Подписанный Петром I в начале XVIII века указ «О строении в Москве на погорелых местах...» регламентировал различные аспекты строительства, направленные на сокращение количества пожаров. В частности поощрялось каменное строительство, деревянные дома разрешалось возводить только на окраине города, при этом они не могли быть выше одного этажа. В случае несоблюдения указа виновный мог быть подвергнут взысканию (финансовому) или телесному наказанию [150].

В 1698 году Петр I ликвидировал стрелецкое войско, которое ранее выполняло функции пожарной охраны, и возложил эти обязанности на армейские части сформированной регулярной армии (позднее внутри армейской системы будут назначаться пожарные офицеры, что позволило сформировать пожарные команды внутри воинских подразделений) [209, с. 14].

Несмотря на формирование в городах пожарных команд на основе военных частей, обязанность участвовать в тушении пожаров распространялась и на все население. Более того, населению, в соответствии с указом, предписывалось иметь необходимый пожарный инвентарь: «в каждом доме в городе, и в каждом дворе в деревне» [209, с. 11]. В

соответствии с инструкциями Петра I на крупных улицах должны быть расставлены заливные ручные трубы (примитивные пожарные насосы) и должен храниться шанцевый инструмент (топоры, ломы, багры, лопаты и т.д.), а также емкости для воды. Также существовало предписание, определяющее порядок действий для населения в случае пожара, в том числе и наказание для тех, кто оказывал негативное влияние на процесс тушения: «...на пожар бегать солдатам и посадским людям, кому куда указано. А буде на тот пожар придут всякие нижних чинов и боярские и гулящие люди без топоров и без ведер, и без кошелей, и без лопат, и прибежав, того пожару смотреть станут, а не отымать, их от этого места отсылать прочь, чтобы отымать не мешали, а буде они, прибежав на тот пожар, учнуть восходить во дворы и в хоромы, и в палаты, и по избам для своего воровства и грабежа, и тех людей имати и приводить в Стрелецкий приказ и чинить им всякое жестокое наказание, бить кнутом, водить по пожару, без всякой пощады ссылать их в ссылку на вечное житье с женами и детьми» [161, с. 11]. Помимо этого устанавливаются такие формы наказания за возникновение пожара как денежные штрафы, аресты и ссылка.

После Петра I значительных изменений в противопожарное законодательство длительное время не вносилось.

Лишь при Николае I, в 1832 году, был введен «Свод законов Российской Империи», в который вошел «Устав пожарный». В рамках Устава весьма детально регулировались частные вопросы обеспечения пожарной безопасности и системы пожаротушения. Действия закона относительно формирования специализированных противопожарных подразделений распространялись уже не только на столицу, но также и на губернские города [139]. Также в законе подробно описывалось необходимое количество должностных лиц, инвентаря, противопожарные нормы на производстве, в быту, регламентировалась система обучения и другие стороны работы пожарных: «В отвращение пожаров предписывается всем и

каждому с огнем всегда и везде обращаться с крайней осторожностью...» [131]. В данном законодательном акте также были выделены разделы, в которых говорилось о правилах возмещении ущерба причиненного пожаром.

В 1857 году в период правления Александра II был переиздан «Свод законов Российской Империи», в который был включен «Устав пожарный», не претерпевший значительных изменений вплоть до 1917 года [160].

Но вопреки изменениям в законодательной сфере ситуация с пожарами оставалась крайне сложной. В первую очередь это было связано с низким уровнем образования и подготовки представителей пожарной охраны [82, с. 135]. Так, А. Г. Митрофанов в книге «Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке» следующим образом характеризует систему пожаротушения России этого времени: «Приехав на пожар, пожарные старались снять крышу и бить стекла в домах. Это называлось выпускать огонь, который благодаря тяге сильно развивался. Подготовки пожарных никакой не было...» [114, с. 92].

Подобные свидетельства, оставленные современниками, отражают бытовавшее в обществе (не только народной среде, но также среди людей высшего сословия, зачастую более образованных) представление о пожаре как стихийном, неотъемлемом, практически исконном элементе русской жизни. Пожар представлялся как некая сила, которой невозможно, бессмысленно, а порой и вредно препятствовать. Результатом подобного суеверного и фаталистического восприятия становится неоднозначное отношение к формирующемуся институту пожарной охраны (куда набирали людей без соответствующих навыков, а порой и представителей маргинальных слоев общества) и самим пожарным (пожарникам), которые нередко становились фигурой комической, символизирующей бессилие и тщетность борьбы человека с опасными реалиями жизни.

Позднее образ «пожарников» – непрофессиональных, грубых, ленивых, которые не столько борются с огнем, сколько становятся частью самого

огненного действия, будет отражен, например, в произведении М. А. Булгакова «Пожар» («Батюшки. Пожарные! Пожарные!! Пожарные, чтоб вам сдохнуть! [26, с. 587-588]).

В русской литературе можно найти и примеры крестьянского, практически сакрализованного бессилия перед пожаром, уничтожающим засеянное поле, например, в одноименном произведении И. А. Бунина («-Бог дал, бог взял. Мне это все равно, я этого не чую и не чувствую») [27, с. 76]. При этом дуализм восприятия пожара фиксируется через противопоставление его фаталистичного, покорного принятия прорывающемуся гневу и отчаянию человека, потерявшего все « Когда же все догорело, потухло, стал рыдать и рыдал не переставая сутки...» [27, с. 77].

Подобные образы созвучны той сложной ситуации с пожарами, которая сохранялась в России в рассматриваемое время. В соответствии со статистическими данными можно сказать, что деревенская часть России сгорала приблизительно раз в четверть века. Так в период с 1895 по 1909 годы только на части территории Европейской части России было задокументировано порядка одного миллиона пожаров, при этом если в промежутке от 1860 по 1864 годы было зафиксировано 60 000 пожаров, то в период с 1905 по 1909 годы уже – 440 000 пожаров, что указывает на стремительный рост количества возгораний [225, с. 7-8].

Многочисленные пожары приводили к гибели как простых жителей, так и самих пожарных [118, с. 64]. Например, с 1901 по 1914 годы пострадало не менее 2300 пожарных, из которых 570 погибли, а 240 получили инвалидность [139].

Все это усиливало состояние тревожности в обществе, подрывало веру в эффективность рациональной системы борьбы с пожарами. В ситуациях, когда сами защитники оказывались беспомощными перед огнем, простой человек мог верить свою жизнь и безопасность лишь высшим силам, что

объясняет сохранение разнообразных суеверий и заблуждений в отношении пожаров.

Отдельно стоит отметить возникновение на данном этапе добровольного пожарного общества, учрежденного по инициативе князя Г. Е. Львова, а также деятельность графа А. Д. Шереметьева, создававшего пожарные команды в своих имениях и положившего начало изданию таких специализированных изданий, как журналы «Пожарный» и «Пожарное дело». Под руководством Г. Е. Львова инициировались такие формы противопожарной пропаганды, как пожарно-технические выставки, а также съезды русских деятелей по пожарному делу. Работа данных добровольных формирований была направлена не только на помощь государству в борьбе с пожарами, но и на просвещение [35, с. 8].

Еще одним аспектом рационализации восприятия пожаров в данный период становится формирование системы страхования от пожаров, которая, несмотря на существенное количество пожаров в стране и причиняемый ими ущерб, длительное время не была проработана, более того страхование по данному направлению осуществлялось через сложную посредническую систему, что также становилось дополнительным источником потенциального убытка для государства, а следовательно не поддерживалось. Запретительные меры, а именно принятый в 1786 году в России закон, запрещающий «в чужие государства дома и фабрики отдавать на страх и тем вывозить золото во вред и в убыток государственный», а также формирование на основе государственного Заемного банка первых форм страхования зданий от убытка (в том числе и от пожаров) не оказывают значительного воздействия на сложившуюся ситуацию и длительное время российские предприниматели продолжали страховать свою собственность через зарубежных посредников. Только к 20-30-м годам XIX века в России популяризируется страхование от пожаров: «Первое Российское страховое

общество», «Второе Российское страховое от огня общество», общество «Саламандра» и др. [71, 155].

В дальнейшем количество обществ взаимного страхования стремительно увеличивается, что указывает на формирование устойчивого представления о возможности коллективной борьбы как с пожаром, так и с его негативными последствиями, в частности с финансовыми убытками за счет коллективных вложений и профилактических мер. Так, пожары и угроза их возникновения становятся теми факторами, которые оказывали стимулирующее воздействие на процессы развития страхового дела, а, следовательно, способствовали консолидации общества перед лицом пожарной угрозы.

Таким образом, пожар из явления, регулируемого метафизическими силами (силы природы, Бог, демонические силы) или контролируемого за счет вмешательства власти (царь, специализированные социальные институты), становится вопросом общественного порядка, на который может оказать влияние любой член общества вне зависимости от принадлежности к определенному сословию.

Но подобное вмешательство сторонних лиц в вопросы осуществления взаимодействия общества с пожарами указывало на назревающий конфликт, состояние недоверия и неготовности доминирующего субъекта пожара (государства) решать поставленные задачи.

Обобщая материал, представленный в данном параграфе, можно отметить следующее. Известно, что природные и культурные системы эволюционировали вместе с пожарами. Страх перед разрушительной силой огня и стремление приручить эту силу, сделать ее своим союзником приводили к глобальным, в том числе и социокультурным переменам.

Если на ранних этапах развития человечества пожар выполнял строго утилитарные функции (приготовление пищи, расчистка территорий под жилье или сельскохозяйственные нужды, охота, изготовление орудий и т.д.),

то постепенно он стал оказывать влияние и на духовную сферу, отражаясь в религиозных представлениях (мифах, магических обрядах и пр.), в том числе и восточных славян.

С момента формирования первых оседлых поселений восточных славян пожар был угрозой, к которой наши предки стремились адаптироваться, осознавая, что невозможно изъять пожар из общего миропорядка, не нарушив целостность культуры, неразрывно связанной с огнем. Для формирования и поддержания социума в сложных, стрессогенных условиях большое значение имеют религиозные представления и традиции. По словам М. Элиаде, катастрофа должна получить обоснование, стать частью культуры для того, чтобы ее можно было осмыслить и пережить [221, с. 117]. Так и пожар посредством его иррационализации, сакрализации, мифологизации, «социокультурного приручения», становится частью культуры. Вера в предопределенность пожара как результата борьбы богов с хтоническими силами в языческой традиции, трансформировавшаяся в образ пожара как божественной воли в православии, по сути, является проявлением универсального иррационального сценария, в основе которого лежит акт передачи контроля над пожаром (или иной опасностью) внешним (божественным, демоническим) силам.

Формирование государства, постепенное отделение светской власти от религиозной в сочетании с неэффективностью иррациональных методов взаимодействия с пожарами способствовали тому, что постепенно стало происходить смещение доминирующего субъекта пожара от божественных сил к человеку (царю, власти). Это детерминировало формирование специализированного социального института – пожарной охраны, который усложнялся и структурировался по мере того, как пожар становился все более серьезной угрозой для государства и общества.

Постепенно полномочия по предотвращению пожаров и борьбу с ними делегируются обществу, угроза пожара становится, в том числе, и вопросом

частного порядка. Но, несмотря на существенные трансформационные процессы: развитие противопожарного законодательства, совершенствование градостроительных практик, формирование специализированных служб, развитие технико-технологического аспекта противопожарной деятельности, иррациональное восприятие пожара и соответствующие формы взаимодействия с ним сохраняются. Подобное противоречие, по мнению Н. Ю. Новичковой, обусловлено неоднородностью уровня образования и информированности граждан (увеличение числа сельских жителей в городах), что способствовало сохранению мифорелигиозного, пассивного восприятия огненной угрозы, а также существенным разрывом между объективной степенью обеспечения пожарной защиты граждан и количеством возгораний в стране на данном историческом этапе [118, с. 64].

2.2. Пожар в пространстве советской культуры (1917-1990-й гг.): от секуляризации к рационализации

Как было установлено в предыдущих разделах работы, на протяжении длительного исторического периода образ пожара, тесно сплетенный с образом огня, был, в первую очередь, элементом мифолого-религиозного сознания, отражающим противоречивые состояния страха и почтения, силы и беспомощности. Однако в Советский период сакральное восприятие пожара уступило место рациональному, образ пожара обрел новые грани.

Характеризуя данный период в целом, стоит отметить, что пожар рассматривался советской властью как «враг народа», подрывающий государственную стабильность, с которым необходимо бороться всеми возможными методами. Если в более ранние периоды пожары воспринимались как неизбежное зло, а, следовательно, борьба с ними не требовала значительных усилий со стороны государства или граждан, то в советский период предупреждение и ликвидация пожаров приобрели статус общегосударственной, стратегически важной задачи.

Традиционно религия способствовала формированию позиции, при которой человек стремился во множестве вопросов опираться на веру и воспринимать такие явления, как пожар в качестве проявления божественной воли, что могло усиливать пассивное, фаталистичное восприятие опасных событий и явлений.

В противоположность этому коммунистическая концепция акцентировала внимание на активной позиции человека, способного полностью перестроить мир и подчинить его своим интересам. Это нашло отражение и в отношении советской власти к вопросу противодействия пожарам. Сакрализация пожара (восприятие его как циклического и непредсказуемого стихийного бедствия или божественной кары) сменилась его тотальной рационализацией (отношение к пожару как природному

явлению, поддающемуся контролю и регулированию со стороны государства). Уместно в данном случае привести цитату из произведения В. Шишкова «Угрюм-река». В нем упоминается «веселый пожар», борьбу с которым, в соответствии с новой советской идеологией, необходимо вести рациональными методами: «... не Богу молиться тут надо, молитвой дороги не сделать, молитвой и поля не засеять, а дураку да лодырю-живодеру оправданье, – тут надо организация» [211, с. 617].

При этом особенно в первые послереволюционные годы и в официальной агитационной риторике, и в молодом советском искусстве пожар довольно часто представлял не столько в негативном (как стихийное бедствие), но и позитивном коннотативном ключе – как метафора мировой революционной борьбы, мирового эсхатологического огня, несущего гибель злу и обновление миру. Можно в этом контексте вспомнить цитаты А. Блока: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем...» [18, с. 373] и Ю. П. Анненкова: «Блок, несомненно, был захвачен стихийной стороной революции. «Мировой пожар» казался ему целью, а не этапом. Мировой пожар не был для Блока даже символом разрушения, это был «Мировой оркестр народной души» [128].

Э. Канетти также писал о схожих мотивах в восприятии огня и пожара: «Самое впечатляющее орудие разрушения – огонь. Он виден издали и притягателен как ничто другое. Он разрушает окончательно и бесповоротно. Из огня ничто не выйдет таким, как было. Поджигающая масса чувствует себя неотразимой. Все, охватываемое огнем, присоединяется к ней. Все враждебное гибнет в огне» [80, с. 76].

Можно сказать, что само общество становится источником этого «мирового пожара». Доходя до пожароопасной «точки бифуркации», оно словно встает на путь самоуничтожения, необходимого для последующего развития.

Однако восприятие пожара не ограничивалось отождествлением его с мировой революцией или всеобщим очистительным апокалипсисом, предвестником новой эпохи. Для К. Д. Бальмонта образ пожара и революции были слиты в единый фаталистичный образ грядущей беды: «В сердце моем глубокое спокойствие от доверия Богу и Судьбе. Три-четыре дня тому назад – или когда? – узнав, что русские начали бегство, я пережил такую боль, что уже ничто меня, кажется, не взволнует. Вся наша Армия дрогнула. Что будет, не знаю. Кровавый пожар начался и придет» [10, с. 720]. Отдельно стоит упомянуть использование поэтического образа пожара в любовной лирике советского периода, в частности в произведениях В. В. Маяковского [110, с. 38].

Говоря о конкретной практике взаимодействия молодого советского государства с пожарами (не в революционном, а вполне конкретном смысле), стоит отметить, что к 1917 году в результате многочисленных разрушительных пожаров в Архангельске, Владивостоке, Астрахани, Бекетовке, Казани, Петрограде и других городах ежегодный убыток от огня исчислялся миллиардными суммами [157, с.112]. Одной из основных причин подобного положения являлся крайне низкий уровень технического противопожарного оснащения, совершенно несопоставимый с масштабом и уровнем заселенности городов, а также деятельностью промышленного сектора [101, с. 9].

Особый статус «общенационального врага», присвоенный пожарам в советский период, связан с частотой возникновения возгораний. Они были вызваны не только объективными причинами, но и целенаправленными поджогами со стороны оппозиционно настроенных граждан. Пожары (поджоги) как форма выражения гражданской позиции, в том числе несогласия, были распространены в России в разные периоды (Пугачевские бунты, гари староверов), но особое распространение они получили в период революционных действий [67, с. 100].

Так, например, выдержки из рукописей ученика Ирбитской мужской гимназии Федоровского (имя и отчество не известны), обнаруженные уральскими архивистами, позволяют оценить ситуацию с пожарами в одном из уральских городов в период революционных событий. По воспоминания автора, первый из серии ирбитских пожаров возник в результате преднамеренного поджога при разграблении солдатами одного из магазинов: «Первый магазин, двери которого были взломаны, был меховой магазин Пахомовой. В нём возник и первый пожар. Громили солдаты, а зажгли женщины, для освещения, когда стало темно в конце дня» [9]. В дальнейшем количество пожаров (поджогов) увеличивалось, контроль над огнем удалось вернуть только через неделю. Стоит отметить, что исходя из записей Федоровского тушение пожаров было серьезно осложнено – «пожарным гасить пожары не давали» [9].

Можно также вспомнить разрушительный пожар в Барнауле, произошедший весной 1917 года. В результате пожара многие из жителей получили ожоги, ранения, погибло порядка 300 человек. Огнем были уничтожены десятки кварталов центральной части города, ряд социально значимых учреждений, осталось без жилья более 10 тысяч жителей, общая сумма убытков составила почти 10 миллионов рублей [156, с. 88].

Можно сказать, что данный пожар стал следствием стечения ряда неблагоприятных факторов, в том числе метеорологических, но в первую очередь он продемонстрировал неготовности к столь серьезному возгоранию местных властей и пожарных, как с технической, так и с профессиональной точки зрения. Более того, после пожара начались массовые беспорядки, грабежи, народные волнения и голод, возникла угроза распространения тифа. Вопросы урегулирования ситуации и восстановления сгоревшей части города взяли на себя представители новой Советской власти (Совет рабочих и солдатских депутатов). Были организованы работы по патрулированию города, открыты пункты выдачи бесплатного питания и лазарет. Подобная

активная деятельность повлияла на уровень доверия и популярность советской власти у населения.

После Октябрьской революции, несмотря на сложную социально-экономическую, а также политическую ситуацию в стране, вопросам обеспечения пожарной безопасности уделялось значительное внимание и можно говорить о том, что борьба с пожарами являлась одной из первоочередных государственных задач. Это подтверждается тем, что в апреле 1918 года, практически сразу, после установления Советской власти, В. И. Ленин подписал декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем» [52], который стал основным документом, определяющим не только структуру работы, но и будущие направления развития в области обеспечения пожарной охраны. Этот декрет помимо прочего регламентировал и основные принципы государственного страхования, а также предполагал сбор информации по пожарам, ее анализ и выявление путей минимизации, как количества пожаров, так и наносимого ими ущерба.

С этого момента пожарная охрана страны перешла на государственное финансирование и в разные исторические периоды организационно входила в состав: Народного Комиссариата по Страхованию и борьбе с огнем (1918-1920 гг.); Народного Комиссариата Внутренних Дел (1920-1931 гг.; 1934-1946 гг.); Народный Комиссариат Коммунального Хозяйства (1931-1934 гг.); Министерство Внутренних Дел СССР (1946-1962 гг.; 1968-1991 гг.); Министерство Охраны Общественного порядка (1962-1968 гг.). Это позволяет судить о трансформации восприятия пожара и значимости, которую придавали данной угрозе в обществе [23, с. 51-53].

Усложняется и структурируется внутренняя система поддержания пожарной безопасности, учитывающая уровень населенности определенной территории. В сентябре 1918 года было издано «Положение о местных органах противопожарного надзора», согласно которому на территориях с населением более 10 тысяч человек должны быть созданы пожарные

комитеты, которым вменялось в обязанности обеспечение мер по организации эффективной системы пожаротушения и создание условий для предупреждения потенциальных пожаров [101, с. 14].

Но, несмотря на предпринятые меры, сложная обстановка с пожарами сохранялась. Она была обусловлена как общей ситуацией в стране, так и недостатком квалифицированных кадров, изношенностью и неэффективностью специализированной техники. Вследствие чего остро вставал вопрос о необходимости формирования самостоятельного органа, силы и ресурсы которого были бы сосредоточены на обеспечении пожарной безопасности. Таким образом, в июле 1920 года было принято новое постановление «О сосредоточении пожарного дела в НКВД» и был сформирован Центральный пожарный отдел в составе Главного управления коммунального хозяйства Народного комиссариата внутренних дел. Помимо этого создавалось большое количество пожарных подотделов и профессиональных пожарных команд. Боевой устав пожарной охраны, принятый в 1985 году, еще больше укрепил восприятие пожара как врага, с которым общество ведет планомерную войну [104, с. 6].

В постреволюционный период начинается и активное совершенствование технической базы. Уже в 20-е годы пожарные команды крупных городов получают возможность частично перейти с конных обозов на пожарные автомобили, в том числе заграничного производства. Стоит отметить, что не все пожарные дружины восприняли подобные перемены положительно. Объясняется это тем, что пожарные автомобили не всегда превосходили по своим возможностям существующие конные обозы в силу специфики местности. Немощенные дороги, особенно в плохую погоду, не позволяли пожарным автомобилям передвигаться на достаточной скорости.

С другой стороны, в тех районах, где пожарный автотранспорт мог использоваться эффективно, не всегда была возможность поставить его на вооружение в силу нехватки, как самой техники, так и средств на ее

приобретение. В ряде случаев, например в Челябинске, пожарные автомобили изготавливались из старого, конфискованного в ходе революционных действий заграничного автотранспорта. Так, группой пожарных под руководством брандмейстера Грабовских в Челябинске в 1927 году велись работы по изготовлению пожарного автомобиля на базе шасси автомобиля «Фиат», для чего велась переписка с Москвой для выделения необходимых деталей [81, с. 42]. При этом в 1926 году в Ленинграде начался серийный выпуск пожарных автомобилей АМО-Ф-15, что частично покрывало потребность в современной пожарной технике в стране [179, с. 95].

Позиция официальной власти, отраженная в частности в ряде принятых нормативных актов, направленных на развитие и совершенствование пожарной охраны, не всегда соответствовала реальному положению дела в стране. По факту на местах, особенно в небольших городах, наблюдалась нехватка не только пожарного инвентаря, но даже таких элементарных средств, как материал для починки амуниции (пожарных сапог), что подтверждается документами, сохранившимися в городском архиве [83, с. 70; 119, с. 38].

Нехватка профессиональных кадров в области пожаротушения привела к необходимости их подготовки. На базе различных учебных заведений началась активная подготовка будущих специалистов в деле борьбы с огнем. Так, в уже 1918 году открывается первое пожарно-техническое училище, а в 1924 году был организован пожарный техникум, а также открываются краткосрочные пожарные курсы, направленные на подготовку младшего начальствующего состава [101, с. 18].

Активное развитие новых отраслей промышленности активизировало риски и ущерб от потенциальных пожаров для государства и общества, что привело к осознанию важности научного подхода в исследовании неконтролируемого огня. Это приводит к созданию в 1930 году Научного

пожарно-технического комитета, а в дальнейшем и Пожарно-испытательной лаборатории [179, с. 144].

Помимо активной работы в области развития профессиональной пожарной охраны в стране велась деятельность по восстановлению и развитию системы пожарного добровольчества.

В 1924 году советским правительством утверждается устав добровольных пожарных организаций, а также издается постановление, регламентирующее предоставление ряда существенных льгот для членов добровольных пожарных организаций (освобождение от уплаты некоторых налогов, бесплатное использование помещений для пожарных нужд, получение стройматериалов и доступа к покосам и пахотным землям) [101, с. 44]. Более того членство в добровольных пожарных организациях и активная деятельность по обеспечению пожарной безопасности в стране позволяло их членам получать такие государственные награды как орден Трудового Красного Знамени [83, с. 68]. Таким образом, можно говорить не только о разработке государственной системы добровольной пожарной охраны, но ее стимулировании за счет налоговых льгот и иных видов государственного поощрения.

Помимо совершенствования технического уровня и усиления законодательной базы в области пожарной охраны государство большую роль отводило популяризации темы борьбы с пожарами среди населения: появляются учебная и пропагандистская литература, развиваются и распространяются пожарно-технические выставки и другие формы противопожарной пропаганды.

К тушению и предотвращению пожаров привлекались широкие слои населения, с которыми велась пропагандистская работа и обучение. Одним из методов популяризации идеи пожара как «врага народа» и общегосударственной опасности, с которой необходимо бороться каждому советскому гражданину, были «Пожарно-технические выставки», которые

появились еще до революции, но активное распространение получили в советский период. Данный вид государственной пропаганды активно использовался для взаимодействия с широкими слоями населения, позволяя обучать их основам пожарной безопасности, внедрять идеи рациональных методов борьбы с огнем и, что немаловажно, демонстрировать современные виды пожарного вооружения.

В дополнение к вышеуказанным пропагандистским мероприятиям в 1938 году в СССР устанавливается официальный День пожарной охраны (17 апреля), что указывает не только на значимость данного социального института для целей поддержания устойчивого развития государства, но и укрепляет престиж самой пожарной охраны как государственной инстанции [101, с.13].

Совокупность вышеперечисленных мер оказала значительное влияние на осмысление пожара в новом ключе и привела к его десакрализации, что в свою очередь позволило окончательно перейти от иррационального к рациональному сценарию борьбы с огненной стихией. Следовательно, вопрос контроля над пожарами перестает быть прерогативой определенных сословий или профессий и становится одним из важных вопросов государства и общества в целом.

Период Великой Отечественной войны тесно связан с тематикой пожара. Огромное количество возгораний, по большей части вызванных военными действиями, наложил отпечаток на систему функционирования пожарной охраны и восприятия обществом военных пожаров. В существующих условиях пожарная охрана ряда крупных городов и особо значимых объектов военизируется и приобретает новый статус. А меры по ликвидации и предотвращению пожаров становятся важнейшей составляющей военных действий. Это объясняет причины, по которым, несмотря на все возрастающие потребности фронта, правительство

продолжает выделять технику и материальные средства на усиление противопожарных мероприятий [36, с. 22.]

Значимость борьбы с пожарами также подтверждается введением государственных наград для огнеборцев. Тысячи пожарных заслужено получают высокие государственные награды (ордена, медали) за свой героический труд.

Пожар в глазах общества продолжал сохранять статус «врага народа», но врага внешнего и еще более разрушительного, а, следовательно, и борьба с ним становится жизненно необходимой и принимает бескомпромиссный характер. В случае нехватки специалистов пожарного дела (пожарная охрана в период блокады Ленинграда) на смену пожарным (погибшим или ушедшим на фронт) приходят подростки и женщины. В ряде случаев пожарные бригады могли быть на треть и более состоять из женщин [65, с. 19]. Хотя в мирное время женщинам запрещалось участвовать в тушении пожаров на законодательном уровне.

В послевоенный период борьба с пожарами продолжала носить рациональный и интенсивный характер. Был реализован ряд мер, направленных на предупреждение возгораний, что позволило по некоторым оценкам за период с 1966 по 1970 годы избежать порядка 1 миллиона пожаров [87, с. 271].

Специфика восприятия пожаров и страх перед ними отражались, в том числе в формах и способах публичного освещения данного вопроса, а именно предоставления информации, как о самих пожарах, так и об их последствиях. В советский период данная система была существенно политизирована и подвержена цензуре. На это указывает ряд ситуаций, когда данные о пожарах изменялись в соответствии с требованиями государственной политики или вовсе скрывались. Так, пожар 1961 года в чувашской деревне Эльбарусово, в результате которого погибло более 100 человек (большинство – дети), не получил огласки в средствах массовой информации. Публичная панихида и

открытие мемориала в память жертв пожара состоялось только в начале 90-х годов [190].

Аналогичный характер носила и система ведения пожарной статистики, которая допускала умалчивание информации о ряде пожаров и наносимом ими ущербе что, с одной стороны, способствовало сохранению устойчивой ситуации в обществе, пикировало возможный рост панических настроений, но, несомненно, негативно сказывалось на реальной борьбе с пожарами и подрывало веру граждан в возможности государства и специализированных служб эффективно противодействовать огню. Это в свою очередь оказало влияние на общее восприятие пожаров, способствовало восстановлению за пожарами образа мистического, неподконтрольного человеку явления.

Одним из знаковых явлений советского времени можно назвать масштабизацию пожаров. Пожары, ранее протекавшие по большей части в территориальных рамках населенных пунктов, стали приобретать масштабы международных катастроф, примером чего может служить пожар на Чернобыльской атомной электростанции. Этот и другие крупные пожары, в том числе природные, а также аварии, приводящие к массовой гибели и значительным материальным потерям, выдвинули на первый план задачу по координации и взаимодействию сил и структур по борьбе с пожарами. Таким образом, вопрос пожарной безопасности вышел за рамки одной узконаправленной структуры и более того – за рамки отдельных государств. Сложившаяся в мире ситуация демонстрирует практически ту же беспомощность человека перед стихией, что и на первом этапе освоения огня.

Подводя итоги данного параграфа, отметим, что стихийная составляющая пожара нашла свое отражение в динамичных, противоречивых революционных процессах, с которыми столкнулась русская культура в начале XX в. Пожар в контексте революции становится политической

метафорой, одновременно воплотившей в себе значения и революционной борьбы, и очищающей апокалиптической силы, и социальной катастрофы.

Но на данном этапе происходит значительный перелом в стратегии взаимодействия общества с пожаром. Далекая от религиозного смирения и фатализма в вопросах огненной стихии советская власть выделяет человека как доминирующего субъекта пожара. Таким образом, данный период характеризуется рационализацией восприятия пожаров посредством консолидации общества и вовлечения в борьбу с огнем широких слоев населения. Это укрепляет статус новой власти, способной противостоять стихии, а также существенно меняет отношение общества к пожарной охране (что отражено через закрепление позитивного, героического образа советского пожарного). При этом стоит отметить, что попытка советского государства продемонстрировать свое доминирование над силами природы сопровождалась, в некоторых случаях, фальсификациями и сокрытием статистических данных о пожарах и гибели в результате возгораний.

Обобщая сказанное во второй главе, обозначим следующие наиболее важные позиции.

Многие исследователи сходятся во мнении, что освоение огня стало одним из важнейших этапов и предпосылок культурогенеза. Не стоит отрицать того, что противоречивая природа пожара не всегда позволяет сделать однозначные выводы о векторе его воздействия на социокультурные процессы, что подтверждается словами профессора Й. Гольдаммера: «Грань между пожаром, который принесет пользу, и тем, который нанесет урон, очень тонкая» [42].

С того момента, как человек стал активно вовлекать огонь в свою жизнь, пожар стал его неизбежным спутником. Появление оседлых поселений, рост городов, новые технологии, развитие промышленности и другие формы развития человеческой культуры привели к усложнению ситуации с пожарами и, как следствие, потребовали осмысления сложившейся ситуации.

Анализ места и роли пожара в пространстве русской культуры от времени расселения восточных славян до конца существования Советской власти позволил выделить несколько значимых этапов, соответствующих различным моделям восприятия пожара (критерием выделения каждого этапа стал субъект пожара, то есть источник его появления и контроля): природные силы, Бог, власть, общество, человек. В рамках каждого этапа были осмыслены ценностно-символический, нормативно-правовой и технико-технологический аспекты, позволившие проследить эволюцию восприятия пожара и специфику взаимодействия человека с ним в различных сферах культуры (религиозной, ритуально-деятельностной, повседневной, научно-технической, художественной и др.). Были зафиксированы существенные отличия осмысления и репрезентации пожара в рамках каждого исторического этапа (эволюция доминирующего субъекта пожара от природных сил до социума в целом, переход от иррационального сценария взаимодействия человека и пожара к рационализации этого процесса и пр.). Проведенный анализ позволил проследить не только динамические процессы социокультурной репрезентации пожара, но и выявить темпорально устойчивые аспекты восприятия пожара (амбивалентность оценки как природы пожара, так и его последствий, мифологизация и др.).

Изучение такого, казалось бы, локального, «реверсного», (в терминологии А. Я. Флиера) [197, с. 6], явления русской культуры, позволило выйти на уровень масштабных культурологических обобщений, по-новому осмыслить такие ее аспекты как: трансформация культово-религиозных практик, связанных с огнем и пожаром; изменения в законотворческой «противопожарной» деятельности, фиксирующие роль и меру ответственности отдельного человека, власти, различных институций, общества в целом; развитие технико-технологической сферы и др.

Глава III. Актуальные паттерны восприятия и репрезентации пожара: результаты социокультурной диагностики

3.1. Пожар сквозь призму субъективных интерпретаций: мониторинг общественного мнения россиян

Пожар, как было отмечено в первой главе диссертации, является синтетическим феноменом, объединяющем в себе как объективно-природное начало (процесс горения), так и культурное, включающее в себя ценностно-нормативные установки, определенные формы поведенческих реакций, религиозные представления, символическо-образные и художественные репрезентации и т.п. В предыдущей главе мы рассматривали основные этапы эволюции восприятия пожара в пространстве русской культуры от древности до конца советского периода. Данная глава посвящена осмыслению социокультурного статуса феномена пожара в актуальной российской культуре. Такая исследовательская призма позволяет рассматривать пожар не столько как катастрофическое явление, сколько как симптом более масштабных социокультурных процессов и явлений, то есть выйти на более высокий уровень культурологических обобщений.

Изучение специфики актуального восприятия и социокультурной репрезентации феномена пожара осуществлялось нами на двух взаимосвязанных уровнях: уровне субъективной интерпретации (изучение отдельных, частных мнений респондентов относительно феномена пожара) и уровне публичной репрезентации (изучение особенностей информационного позиционирования феномена пожара в пространстве актуальных медиа).

В данном параграфе будет рассмотрен первый уровень восприятия пожара, интерпретация которого осуществлялась с помощью «методики диагностики частных мнений». В рамках ее реализации были сформированы две группы респондентов по семь человек в возрасте от 25 до 60 лет близких социально-демографических параметров. Первая группа включала в себя

участников, не имевших непосредственного опыта взаимодействия с пожаром, вторая группа – обладающих им (тушение, опыт визуального наблюдения и пр.).

Подобная дифференциация обусловлена попыткой выявить различия в восприятии и осмыслении феномена пожара в зависимости от наличия теоретического или эмпирического знания (в области взаимодействия с пожарами).

Для решения поставленных задач каждой группе респондентов было задано 14 вопросов, затрагивающих как рациональные аспекты осмысления пожара, так и апеллирующих к его иррациональному (эмоционально-чувственному) восприятию. Вопросы, задаваемые группам, в целом были аналогичны, за исключением вопроса, связанного с оценкой личного опыта взаимодействия с пожаром, который в том числе выступал как критерий межгрупповой дифференциации участников исследования: если участники первой группы должны были спроектировать процесс своего потенциального взаимодействия с пожаром, то участники второй группы соответственно описывали свой личный опыт данного взаимодействия.

Далее рассмотрим данные, выявленные в ходе анализа информации, полученной от участников исследования.

Ряд вопросов был направлен на выявление и анализ стереотипных представлений о пожаре, а именно типичных смысловых, символических, метафорических конструкций, соотносимых с пожаром с точки зрения современных россиян.

В начале исследования перед респондентами была поставлена задача обозначить ряд ассоциаций, связанных с пожарами.

Участники первой группы (респонденты, не имевшие опыта взаимодействия с пожаром) при описании пожара использовали типичные, универсальные образы, характеризующие его как процесс горения, связанный с угрозой для человека («опасность», «страх», «паника», «огонь»,

«жара», «жертвы», «красота ужасающая», «страсть», «боль», «разрушение», «дым»).

Во второй группе в качестве ассоциаций чаще использовались более сложные, детальные описания, которые не просто выступали синонимами слова «пожар», но содержательно-эмоционально конкретизировали его, фиксировали физический аспект осмысления опыта переживания пожара («бревенчатый дом объятый пламенем в ночи», «рев пламени», «выжженная черная земля», «пламя», «буря», «заревое», «беда», «огонь», «спасение», «жарко», «страшно», «потеря собственности», «страх», «солнце», «дикий страх», «бешеный пульс», «невозможность дышать»). Помимо этого ассоциации участников второй группы отражали не только сам момент пожара, но и процессуальные аспекты его возникновения либо ликвидации («МЧС», «пожарные», «огнетушитель»).

Стоит отметить, что ассоциации, возникающие у участников обеих групп исследования были связаны не только с конкретными эмоциональными реакциями, такими как, например, страх или паника, но также отсылали к различным источникам получения информации об объекте, доступных человеческому организму: визуальные (огонь, черная земля, зарево), аудиальные (рев), обонятельные (дым, невозможность дышать), осязательные (жар).

При этом в большинстве ассоциативных рядов присутствовало слово «огонь», что, несомненно, указывает на сохранившуюся в современной русской культуре синонимичность слов «огонь» и «пожар». Однако при этом слово «огонь» использовалось респондентами совместно со смысловой парой, отражающей негативное эмоциональное состояние страха/паники/опасности.

Таким образом, ассоциативное восприятие пожара связано с обращением к целому спектру физических и психо-эмоциональных состояний человека, что указывает на его кумулятивность, при которой

каждый отдельный элемент конкретизирует другие и придает им специфические свойства.

Также стоит сказать, что, несмотря на доминирование негативной оценки пожара, фиксировались и связанные с ним позитивные ассоциации («страсть», «огонь», «жар», «пламя», «заревое», «солнце», «спасение»).

Подобный вывод нашел частичное подтверждение при анализе ответов на вопрос: «Может ли пожар быть символом или метафорой позитивных состояний или явлений?».

Участники первой группы большинство метафор связывали с описанием позитивно окрашенных эмоциональных переживаний («пожар любви», «пожар осени», «пожар души», «огонь в глазах», «сжечь все мосты»). В ответах же респондентов второй группы доминировало представление о пожаре (метафорическое и буквальное) как об очищающей, обновляющей силе («символ обновления, излечения, очищения»; «обновление, сгорание чего-то плохого»; «символ очищения как во время средневековых эпидемий»).

Таким образом, если первая группа описывала пожар как явление, воспринимаемое в рамках обобщенно-стереотипизированного набора параметров, то вторая – скорее как более эмоциональное, личное переживание.

Называя примеры позитивно окрашенных явлений, ассоциируемых с пожарами, участники первой группы связывали их либо с восприятием пожара как обновляющей природной силы, которая является частью естественного эволюционного процесса («С эволюционной точки зрения, глупые и бесполезные животные погибают. Это просто эволюционный фактор»; «В пожаре есть полезное, но это проявится через несколько сотен лет, когда произойдет восстановление»; Пожар всегда был на Земле и все живое, так или иначе, приспособлялось к нему и циклично восстанавливалось»), либо с его восприятием как элемента культурной

традиции или празднично-зрелищной сферы («Масленица, праздники, когда люди что-то сжигают. Бернингмен – это круто и его можно сопоставить с пожаром»; «Обновление, это культурная особенность русского человека...»).

Большинство участников второй группы (которые при ответе на вопрос о позитивных коннотациях пожара опирались, главным образом, на личный опыт взаимодействия с ним) рассматривали пожар как источник нового, полезного жизненного опыта («профессиональный и личный опыт полученный, это, несомненно, полезно и тем позитивно»; «опыт»; «опыт стал позитивным с точки зрения понимания необходимости замены оборудования»).

Зафиксированная позитивация пожара может быть обусловлена не только архаическими аспектами восприятия стихийных проявлений горения, но и особенностями человеческой культуры, потребностью в осмыслении даже разрушительных событий как имеющих сверхсмысл и приносящих пользу (по мысли М. Элиаде, трансформация катастрофы в опыт подобна переходу Хаоса в Космос [219, с. 53]).

Таким образом, мы можем говорить о том, что пожар как феномен современной русской культуры, сохраняет свой изначальный амбивалентный характер и включает в себя оценку пожара как разрушительного, катастрофического, так и позитивно окрашенного явления, связанного с природной силой, очищением, обновлением и пр.

Стоит сказать, что в вопросе осмысления пожара также крайне значимым является аспект причины или виновника его возникновения. В русской культуре, как было показано ранее, существует тесная связь между образом пожара и идеей нарушения правил, греховности как первопричин наступления негативного события (пожара), что особенно активно проявляется на ранних культурно-исторических этапах.

В рамках проведенного исследования участникам было предложено перечислить основные причины возникновения пожаров.

Обе группы респондентов в качестве доминирующей причины возникновения пожаров выделили человеческий фактор. Но в данном случае интерес представляет не столько обозначенный выбор, сколько связанные с ним лексические нюансы. Говоря об антропоцентризме современных пожаров, участники исследования использовали такие слова как: «забывчивость», «халатность», «невнимательность», «легкомыслие», «случайность», «неосторожность», «безответственность», «неаккуратное», «неправильное». То есть пожар осмысливался ими как результат непреднамеренной и нецеленаправленной деятельности, не относящийся напрямую к ее субъекту. Пожар в такой интерпретации обретает черты явления, существующего автономно от человека, что позволяет говорить о сосуществовании процессов антропологизации (осознание человека как базового субъекта пожара) и иррационализации (поиск субъекта пожара во внешних по отношению к человеку сферах) феномена пожара.

Аналогичная перцептивная модель фиксируется и в ответах на вопрос о мерах, которые респонденты лично предпринимают для предотвращения пожаров. Основными формами защиты от пожаров являлись меры, которые можно охарактеризовать двояко (сочетающие рациональные и иррациональные черты): «отключение электроприборов и газового оборудования, когда оно не используется»; «Возвращаюсь домой думая, что не выключила утюг»; «Все проверяю и перепроверяю».

Подобные способы предупреждения пожара можно назвать пассивными и даже иррациональными, особенно при сопоставлении их с доступными современному человеку мерами защиты, среди которых подключение датчиков дыма, пожарной сигнализации, системы «умный дом», приобретение первичных средств пожаротушения (лишь треть участников в каждой из выделенных групп подтвердила наличие в их домохозяйствах необходимого минимума средств обеспечения пожарной безопасности).

Стоит также отметить, что большинство респондентов указало, что подобные процедуры сопряжены с навязчивым повторением, проверками и вызывают стрессовые состояния («Можно тысячу раз проверить и для меня это чрезвычайно важно»; «Утюг уношу в туалет, где все кафельное ничего не возгорится»; «Все проверяю и перепроверяю»; «Возвращалась домой думая, что не выключила утюг. На грани ОКР»). Подобная реакция гипертревожности прослеживалась в обеих группах участников исследования, что указывает на наличие ощущения беспомощности человека перед пожаром.

Можно говорить о сочетании иррационального и рационального в восприятии пожара в рамках современной культуры, слитности панического страха и беспечности, логики и фатализма. Такое сочетание, казалось бы, противоположных параметров, может быть связано со спецификой современного образа жизни. Стремительные изменения, происходящие в мире (экологические кризисы, изменение климата, глобализация), идеологическая и ценностная дестабилизация, интенсивный рост и усложнение технологий, внутренняя логика которых не всегда понятна обывателю, невозможность спрогнозировать будущее в совокупности порождают высокий уровень тревожности и зачастую приводят к возврату иррациональных моделей поведения, мифологизации, анимизации окружающей реальности.

В нашем случае компульсивные действия современного человека, направленные на многоповторную проверку электроприборов, по сути, являются ритуальным действием, трансформированной формой суеверного мышления, что также подтверждает тенденцию иррационализировать пугающие аспекты реальности, в том числе пожары.

Стоит отметить, что большое значение в вопросах, связанных со спецификой взаимодействия человека с пожарами, респонденты придавали культурной традиции. Отвечая на вопрос об особенностях обеспечения

пожарной безопасности в разных странах, участники связывали специфику восприятия пожаров с особенностями русской культуры: «Это культурная особенность русского человека, она очень крайняя. Либо мне пофиг, либо я бегу на амбразуру. Пофиг до определённого предела»; «Культурно воспитан в плане отношения с пожарами и источниками огня, это идет из семьи. Отношение к технике безопасности у каждого свое и связано с общим уровнем образования и воспитания. Эту ответственность нужно прививать с детства»; «Коллективное сознательное и это впитывается с воздухом».

Можно выделить еще одну черту восприятия феномена пожара, а именно – его социокультурную детерминированность и связь с общими особенностями национального характера.

Специфика осмысления крупных пожаров последних лет обнаруживает тесную связь с политической и экономической ситуацией, как в стране, так и в мире в целом. Пожар интерпретируется не в качестве объективного события, а становится символом упадка, нарушения баланса в обществе, катализатором протестных настроений и выражением социальной потребности в серьезных изменениях, в первую очередь, связанных с политической системой. Так, по мнению участников исследования, ситуация с природными пожарами последних лет является проявлением отношения власти к народу и того, какие задачи для руководства страны являются приоритетными: «Почему нельзя наблюдать за пожарами? Они просто заняты тем, что высматривают в интернете людей, которые про власть что-нибудь пишут»; «наша власть, которая гребет деньги лопатой, но нет средств тушить». «Власти сделали вид, что это исправить невозможно»; «Власть думает, что ты какой-то дурак»; «Виновата власть в этой ситуации, люди, которые считают что это (тушение пожаров) не выгодно. А что тогда выгодно?».

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно говорить о тенденции политизации восприятия пожара.

При ответе на вопрос о причинах и виновниках ряда резонансных пожаров, произошедших в мире в последнее десятилетие (пожар в ТРК «Зимняя вишня» (Россия, г. Кемерово), в соборе Парижской Богоматери (Франция, Париж), лесные пожары Сибири 2019 г., участники исследования продемонстрировали близкие по смыслу ответы.

Зафиксированные ответы можно представить в виде нисходящей структурной иерархии, где отдельные части оказались тесно связаны между собой:

1. «Верховная власть»: ответственность возлагается на власть в целом или отдельных ее высших представителей: «президент, правительство, руководящие чины»;

2. «Институциональная власть»: ответственность возлагается на специализированные учреждения, а именно надзорные органы и организации непосредственно связанные с пожаротушением (государственный пожарный надзор, пожарная охрана, МЧС, специалисты по технике безопасности, лесничество и т.д.);

3. «Локальная власть»: ответственность возлагается на человека или группу лиц, не являющихся специалистами в области обеспечения пожарной безопасности (владельцы зданий, бизнесмены, администрация, рабочие, архитекторы, граждане и т.д.);

4. «Власть обстоятельств». К данной группе относятся ответы участников, которые затруднились с ответом или в качестве первопричины выделили «стечение обстоятельств» или «совокупность факторов».

Такая «иерархия ответственных» отражает тенденцию восприятия пожара как результата совокупности нарушений на различных уровнях социальных структур. Доминирующая ответственность находится в руках верховной власти, которая допускает серьезные системные нарушения в специализированной сфере обеспечения пожарной безопасности, что влечет за собой реализацию одного или нескольких из типов нарушений.

Вот наиболее типичные мнения: «Все виновны на разных уровнях; Виновато МЧС, верхушка. Все генералы и губернатор, которые не разрабатывают систему и не ищут средства. Всем все равно и сама верхушка МЧС, они должны были выговор получить в личное дело; Это даже не местные власти, а Российская Федерация и президент, он об этом точно знает и точно это допускает. Это глобальное следствие деградированной системы пожаротушения; Не могут справиться? Соберите все силы, вместо того чтобы выделять средства, которые расхищаются. Власти сделали вид, что это исправить невозможно».

То есть пожар, вне зависимости от контекста, воспринимается не как автономное событие, а как результат системных нарушений в организации и управления обществом. Таким образом, мы можем говорить о глубоком проникновении политических аспектов в ядро социокультурного феномена пожара.

Данная тенденция может негативно проявиться в будущем, когда человечество будет вынуждено все чаще сталкиваться со сложными, разрушительными пожарами и мегапожарами, что может сказаться не только на экологической и экономической ситуации, но также повлиять на уровень доверия общества к властным структурам.

Подобные результаты могут быть объяснены кризисом современной русской культуры, что проявляется через негативные тенденции в идеологической, духовной, политической и других сферах [63, с. 192; 75].

Отвечая на вопрос о разнице в восприятии пожаров в зависимости от их локации (внешние – за границей, внутренние – на территории России), участники исследования охарактеризовали данные параметры как малозначимый: «Пожары одинаково трагичны», «Я одинаково переживаю когда у меня во дворе пожар, так и австралийский»; «Животных жалко везде одинаково»; «Эмпатия и сочувствие уравнивает эти пожары».

Следовательно, мы можем выделить транснациональность как одну из тенденции в восприятии пожаров в современной культуре.

Одной из причиной транснационального характера восприятия пожаров может быть то, что современное общество пришло к пониманию глубинной связи между процессами, происходящими сегодня в разных точках планеты, но приводящих к консолидированному ущербу для мировой экологии, что связано с разрабатываемой В. И. Вернадским теорией ноосферы [31].

Данное предположение может быть подтверждено результатами исследования. В ходе дискуссии некоторые участники дали крайне негативную оценку продолжению военных действия США на территории Ирака в период пожаров в Австралии в 2019 году («Ужасал тот факт, что во время пожаров в Австралии Трамп продолжал бомбить Ирак. Горят леса, гибнут животные, а он продолжает бомбить, меня этот факт убивал»). Таким образом, мы можем видеть, что природный пожар, даже на территории другой страны, осмыслялась участниками исследования как дополнительный фактор негативизации военной агрессии. Можно сказать, что участники исследования рассматривали пожар, как общемировую угрозу, на фоне которой все страны должны объединить свои усилия, забыв о частных разногласиях.

Следующая тенденция, характеризующая современное восприятие пожаров, тесно связана с природой и сферой экологии. Так, участники обеих групп продемонстрировали повышенный интерес к вопросам природных пожаров, причиняемого ими вреда экологии, а также ответственности за их возникновение. Обобщая ответы участников обеих групп на вопрос «Утрата, какого из объектов (исторических, культурных, природных) вызвала бы у Вас наибольшее сожаление (как на территории Челябинской области, так и в целом в мире)?», мы можем говорить о доминировании ценности природных объектов над объектами исторического, культурного и утилитарного типа.

Ответы участников первой и второй групп исследования оказались схожи в данном аспекте, а именно большинство из них было связано с природными объектами: «Лес»; «Таганай», «Ильменский заповедник», «Тургаяк»; «Леса с их обитателями»; «Природа».

Стоит отметить, что среди неприродных объектов были названы объекты, которые можно охарактеризовать как уникальные (уникальность заключалась как в самих объектах, так и в информации, которая в них хранится). Их можно отнести к двум категориям: знаковые объекты («Ватикан», «Большой театр», «Лувр», «Кремль», «исторические здания Санкт-Петербурга») и объекты, реализующие функции по аккумуляции, сохранению и трансляции знаний, памяти («Библиотеки и кинохроники», «Библиотеки», «Хранилища информации», «Архив»).

Еще одним аргументом в пользу данной тенденции являются позиции респондентов относительно предложенных им визуальных материалов (горящий храм, горящий деревенский дом, горящий многоквартирный дом, горящий лес), среди которых участникам было предложено выбрать то, что вызывало у них наиболее острые эмоциональные реакции. В результате большинство участников (количество было равным в обеих группах исследования) остановили свой выбор на изображении горящего леса, что также подтверждает тенденцию экологизации пожаров в современной русской культуре. Можно предположить, что связь пожара и экологии основана, с одной стороны, на изначальной близости пожара и природы, его природоцентричности (мы в 1 главе назвали это цикличностью, циклами пожарных и беспожарных периодов). С другой стороны, пожары в современном мире, несомненно, являются одним из элементов назревающей экологической катастрофы, реакции природы на разрушающее антропоцентричное мировосприятие современного человека [76]. Более того тесная связь пожара и экологии прослеживается в специфике репрезентации данной темы в медиапространстве, что также оказывает влияние на

формирование образа пожара в современной культуре (данный аспект будет подробнее рассмотрен в следующем параграфе).

Таким образом, можно отметить, что пожар на протяжении всей человеческой истории являлся символом могущества высших сил, символом греха и очищения, символом людской преступной беспечности, но также и символом удивительной способности человечества к адаптации и преодолению кризисов.

В периоды, когда формировались и закладывались архетипические представления о пожаре, человек сталкивался со стихийным горением существенно чаще. В современном мире вероятность получения человеком реального опыта взаимодействия с пожарами сокращается, но не нивелируется полностью. При этом существенно возрастает возможность получения непрямого, «виртуального» опыта взаимодействия с пожарами (аудио, видео и фото-материалы).

Исходя из того, что участники, как первой, так и второй группы демонстрировали в целом схожие представления о данном феномене, мы можем говорить о том, что реальный опыт столкновения с пожарами в современном мире не оказывает столь сильного воздействия на архетипические, глубинные аспекты восприятия пожара как феномена культуры.

Специфика осмысления и переживания событий, связанных с пожарами, обнаруживает тесную связь с политической и экономической сферами современного общества. Пожар, соотнесенный с политической сферой, теряет свой статус обычного, негативно окрашенного события и преобразуется в маркер баланса во взаимоотношениях между обществом и властными структурами. Он может отражать как деструктивные, так и позитивные тенденции, быть символом упадка и назревающего конфликта или символом консолидации власти и общества. Следовательно, можно

сказать, что одной из характерных черт осмысления пожар как феномена актуальной культуры является его политизация.

Также в ходе исследования была зафиксирована тенденция иррационализации феномена пожара на современном этапе. Сопоставляя различные формы его восприятия в соответствии с исторической динамикой, мы наблюдаем не просто последовательную смену типов восприятия пожара сначала как магического, религиозного, а потом как научного. Сегодня мы, скорее, видим их совмещение.

Но не сам факт возвращения к некоторой иррационализации пожаров представляются для нас наиболее значительным, а позитивация пожара, стремление наделить разрушительное явление характеристиками ресурса, опыта, сделать его не только символом катастрофы, но символом способности человечества противостоять угрозам посредством усиления роли и значимости личной ответственности и консолидации общества.

Особый интерес в контексте связи человека и пожара как элемента стихийной, природной среды для нас представляет выявленная в процессе исследования тенденция экологизации пожаров. Ж. Дорст подчеркивает: «В наше время стало ясно, что степень цивилизации измеряется не только количеством киловатт, производимых энергоустановками. Оно измеряется также ростом моральных и духовных критериев, мудростью людей,двигающих цивилизацию, в полной гармонии с законами природы, от которых человек никогда не освободится» [58, с. 113].

Человек в силу своих все возрастающих технико-технологических возможностей продолжает оказывать разрушительное воздействие на окружающую среду. Добыча необходимых человечеству благ по сей день реализуется через эксплуатацию природы, что долгое время рассматривалось как логичная схема развития взаимоотношений в системе «человек-природа» [63, с. 192]. Однако сложившаяся практика способствовала формированию

сегодняшней кризисной ситуации, отражение которой было выявлено при анализе ответов участников исследования.

На сегодняшний день мы можем наблюдать еще одну значимую тенденцию восприятия пожаров – они не просто становятся частью нашей повседневности, но приобретают глобальный характер, не по типу своего распространения, а, в первую очередь, по масштабности информационного охвата. Пожары в разных точках планеты становятся заметными и значимы вне зависимости от места проживания того или иного субъекта. Условный пожар в Австралии получает значительную часть эфирного времени как в самой Австралии, так и в других странах.

Ярким примером подобной ситуации стали пожары в Сибири 2019 года, вызвавшие широкий общественный резонанс, реализовавшийся в том числе через митинги, общественные акции, дискуссии в медиапространстве, художественное переосмысление пожара (фотосессии, картины, видео и медиа материалы и т.д.), к которым присоединялись люди из различных социальных слоев и разных стран.

С одной стороны, данная тенденция позволяет оказывать благотворное влияние на общество в целом за счет привлечения внимания широких слоев населения к проблемам, существующим в обществе, а также исполняя роль рычага давления на политических деятелей и специализированные структуры в случае пренебрежения ими своими прямыми обязанностями. Но, с другой стороны, большой объем пугающей, не всегда объективной информации может усиливать тревожность в обществе и формировать состояние безысходности или, за счет перенасыщенности информационного поля подобными материалами провоцировать привыкание к ним и, как следствие, безразличие.

Таким образом, изменившиеся условия существования современного человека, формирование таких явления как мегапожары, ядерные пожары, а также угроза экологической катастрофы, сопряжённая с увеличением числа

пожаров на планете, могут вернуть человека в состояние первобытной беспомощности и страха перед разрушительными силами природы. Несомненно, страх в данном случае представляется эволюционно значимой эмоцией, которая подталкивает общество к существенному пересмотру существующей системы взаимодействия между человеком и окружающей средой.

Ряд специалистов указывает на потенциальные пути выхода из сложившегося кризиса, но в этом случае человек будет вынужден пересмотреть привычные условия жизни, к чему общество пока не готово. По мнению О. Н. Яницкого: «Наше общество глубоко консьюмеристично, стремление к получению удовольствия и формированию максимально удобной среды существования не вяжется с осознанием постоянных рисков, окружающих нас» [227, с. 20]. Под максимально удобной, в данном случае, мы можем понимать устоявшуюся, привычную форму реакций и действий в отношении реальных и потенциальных угроз, в том числе и пожаров.

Так, по результатам исследования подавляющее большинство участников признавали опасность пожара и действенность рациональных методов борьбы с ними, но при этом подтверждали, что в их домохозяйствах отсутствуют первичные средств пожаротушения. Аналогично складывается и ситуация с приобретением страхового продукта связанного с пожарами в России, что подчеркивает тенденцию на поддержание пусть не эффективной, но привычной парадигмы в отношении пожаров в актуальной русской культуре.

Схожие идеи высказывали в своем исследовании нобелевский лауреат Д. Канеман, рассуждая о стремлении человеческого мышления к упрощенным, привычным конструкциям. По словам исследователей, подобное поведение – не столько результат личной недобросовестности, сколько вопрос культурной традиции [79, с. 315]. Следовательно, одним из ответов на ситуацию, сложившуюся в отношении к пожарам в актуальном

российском социокультурном пространстве, может стать изучение и трансформация существующей, привычной смысловой и поведенческой парадигмы, которая хоть и рассматривается как менее рискованная, в реальности строится не на рациональном основании, а на привычной форме поведения, отсылающей нас к иррациональным представлениям о предопределённости пожара.

Обобщая полученные результаты, мы можем зафиксировать ряд особенностей восприятия пожара, которые были выявлены в ходе социокультурной диагностики общественного мнения современной российской аудитории (анализ субъективных интерпретаций феномена пожара). Среди них можно выделить сохранение таких тенденций как: синкретичность восприятия (нерасчленимость концептов пожара и огня); амбивалентность, выраженная в сосуществовании негативной и позитивных коннотаций в осмыслении пожара, а также сохранение как строго рациональных подходов, так и возврат к некоторой доле иррациональности. Помимо этого восприятие пожара сопряжено с его политизированностью (пожар как символ кризиса власти) и экологизацией (пожар как форма проявления экологического кризиса). Кроме того, пожар современной российской аудиторией рассматривается как явление транснационального масштаба, не только в связи с глобальным характером его последствий, но и в связи с необходимостью консолидации всего мирового сообщества в вопросе контроля и борьбы с данным явлением.

3.2. Специфика информационной репрезентации пожара в пространстве современных российских СМИ

Специфика восприятия и репрезентации феномена пожара в актуальном российском социокультурном пространстве рассматривалась нами на двух взаимосвязанных уровнях: уровне субъективной интерпретации и уровне публичной репрезентации (изучение особенностей информационного позиционирования феномена пожара в пространстве актуальных медиа). В данном параграфе будет проанализирован второй уровень восприятия пожара.

Несомненно, человек сегодня постоянно находится в информационном потоке, становясь не только активным потребителем медиа-контента, но и его создателем. Средства коммуникации стали неотъемлемым элементом актуальной повседневности, что позволяет в любой момент получить целый спектр разнородной информации. Существенно трансформируется и процедура потребления этой информации. Ограниченность временных ресурсов и ускоряющийся темп жизни могут приводить к ситуации замещения полноценного погружения в интересующую тему, ее поверхностным, ознакомительным изучением.

В новостном формате данная специфика современного информационного пространства способствует повышению значимости заголовка как единицы текста, что позволяет выделить его в качестве исследуемого объекта. Заголовки, будучи на первый взгляд лишь усеченным фрагментом текста, позволяют получать информацию в сконцентрированной, упрощенной форме, задают вектор восприятия материала или даже полностью подменяют материал собой [74, с. 69].

Таким образом, заголовок медиатекста в современном социокультурном пространстве становится для исследователя значимым информативным материалом для анализа.

В целях изучения специфики позиционирования феномена пожара в актуальном российском медиапространстве был использован метод контент-анализа. Выбор контент-анализа в качестве метода был обусловлен не только его информативностью, но и гибкостью, возможностью применения для слабоструктурированных пластов информации, вне зависимости от их тематической направленности [74, с .70].

В рамках данной методики нами был проанализирован контент сайта Российского агентства международной информации «РИА Новости». Новостные материалы, вошедшие в выборку, были связаны с рядом резонансных пожаров, произошедших в последние десятилетия (не позднее 2000 года) как в России, так и за рубежом.

Выбор сайта Российского агентства международной информации «РИА Новости» в качестве примера был обусловлен его лидирующими позициями в рейтинге Brand Analytics (лидирующая система по мониторингу и анализу социальных медиа и СМИ) [145]. Данные рейтинга за последние 6 месяцев (на момент проведения исследования) подчеркивают высокую востребованность данного источника и высокие показатели цитируемости, что стало для нас решающим аспектом выбора данного информационного ресурса.

В ходе исследования было проанализировано 3038 новостных заголовков, посвященных наиболее резонансным пожарам последних десятилетий. В соответствии с выборкой пожары, вошедшие в исследование, были сгруппированы по принципу копия-пара: пожар, произошедший на территории России, – пожар, произошедший на территории других государств. Также пожары были структурированы по специфике: природные пожары; пожары на объектах с массовым пребыванием людей (среди них торгово-развлекательные центры, клубы, жилые дома); пожары на объектах культурно-исторического значения (религиозные объекты, библиотеки).

В качестве анализируемых пожаров нами были выделены следующие: природные пожары в Сибири (Россия, 2015 г.); природные пожары в Калифорнии (США, 2018 г.); природные пожары в Сибири (Россия, 2019 г.); природные пожары в Австралии (Австралия, 2019 г.); пожар в клубе «Хромая лошадь» (Россия, 2009 г.); пожар в баре «Kiss» (Бразилия, 2013 г.); пожар в ТРК «Зимняя вишня» (Россия, 2018 г.); пожар в супермаркете «Ysua Bolanos» (Парагвай, 2004 г.); пожар в Успенской церкви (Россия, 20018 г.); пожар в соборе Парижской Богородицы (Франция, 2019 г.); пожар в многоквартирном доме (Россия, г. Ростов, 2019 г.); пожар в жилом здании «Grenfell Tower» (Великобритания, 2017 г.); пожар в библиотеке института научной информации РАН (Россия, 2015 г.); пожар в библиотеке Веймара (Германия, 2004 г.).

Временные границы исследования материала были определены «пиковыми информационными периодами», а именно периодами, когда объем публикаций по конкретному пожару был максимальным. Для выявления подобных «пиковых» периодов нами был проанализирован общий объем материалов по каждому из выделенных пожаров за год, что позволило выбрать в качестве анализируемого интервала первый месяц с момента возникновения возгорания, за исключением природных пожаров, где пик активности горения, а следовательно, и освещения в прессе мог быть смещен.

На первом этапе исследования нами были проанализированы количественные характеристики информационного освещения феномена пожара, на основе чего были выделены универсальные элементы репрезентации пожаров («драматургия пожара»). На втором этапе был предпринят анализ качественно-количественных характеристик посредством формирования укрупненных групп и исследования связанных с ними сценариев медийной подачи различных аспектов пожара.

Пожар с точки зрения культуры – это не только само событие, это целый комплекс смыслов, которые с ним связаны, включающий как период

до наступления пожара (предпосылки, знамения), так и последствия пожара, память о нем (выводы, мемориализация, поиск виновных и т.д.). Более того, говоря о пожаре в контексте культуры, в частности анализируя его представленность в актуальном российском медиапространстве, мы можем видеть точки пересечения специфики репрезентации пожара с концепцией анализа мифологических текстов В. Я. Проппа, описанной в работе «Морфология волшебной сказки». В основе его концепции лежит идея выделения постоянных, устойчивых элементов, действующих лиц и функций, присущих сказочному сюжету [138, с. 36]. Первый блок исследования позволил структурировать исследуемые медиа-материалы (заголовки) в рамках аналогичной логики (Прил. таб. 1-3).

Можно сказать, что информационная репрезентация пожара строится по своим внутренним законам, формируется из устойчивых, взаимосвязанных элементов, что в том числе находит отражение в содержании и типе заголовков. Более того, каждый из элементов встраивается в общую канву нарратива пожара, выполняя свои функции, реализуя потребности человека в том или ином аспекте информации о пожаре. Выделенные структурные элементы присутствовали в медиатекстах в независимости от типа пожаров, их локации и иных характеристик. Так, нами был выделен ряд структурных элементов, позволяющих констатировать существование в актуальном медиапространстве «культуры говорения о пожаре».

Среди таких элементов были выделены следующие: Ущерб («Крупный пожар в Хакасии: повреждены около тысячи домов»); Выводы («В России могут ввести запрет на выжигание сухой травы»); Реакция власти («Власти начали выдавать выплаты пострадавшим от пожаров в Забайкалье»); Хронология спасения/ликвидации («МЧС РФ: все пожары в населенных пунктах Сибири потушены»); Реакция общества («Более 400 человек за сутки сдали кровь для пострадавших в кемеровском ТЦ»); Мемориализация

(«Стена цветов выросла перед клубом «Хромая лошадь» в память о погибших»); Мистификация («Пучков опроверг слухи о «сотнях погибших» в Кемерово»); Виновник («Медведев о виновниках пожара в Перми: «нет ни мозгов, ни совести»); Наказание («По делу о пожаре в клубе в Перми задержаны уже два человека – СКП РФ»); «Зеваки» («Пожар в торговом центре в Кемерово. Кадры с места ЧП»); Реакция религиозных организаций («Патриарх помолился “о всех невинно убиенных огнем” при пожаре в Кемерово»), а также другое (материал, мало относящийся непосредственно к пожару, но входящий в исследуемые временные рамки).

Несмотря на существенное сходство в структуре описания различных пожаров, нами была выявлена определённая специфика в количественных, частотных характеристиках встречаемости тех или иных элементов в зависимости от типа пожара. Так, в репрезентации лесных пожаров (Прил. таб. 1) независимо от их территориальной локации, доминируют такие элементы как: «ущерб», «хронология спасения/ликвидации», «выводы» (более характерно для пожаров на территории России), «реакция власти». Акцентирование внимания на ущербе (в данном случае экологическом) подчеркивает выделенную нами ранее тенденцию экологизации пожаров, то есть придания особого статуса именно природным пожарам и осознания экологического ущерба от такого рода пожаров наиболее катастрофическим.

Можно отметить, что значительно реже в СМИ встречаются категории «виновника» или «наказания», что может быть объяснено тем, что природные пожары зачастую осмысляются как природная стихия, а, следовательно, категория поиска виновника к ним сложно применима даже при условии наличия конкретных ответственных лиц. При этом акцентирование внимания, с одной стороны, на негативном аспекте – ущербе и, с другой стороны, на реакции власти, процедурах спасения и извлеченном позитивном опыте позволяет сформировать устойчивую причинно-

следственную связь между сложившейся опасной ситуацией и спасительной реакцией на нее властей.

Анализируя специфику репрезентации пожаров в местах с массовым пребыванием людей (эти пожары чаще всего связаны с человеческими жертвами), можно выделить среди наиболее часто встречающихся элементов описания пожаров следующие: «ущерб», «виновник», «выводы». Стоит подчеркнуть, что наибольшее информационное внимание уделяется осмыслению человеческих потерь как следствию пожара (Прил. таб. 2).

Пожары данного типа, произошедшие на территории России, репрезентуются через акцентирование на таких аспектах как: «ущерб», «виновник», «выводы», «наказание», «реакция власти», «реакция общества», «мемориализация». Востребованность таких аспектов подачи информации о пожарах позволяет говорить о наделении власти ролью доминирующего субъекта реакции на пожар, а также о наличии социальной потребности в мемориализации события, то есть в осмыслении травмирующего события. При освещении иностранных пожаров аналогичного типа внимание акцентируется на категориях: «ущерб», «виновник», «выводы», а роль власти и общества в целом мало прослеживается.

В репрезентации пожаров, произошедших в религиозных, культурно-исторических объектах, в целом наблюдается тенденция на акцентирование таких элементов как «ущерб», «реакция власти» и «реакция общества» (Прил. таб. 3). В данном случае двойственность субъекта реакции (власть и общество) фиксирует представления о культурно-исторических, религиозных объектах как общезначимых ценностях и высокой роли общества и власти в их сохранении для будущих поколений. При этом стоит отметить, что общий объем публикаций, связанных с данным типом пожаров, значительно уступает объему контента, посвященного пожарам других типов. Данная тенденция в целом схожа с результатами, выявленными при анализе уровня субъективной интерпретации, где в качестве наиболее ценных объектов,

которые участники хотели бы уберечь от пожаров, доминировали природные объекты.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в целом нарратив пожара, «драматургия» его медиа-позиционирования формируется из однотипных структурных элементов, каждый из которых отражает различные аспекты данного явления. При этом специфика репрезентации различных типов пожара (по его типу, локации, последствиям) фиксируется за счет доминирования частоты использования некоторых из выделенных элементов.

На втором этапе выделенные аспекты «драматургии» пожара были объединены в укрупненные группы (Прил. таб. 4-8), а именно: «Специфика репрезентации виновника»; «Специфика репрезентации жертв/ущерба»; «Специфика репрезентации роли власти»; «Специфика репрезентации форм осмоления пожара»; «Специфика репрезентации социальной реакции». Данные укрупненные группы позволили проанализировать полученные результаты с качественно-количественных позиций через выявление различных сценариев представленности пожаров, а также их распространенности в актуальном медиапространстве.

Одним из значимых аспектов в осмыслении пожара является категория виновности, что подтверждается частотой встречаемости данной категории в заголовках проанализированных медиатекстов (15%, или 460 заголовков из 3038 касались данного аспекта). И если в прошлом, когда пожар воспринимался как проявление природных или божественных сил, роль виновника могла быть весьма условной, то специфика отражения современных пожаров, особенно резонансных, связанных с человеческой гибелью, отражает востребованность обществом идеи поиска и наказания виновного. При этом нельзя сказать, что формы репрезентации данной категории достаточно однородны. Нами были выделены следующие возможные сценарии, в которых доминирующим субъектом вины выступали:

«высшие руководящие структуры власти»; «природа (естественные причины)»; «маргинальные субъекты (террористы, поджигатели)»; «рядовые граждане (в том числе владельцы зданий и сотрудники не связанные с пожарной безопасностью напрямую)», «специализированные структуры, ассоциированные с пожарной безопасностью».

Полученные в ходе исследования результаты показали (Прил. таб. 4), что одной из специфических черт репрезентации пожара в медиапространстве является выделение в качестве доминирующей причины возгораний действий рядовых граждан (33%), а также представителей специализированных структур, отвечающих за обеспечение пожарной безопасности (26%).

Подобное распределение отчасти сопоставимо с результатами исследования аудиторных мнений, в котором участники выделяли рядовых граждан и представителей надзорных органов в качестве виновников, при этом рассматривая их действия в категориях «халатности», «небрежности» и аналогичных им. Сценарий, при котором в качестве причин пожара выделялись действия маргинальных субъектов также получил распространение в медиапространстве (19%). Однако частота подобных заголовков носила скорее эпизодический характер и параллельно с ними выходили материалы, опровергающие подобные версии. Тем не менее, они создавали ощущение тревоги, тайного смысла, присущего разрушительным событиям, что было характерно более чем для трети описанных пожаров («Подозреваемый в поджоге дома в Ярославской области рассказал о преступлении»; «Лесорубы сжигают Сибирь: незаконный промысел за дымовой завесой»). Образ власти как причины возникновения пожара (в отличие от результатов аудиторного этапа исследования) востребован крайне слабо (11%).

Несовпадение результатов в данном вопросе, полученных в рамках двух направлений проведенных исследований, указывает на существующую

в обществе тенденцию взаимного делегирования ответственности за возникновение пожаров между властью и гражданами. Подобное несовпадение субъекта в условиях современных реалий в целом осложняет выработку общей стратегии реагирования общества на угрозу, что может способствовать усилению процессов разобщенности, а, следовательно, усугубит сложившуюся ситуацию.

Одним из самых неоднозначных, но при этом наиболее распространенных (15% или 459 материалов из 3038) аспектов анализа был аспект репрезентации жертв пожара (Прил. таб. 5). Нами были выделены следующие возможные сценарии, в которых отдельно рассматривалась специфика репрезентации жертв («массовизация», «персонификация», «героизация») и ущерба («экологический», «экономический», «культурно-исторический», «имиджевый») от пожара.

Анализ специфики представленности образа жертвы в пространстве актуальных российских медиа показал, что в репрезентации человеческой гибели доминирует тенденция фиксации образа жертвы через массовизацию, так порядка 42% заголовком можно было отнести к данному типу («Власти: двадцать человек пострадали при пожарах в Забайкалье»; «Число пострадавших при пожарах в Хакасии достигло 1,3 тысячи человек»; «Число жертв пожаров на севере Калифорнии выросло до 83 человек»). С одной стороны, подобный подход указывает на рациональное восприятие данной угрозы, осознание степени опасности для всех граждан, с другой стороны, позволяет снизить эмпатичность восприятия, позволяет частично дистанцироваться от трагических событий, что также объясняет меньшую распространенность таких форм представленности жертв пожара, как «персонификация», которая составила 26% («Число жертв пожаров на севере Калифорнии выросло до 83 человек»; «Наташа Селезень перед гибелью махнула рукой из окна горящей «Зимней вишни») и «героизация» - 32% («В Кузбассе напишут книгу о подвигах людей, спасавших детей в «Зимней

вишне»); «Один пожарный серьезно пострадал при тушении собора Парижской Богоматери»).

В отражении ущерба (Прил. таб. 5) от пожара доминирует экономический аспект, отраженный в 38% заголовков («Ущерб после пожаров в Хакасии и Забайкалье подсчитывают 34 комиссии»; «Крупный пожар в Хакасии: повреждены около тысячи домов»), что в целом противоречит результатам, полученным при исследовании субъективной интерпретации восприятия пожара, где основным видом ущерба был назван экологический ущерб. Вероятнее всего, данная особенность репрезентации обусловлена попыткой перевести потери из сферы невозполняемого (частично выполняемого) экологического ущерба в категорию материальных потерь, которые могут быть устранены при содействии власти и общества.

Так, специфика информационного позиционирования жертв/ущерба пожара заключается в условно-обобщенной фиксации жертв огненных трагедий и формировании представлений о возможности восполнения ущерба силами, прежде всего, властных институций.

Образ власти в контексте репрезентации пожаров был проанализирован по следующим сценариям: «власть как виновник»; «власть как спаситель»; «власть как судья» (Прил. таб. 6). Стоит отметить, что нейтральной позиции в осмыслении роли власти в данном контексте выделено не было. Среди заголовков проанализированных нами медиатекстов чаще всего образ власти фиксировался в форме «спасителя» (54%) и «судьи» (35%), что отражает основные ожидания общества в случае возникновения опасности.

То есть можно отметить, что образ власти в проанализированном нами медиапространстве не ассоциируется с категориями вины, ответственности, халатности и пр., а, напротив, выступает как сила, стоящая на защите интересов граждан, способная помочь в трудную минуту, ликвидировать последствия катастрофы.

В тех случаях, когда вина за возникновения пожара все же возлагалась на властные структуры (12%), речь шла о представителях местной власти (губернаторы, мэры, чиновники разных уровней), что не совпадает с мнениями участников первого этапа исследования, включающих не только региональные, но и высшие чины власти в группу лиц, несущих доминирующую ответственность за возникновение пожара.

Формы рефлексии по поводу произошедших пожаров были типологизированы нами следующим образом: «символизация пожара»; «рационализация пожара»; «эмпиризация пожара»; «катастрофизация пожара»; «мистификация пожара» (Прил. таб. 7). Интерес представляет тот факт, что, несмотря на бытующее в обществе восприятие пожара как катастрофы, доминирующим сценарием репрезентации пожара в медиапространстве, являлась его эмпиризация, представленная в 35% заголовков («На Дальнем Востоке прошли учения по защите энергообъектов от пожаров»; «Пожар в Нотр-Даме должен стать уроком для всех стран, заявили в Госдуме»; «Премьер Казахстана призвал извлечь уроки из трагедии в Кемерово»). Эмпиризация пожара подразумевает возможность извлечения опыта из случившейся трагедии, восприятия ее как импульса, стимула для назревших социальных, инфраструктурных, технологических преобразований.

На это указывает и распространённость сценария рационализации пожара, составляющую 23% («Власти Китая взяли под пожарный надзор 33 музея и исторических памятника»; «Аксаков: ТЦ должны в обязательном порядке страховать от пожара»), отражающего конкретные шаги, предпринятые властью и обществом для недопущения повторения сложившейся ситуации. Но стоит отметить, что сценарий рационализации был представлен в равной мере со сценарием катастрофизации пожаров, частота обращения к данному сценарию составила 23% («Катастрофические последствия лесных пожаров в Австралии»; «Премьер Испании назвал пожар

в Нотр-Даме катастрофой для всей Европы»). Несомненно, постоянный риск возникновения пожаров, приносимый ими колоссальный ущерб, а также сложность тушения ряда природных пожаров последних лет, приводят к необходимости формирования в обществе более ответственного отношения к данной угрозе. Это неизбежно сказывается на восприятии пожара, закрепляя за ним статус одной из современных катастроф. Помимо этого в репрезентации пожара в незначительной степени присутствуют элементы символизма и мистификации, что указывает на сохранение некоторого элемента иррациональности, потребности наделять пугающие элементы реальности скрытым смыслом, что говорит о состоянии тревожности, недоверия общества к строго рациональным подходам.

Можно сделать вывод, что за счет сочетания таких доминирующих сценариев как эмпиризация, которую можно рассматривать как форму позитивизации пожара, и катастрофизация, которая, несомненно, относится к разряду деструктивных понятий, сохраняется амбивалентность в репрезентации феномена пожара в пространстве актуальных российских медиа. Помимо этого в незначительной мере сохраняется потребность в иррациональных моделях осмысления пожара.

Одной из наиболее распространенных категорий в репрезентации пожара является категория, отражающая реакцию общества на пожар и его последствия. Нами были выделены такие сценарии, как: «ритуально-обрядовые формы реакций»; «мемориализация пожара»; «санкционированные и несанкционированные протестные реакции»; «блеймсторминг»; «социальное кооперирование» (Прил. таб. 8). Несмотря на разнообразие представленных форм социальной реакции в пространстве актуальных медиа, наиболее востребованными оказались: социальное кооперирование (40%) и ритуально-обрядовые формы реакций (23%). Будучи разрушительным и травмирующим для общества событием, пожар, особенно связанный с гибелью людей, требует задействования традиционных,

компенсаторных ритуалов, позволяющих не только осмыслить и пережить трагическое событие, но и ощутить связь с обществом, разделить утрату («На здании Госдумы приспущен флаг в связи с трагедией в Кемерово»; «Поминальные службы по погибшим пройдут во всех храмах Перми»; «В Ярославской области несут цветы и игрушки к дому, где произошел пожар»).

Подобная реакция подтверждается тем фактом, что доминирующим сценарием являлось социальное кооперирование («Скорбь объединила русских и украинцев»; «Медведев выразил соболезнования в связи с пожарами в Калифорнии»; «Британцы направили около 700 тысяч фунтов в помощь пострадавшим при пожаре»; «Студенты отправились помогать пострадавшим от пожаров в Хакасии»). Таким образом, пожар через свои разрушительные свойства становится стимулом консолидации, объединения общества перед лицом опасности, что также согласуется с совокупным мнением аудитории, согласно которому пожар должен способствовать объединению общества, его солидаризации и прекращению конфликтов.

Обобщая результаты изучения актуального российского медиапространства в контексте осмысления особенностей информационной репрезентации пожара, можно отметить следующее. К специфическим чертам медийной репрезентации пожара в пространстве современных российских СМИ были отнесены: деполитизация (делегирование ответственности за возникновение пожара рядовым гражданам, локальным инстанциями, стечению обстоятельств и пр., доминирование образа власти как защитника интересов общества); деперсонификация (избегание информации о конкретных виновных и жертвах пожаров, представление их в условно-схематическом образе); позитивизация (минимизация и упрощение негативных последствий и акцентирование внимания на путях их преодоления); эмпиризация (репрезентация пожара как источника конструктивного опыта, ресурс социальной кооперации); иррационализация

(использование при описании пожаров элементов мистификации, апелляция к теориям заговоров и пр.).

В 2019 году по результатам исследований Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина слово «пожар» стало лидером отечественных медиаресурсов [175]. С одной стороны, это может быть объяснено сложной обстановкой с природными (пожары в Сибири, Греции, Австралии и др.) и иными типами пожаров (Собор Парижской Богоматери, Успенская церковь). С другой стороны, новостные ресурсы и социальные сети отражают тенденции развития современного общества, имеющийся социальный запрос на тематику, связанную с пожарами, интерес к огненной теме в различных ее аспектах.

Востребованность данного феномена в актуальном социокультурном пространстве отразилась на специфике говорения о пожаре, в соответствии с этим нами была выявлена специфическая сюжетная форма представленности пожара в медиа текстах – «драматургия пожара».

Обобщая полученные результаты, мы можем прийти к выводу о том, что содержание медийной репрезентации феномена пожара во многом пересекается со спецификой субъективного восприятия пожара современной российской аудиторией. Так среди схожих тенденций могут быть выделены: экологизация и глобализация природных пожаров, понимание пожара как амбивалентного явления (сочетание эмпиризации и катастрофизации), а также некоторые элементы иррационализации данного феномена.

При этом существенное несовпадение результатов, полученных в рамках двух направлений проведенного исследования, фиксируется в вопросе определения вины и ответственности: респонденты связывали данные категории с высшими эшелонами власти; СМИ, напротив, делегируют все формы ответственности нижестоящим институциям и отдельным гражданам. В данном случае создается ситуация, при которой как власть не готова взять на себя максимум ответственности за предупреждение

и ликвидацию последствий пожара, так и граждане стремятся нивелировать личную ответственность, что может не только стать причиной роста количества пожаров, но и сказаться на усилении социального напряжения.

Проведенное исследование позволило не только зафиксировать частные мнения о пожаре и формы его информационной подачи в СМИ, но и выйти на более высокий уровень обобщения и увидеть за спецификой восприятия пожара и его медийной репрезентацией тренды более масштабного, общекультурного порядка.

Во-первых, можно сказать о тренде транснационализации (в терминологии М. Маклюэна). Сегодня за счет современных средств связи мы можем в кратчайшие сроки получить информацию о пожаре в любой точке мира, несмотря на временные и территориальные границы. Стало возможным буквально увидеть эти пожары на экранах своих гаджетов, услышать мнения очевидцев в режиме реального времени, что «приближает» нас к любому из происходящих пожаров. Подобные возможности, несомненно, приводят к усилению консолидационных процессов в обществе за счет осознания повсеместности и распространенности огненной угрозы.

Во-вторых, нельзя не отметить тот факт, что «пожарная» консолидация в мировом масштабе (помощь в тушении пожаров странам, не справляющимся с этой проблемой самостоятельно; перечисление средств жертвам пожаров; различные формы международного пожарного волонтерства и пр.) нередко соседствует с деконсолидационными процессами в рамках конкретного государства, в котором пожар выступает причиной (или поводом) для обострения социальной напряженности, противостояния населения и власти и пр. Так, в России пожары (и природные, и антропогенные) нередко вскрывают наличие социальных противоречий и проблем, острого недовольства властью и в целом позволяют говорить о точках кризиса.

Не являясь зачастую прямым следствием дисбаланса в обществе, пожар при этом часто становится «громоотводом», явлением, на которое человек стремится ретранслировать свое восприятие политической и социальной обстановки в стране: недовольство существующим политическим строем, потребность в переменах. Так, по словам Д. Л. Быкова, пожар в русской литературе – это «стимул, под действием которого Россия приходит в себя» [28]. Не случайно образ пожара в русской культуре так тесно связан с революционными процессами и настроениями. Достаточно вспомнить образ мирового пожара из поэмы А. А. Блока «Двенадцать». Пожар, таким образом, становится не самостоятельным событием, а точкой выражения состояния максимального дисбаланса, потери контроля. И в контексте современных тенденций мы можем говорить о существенной политизации образа пожара как отражения напряжения существующего в обществе.

В-третьих, можно говорить об обострении экологической проблематики. Доступность информации о пожарах, осознание их роли в глобальных экологических процессах, а именно осознание того, что каждый пожар сегодня (вне зависимости от его локации) – это «вклад в десятки новых пожаров завтра» [42], отражает общечеловеческую тревогу относительно будущего благополучия человечества.

В-четвертых, значимой, по нашему мнению, представляется намечающаяся тенденция иррационализации культуры. Начиная с древних пожаров, которые наши предки даже не помышляли контролировать, человечество прошло ряд этапов осознания своей силы/бессилия перед пожаром. Возвращение к иррациональным сценариям взаимодействия с пожарами (молебны с участием сотрудников МЧС, использование святой воды при тушении, разного рода обереги и т.д.) является символом утраты веры человека в свое господство над силами природы.

Общеизвестно, что хоть пожары изначально и являлись продуктом естественной среды, сегодня их существование по большей части

обусловлено антропогенными и социальными факторами. Сам человек в своем стремлении к развитию (миграционные процессы, урбанизация, повышенная плотность населения в городах, использование горючих материалов и т.д.) создал условия для «процветания» пожаров в современном мире. Исходя из знания о том, что сегодня порядка 95% пожаров на планете носит антропогенный характер и причины их возникновения обусловлены особенностями человеческой жизнедеятельности, мы можем говорить о том, что борьба с пожарами равноценна борьбе человека с самими собой, а именно целым рядом устойчивых социокультурных практик и технологических достижений (традиции использовать фейерверки, применение свечей в ритуальных и празднично-бытовых практиках, разжигание костров, обширные области применения огня в промышленности и т.д.).

Заключение

В момент, когда наши предки, *Homo sapiens*, столкнулись с силой, заключенной в огне пожара, мир оказался на пороге глобальных перемен, что повлияло не только на наш вид, но и оказало огромное воздействие на экосистему в целом. Эволюция человека и культуры была тесно связана с использованием созидательного потенциала пожаров, но обретенная власть над огнем, почти уравнивавшая человека с демиургом, богом, все же не сделала его всемогущими.

Как сказал в послесловии к своей книге «*Sapiens. Краткая история человечества*» Ю. Н. Харари, «мы обрели невиданное прежде могущество, но понятия не имеем, как им распорядиться. Хуже того, люди становятся все безответственнее. Боги-самозванцы, мы считаемся только с законами физики и ни перед кем не отвечаем за свои поступки» [204, с. 492]. Таким образом, обретя огромную власть, но утратив ценностные ориентиры, глубинные связи между природной и культурной составляющей, современный человек, несмотря на существующие технико-технологические достижения, вновь оказался беспомощен перед силами природы, в частности пожарами. Огненная стихия, являвшаяся частью природного, естественного цикла, под воздействием человека обрела новую еще более разрушительную, катастрофическую форму – форму антропогенного пожара.

По мнению М. Дуглас, мы живем во времена, когда «негативные аспекты индустриализации начинают превосходить по объему позитивные» [61, с. 115]. Таким образом, современная пирогенная обстановка в мире, приводящая к многочисленным жертвам и разрушениям, – это, прежде всего, результат хищнического воздействия человека на окружающую среду, симптом наступления того, что профессор Й.-Г. Голдаммер назвал «эпохой пожаров» [42].

Но, как и эсхатологические пожары древности не являлись конечной точкой бытия, так и сегодняшние пожары оставляют человечеству надежду

на возрождение. В своем романе «Неукротимая планета» писатель-фантаст Г. Гарисон словно предвосхищает будущее человечества, неспособного остановить агрессию против окружающего его мира, результатом чего становится жестокое противоборство природы и человека. Лишь когда мир оказывается на грани катастрофы, жители вымышленной планеты Пир, отказываются от привычных реакций сопротивления и обращаются к поиску глубинных причин извечного противостояния [40].

Подобно жителям вымышленного мира в романе Г. Гарисона, современный человек также стоит перед необходимостью смены фокуса в осмыслении пожара, перехода от интерпретации его как катастрофы к осознанию его как элемента знаковой системы, сигнализирующей о наличии глобального сбоя во взаимоотношениях между человеком и природой.

Значимую роль, на наш взгляд, в построении новой экологической парадигмы, а также в формировании нового паттерна восприятия пожаров может и должна сыграть культурология и в целом гуманитарные науки. Если в прошлом в качестве больших объяснительных систем, наделяющих действительность смыслами и причинно-следственными связями, выступала магия, религия, то сегодня именно гуманитаристика может стать «десакрализованной религией», интерпретативной системой, которая не просто удовлетворяет все возрастающие потребности человека, но дает ему ориентиры, смыслы, задает вектор будущего развития.

Представленное диссертационное исследование – первый шаг на пути решения этой масштабной задачи, позволивший решить лишь некоторые теоретические и прикладные вопросы: выявить сущностные черты и универсальные социокультурные функции пожара, проследить историческую динамику в эволюции восприятия пожара и др. Но главное, на наш взгляд, данная работа позволила, вывести феномен пожара, во-первых, из предметного поля исключительно естественно-научных дисциплин, во-вторых, из пространства реверсных социокультурных явлений, долгое время

остававшихся на периферии гуманитарных исследований, в-третьих, из устоявшихся перцептивных рамок, внутри которых пожар оценивался исключительно сквозь призму негативных, деструктивных, катастрофических коннотаций. Более того, в диссертационной работе был обоснован статус пожара как маркера масштабных социокультурных процессов и явлений.

Так, результаты проведенного культурологического исследования (социокультурной диагностики общественного мнения и анализа представленности пожара в актуальном российском медиапространстве) позволяют говорить о том, что восприятие пожара современными россиянами и репрезентация его образа в пространстве актуальных российских СМИ являются своего рода зеркалом, в котором отражается общекультурная симптоматика: усиление иррациональных оснований в восприятии окружающей действительности; наличие дисбаланса в системе распределения ответственности между обществом и властью; обострение экологического кризиса, отражающего стремление современного человека обнаружить допустимые пределы антропогенного вмешательства в окружающую действительность и попытки найти баланс между удовлетворением своих потребностей (витальных, социокультурных) и возможностями экосистемы; рост общей социальной тревожности и др.

Рассматривая феномен пожара в культурологическом ракурсе, мы стремились сфокусировать внимание на наиболее значимых сущностных, структурно-функциональных аспектах его социокультурного бытия. Вследствие чего некоторые важные вопросы остались за пределами предметного поля исследования. Так, нам представляется значимым в будущем рассмотреть вопросы, связанные с возникновением и закреплении институциональных механизмов контроля, борьбы, противодействия пожарам, в которых можно обнаружить связь между языческими ритуалами управления стихийными явлениями (пожарами, землетрясениями, ураганами

и т. д.) и современными огнеборческими практиками. Помимо этого важным для целостного понимания феномена пожара как явления культуры представляется изучение образа огнеборца, его роли и значимости в общественном сознании, а также специфики репрезентации в искусстве (кинематографии, литературе, живописи и т.д.).

Помимо этого перспективным видится изучение пожара сквозь призму различных культурных традиций, что позволило бы выявить ментально обусловленные черты репрезентации пожара в культуре, а также более детально рассмотреть универсальные черты и функции, присущие данному явлению.

Таким образом, наиболее значимым итогом проведенного диссертационного исследования стало формирование более полного и целостного представления о пожаре как явлении культуры, позволившего интерпретировать пожар не только с позиций его разрушительного, катастрофического влияния, но и обнаружить его связь с адаптивными возможностями культуры, со стремлением общества к консолидации и трансформации, зафиксировать назревающую в обществе потребность в формировании нового паттерна восприятия пожара, соответствующего тем объективным условиям реальности и вызовам, с которыми сталкивается современный человек.

Список литературы

1. Абрамов, В. А. История пожарной охраны. Философско-методологические проблемы пожарной безопасности: Учебник / В. А. Абрамов, В. С. Сметанин; под общ. ред. проф. В. А. Абрамова. – Москва: Академия ГПСМЧС России, 2012. – 526 с.
2. Авдеева, А. А. Современная пожарная безопасность – актуальность, гуманизация и пути развития [Электронный ресурс] / А. А. Авдеева // Проблемы и перспективы развития науки в начале третьего тысячелетия в странах СНГ: материалы VIII международной научно-практ. конф. Переслав – Хмальницкий, 2013. – Режим доступа: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/1831>. – Дата обращения: 15.09.2019.
3. Авеста в русских переводах (1861—1996) / Издание второе, исправленное. — Санкт-Петербург: Нева, Летний сад, 1998. – 480 с.
4. Анучин, Д. Н. Открытие огня и способы его добывания / Д. Н. Анучин. – Москва: Гос. издательство, 1922. — 174 с.
5. Апухтина, Н. Г. Современный комплекс представлений глобально-экологической парадигмы мышления / Н. Г. Апухтина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 12 (434). – С. 26-32.
6. Архимандрит Макарий (Веретенников). Митрополит Макарий и московский пожар 1547 года / Архимандрит Макарий // Нижегородская Старина. Краеведческо-историческое издание. – 2012. – № 31–32. — С. 150—154.
7. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – Москва: Сов. Писатель, 1995. — Т. 1. — 411 с.
8. Бабенко, А. М. Формирование государственной системы пожарной безопасности в дореволюционной России: по материалам Курской

губернии: дис... кан. исторических наук: 07.00.02/ А. М. Бабенко. – Курск, 2005. – 214 с.

9. Бакин, И. Магазины горят, на улицах пьяные солдаты. Как после Октябрьской революции спасли торговый Ирбит [Электронный ресурс] / И. Бакин // РИА Новый день. – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/revolution-1917/620356.html>. – 10.08.2018.

10. Бальмонт, К. Д. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе/ К. Д. Бальмонт. – Москва: Альфа-книга, 2018. –1399 с.

11. Башляр, Г. Психоанализ огня. Глава II. Огонь и фантазия. Комплекс Эмпедокла [Электронный ресурс] / Г. Башляр / Пер. с фр. Н. В. Кислова. – Москва: Прогресс, 1993. – Режим доступа: <https://litresp.com/chitat/ru/%D0%91/bashlyar-gaston/psihoanaliz-ognya/4>. – Дата обращения: 23.10.2016.

12. Бердяев, Н. А. Война и эсхатология [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев // Журнал «Путь». – № 61. – Режим доступа: <http://www.odinblago.ru/path/61/1/>. – Дата обращения: 25.09.2018.

13. Бердяев, Н. А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация / Н. А. Бердяев. – Москва: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – 679 с.

14. Блинова С. А. Образ пожара в эсхатологических сценариях мировых религий [Электронный ресурс] / С. А. Блинова // Язык. Культура. Коммуникации. – 2018. – № 1. – Режим доступа: URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/676>. – Дата обращения: 21.08.2019.

15. Блинова, С. А. Пожар как феномен культуры: универсальные параметры восприятия / С. А. Блинова // Вестник культуры и искусств. – 2019. – № 3 (59). – С. 88-94.

16. Блинова, С. А., Шуб, М. Л. Социокультурные функции пожара: опыт культурологического осмысления / С. А. Блинова, М. Л. Шуб // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9. – № 6-1. – С. 265-271.

17. Блинова, С. А., Шуб, М. Л. Подходы к определению феномена пожара: между природой и культурой / С. А. Блинова, М. Л. Шуб // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 32-37.
18. Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы / А. А. Блок. – Москва: Синергия, 2004. – 509 с.
19. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Е. Богданович. — Москва: Институт русской цивилизации, 2015. – 160 с.
20. Бойс, М. Зороастрийцы: Верования и обычаи / М. Бойс / Пер. с англ. и примеч. И. М. Стеблина-Каменского. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, Азбука-классика, 2003. – 288 с.
21. Большая советская энциклопедия в 30 т. [Электронный ресурс] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1969—1978. – Режим доступа: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qtype=1&id=1&ii=1&srubr=0&fstring=%E3%E5%E0%E5%ED%E8%E5>. – Дата обращения: 15.02.2017.
22. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. А. Я. Сухарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – Режим доступа: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law.php. – Дата обращения: 25.03.2017.
23. Боровых, А. С. Очерк истории противопожарной службы в России: структура, органы, функции, состав / А. С. Боровых. – Иваново: Ивановское пожарно-техническое училище МВД России, 1999. – 85 с.
24. Брушлинский, Н. Н., Соколов, С. В., Вагнер, П. Научно-техническое обеспечение пожарной безопасности в современном мире (краткий очерк) / Н. Н. Брушлинский, С. В. Соколов, П. Вагнер // Пожаровзрывобезопасность. – Т. 15. – № 2. – 2006. – С. 7-11.

25. Булгаков М. А. Избранное: Мастер и Маргарита: Роман. Рассказы / М. А. Булгаков – Москва: Художественная Литература, 1988. – 480 с.
26. Булгаков, М. А. Пожар (С натуры) / М. А. Булгаков. – Собрание сочинений в пяти томах. – Москва: Художественная литература, 1989 г. – 752 с.
27. Бунин, И. А. Тень птицы Т. 8 / И. А. Бунин / под. ред. Е. Д. Копылова. – Москва: 2018. – 192 с.
28. Быков, Д. Л. Пожар – символ обновления и возрождения? [Электронный ресурс] / Д. Л. Быков // Зеленый мир. – 2012. – № 3-4. – Режим доступа: <http://zmdosie.ru/actual/122-pozhar-simvol-obnovleniya>. – Дата обращения: 17.02.2020.
29. Бэкон, Ф. Великое восстановление науки. Разделение наук [Электронный ресурс] / Ф. Бэкон. – Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka1.txt_with-big-pictures.html. – Дата обращения: 10.02.2017
30. Введение к законодательству Древней Руси // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – Москва: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
31. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский / под ред. Е. М. Гончарова. – Москва: Айрис-Пресс, 2013. – 576 с.
32. Верхотурова, К. С. Огонь в зеркале русского языка: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / К. С. Верхотурова. – Екатеринбург, 2009. – 193 с.
33. Верхотурова, К. С. Огонь и вода: структура семантических полей. На материале лексики уральских говоров / К. С. Верхотурова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2008. – № 59. – вып. 16. – С. 137-153.
34. Взгляд. Деловая газета. ВЦИОМ узнал главные жизненные ценности россиян. Дата публикации 7 июня 2017 [Электронный ресурс] /

Текст Ольга Никитина. – Режим доступа:
<https://vz.ru/news/2017/6/7/873626.html>. – Дата обращения: 14.03.2020.

35. Виноградов, В. Н., Лукин, В. Н., Мусиенко, Т. В. Обеспечение пожарной безопасности как социальная проблема / В. Н. Виноградов, В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко // 2019. – Credo New. – № 2 (98). – С. 8.

36. Виноградов, В. В., Щаболов Н. Н. Пожарная охрана Ленинграда в начале Великой Отечественной Войны (июнь-декабрь 1941 г.) / В. В. Виноградов, Н. Н. Щаболов // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2015. – № 2. – С. 22-29.

37. Волдина, Т. В. Огонь как связующее и трансформирующее начало и вода как символ жизни и смерти в традиционной культуре обских угров / Т. В. Волдина // Финно-угорский мир. – 2016. – № 2 (27). – С. 83-89.

38. Воробьев, Ю. Л., Акимов, В. А., Соколов, Ю. И. Лесные пожары в Российской Федерации (состояние и последствия) / Ю. Л. Воробьев, В. А. Акимов, Ю. И. Соколов // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – № 4. – С. 12-21.

39. Воронцова, Л. Икона богородицы "Неопалимая купина" / Л. Воронцова // Журнал Министерства народного просвещения. – 1904. – № 3. – С. 62-88.

40. Гаррисон, Г. Неукротимая планета / Г. Гаррисон / Пер. с англ. Жданов Л. – Москва: Эскиммо-Пресс, 2009. – 288 с.

41. Гераклит, Э. О природе [Электронный ресурс] / Э. Гераклит. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/6267741/page:2/>. – Дата обращения: 28.11.2016 .

42. Голдаммер, Й. Г. Борьба с лесными пожарами в изменяющемся мире [Электронный ресурс] / Й. Г. Голдаммер / Пер. Е. Коробец. – Режим доступа: <https://bellona.ru/2018/03/27/borba-s-lesnymi-pozharami/> . – Дата обращения: 05.08.2018.

43. Головкин, О. Поджог подмосковного храма – беда и чудо под Новый год [Электронный ресурс] / О. Головкин. – Режим доступа: URL: [https://www.pravmir.ru/podzhog-podmoskovnogo-hrama-beda-i-chudo-pod-novyy-god/\(04.01.2018\)](https://www.pravmir.ru/podzhog-podmoskovnogo-hrama-beda-i-chudo-pod-novyy-god/(04.01.2018)) . – Дата обращения: 25.06.2018.
44. Головкина, Д. С. Богоматерь Неопалимая Купина: иконография и символика / Д. С. Головкина // Искусство христианского мира. – 2003. – Вып. VII. – С. 205-220.
45. Гранин, Р. С. Эсхатологические исследования в России XXI в. / Р. С. Гранин. – Москва: Аналит. Обзор. РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. Исслед. Отд. Философии, 2017. – 101 с.
46. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции. (Традиционная духовная культура славян / А. В. Гура / Современные исследования. – Москва: Индрик, 1997.— 912 с.
47. Гурлев, И. В. Наказ царя Алексея Михайловича «О градском благочинии» 1649 г / И. В. Гурлев // Власть. – 2019. – № 5. – С. 236-241.
48. Даймонд, Д. Ружья, микробы и сталь. Судьба человеческих обществ / Д. Даймонд. – Москва: АСТ, 2012. – 752 с.
49. Даль, В. И. О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – Москва: Аргументы недели, 2015. —208 с.
50. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. Т. 1. - сборник в 3-х т. – Москва: Русская книга, 1993. – 637 с.
51. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля Т. 3 . [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Санкт-Петербург: М. О. Вольфа, 1907. – 1782 с. – URL: <https://runivers.ru/bookreader/book483176/#page/892/mode/1up-ю>. – Дата обращения: 12.03.2019.
52. Декрет об организации государственных мер борьбы с огнем 17 апреля 1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/18-04-17.htm>. – Дата обращения: 03.08.2018.

53. Декрет Совета Народных Комиссаров "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>. – Дата обращения: 03.08.2018.

54. Дескола, Ф. По ту сторону природы и культуры / Ф. Дескола / Пер. с франц. О. Смолицкой (Предисловие; главы 1—3), С. Рындина (главы 4—15; эпилог; примечания; указатель); под общей редакцией С. Рындина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2012. — 584 с.

55. Дешлер, Ж. П. Икона Божией Матери «Неопалимая Купина». Интерпретация «мистико-дидактической» иконы / Ж. П. Дешлер // Русская поздняя икона от XVII до XX столетия. – Москва, 2001. – С. 315–322.

56. Дмитриева, Л. В. Семейный огонь и культ домашнего очага в фольклоре коренных народов Сибири / Л. В. Дмитриева // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 5-13.

57. Домострой / Издание подготовили В. В. Колесов, В. В. Рождественская. – 3-е изд. Российская академия наук. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 425с.

58. Дорст, Ж. До того как умрет природа / Ж. Дорст / Пер. М. Богуславская, Н. Кобрина. – Москва: Прогресс, 1968, 480 с.

59. Достоевский, Ф. М. Дневник. Статьи. Записные книжки. Том 1 / Ф. М. Достоевский. – Москва: Захаров, 2005 г. 480 с.

60. Дубровин, Г. Е. Пожар Торговой стороны Новгорода 1508 года / Г. Е. Дубровин // Поволжская Археология. – 2012. – № 2. – С. 166-172.

61. Дуглас, М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу / М. Дуглас / пер. с англ. Р. Г. Громова. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, 1998. – 287 с.

62. Дьяконов, И. М. Архаические мифы Востока и Запада / И. М. Дьяконов. – Москва: Наука, 1990. – 247 с.
63. Евдокимов, А. Ю. Проблемы религии и экологии / А. Ю. Евдокимов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 23 (762). – С. 176-194.
64. Егоров, А. А., Комолова, Э. В. История развития пожарной охраны России с древнейших времен до XVIII в / А. А. Егоров, Э. В. Комолова // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2015. – № 1 (6). – С. 90—93.
65. Еремина, Т. Ю., Мусиенко, Т. В. Исторические и современные аспекты участия женщин в российской противопожарной деятельности / Т. Ю. Еремина, Т. В. Мусиенко // В книге: История пожарной охраны и современная пожарная охрана. Материалы международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 14-22.
66. Ермолов, А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах / А. С. Ермолов / составитель и отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2013. – 880 с.
67. Ершов, М. Ф. Историко-культурная трансформация пожаров в русской культуре XIX в. / М. Ф. Ершов // Горизонты цивилизации. – 2019. – № 10. — С. 91-110.
68. Ефремова, Т. Ф. Новым толково-словообразовательным словарем русского языка Ефремовой [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: <https://www.efremova.info>. – Дата обращения: 05.02.2019.
69. Завьялова, М. В. Семантическое поле «огонь» в русских и литовских заговорах / М. В. Завьялова // Балто-славянские исследования. – 1997. – С. 374-391.

70. Законы вавилонского царя Хаммурапи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/hammurap.htm>. – Дата обращения: 18.12.2017

71. Заметки об истории Поволжья. Противопожарные законы в России до начала XX века [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://www.kraeved-samara.ru/archives/495> . – Дата обращения: 05.08.2018.

72. Зани, Э. Известие о путешествии в Московию [Электронный ресурс] / Э. Зани / пер. И. Ивакина. Текст воспроизведен по изданию: Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. – Москва: Императорское общество истории и древностей Российских. 1891. – 203 с. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Zani/text.phtml?id=528>. – Дата обращения: 23.01.2020

73. Земцов, В. Н. 1812 год. Пожар Москвы: Монография / В. Н. Земцов. – Москва: Книга, 2010. — 138 с.

74. Зубанова, Л. Б. Контент-аналитические методы исследований СМИ: обзор подходов / Л. Б. Зубанова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2011. – № 1 (7). – С. 69-72.

75. Зубанова, Л. Б., Зыховская, Н. Л., Синецкий, С. Б., Шуб, М. Л. Экологическая культура: эффективность формирования и сценарии воспроизведения в «стресс-регионах» / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, С. Б. Синецкий, М. Л. Шуб // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 132-140.

76. Зубанова, Л. Б., Зыховская, Н. Л., Шуб, М. Л. Экологическая синергия: к новой парадигме социального партнерства и культуре вовлеченности / Л. Б. Зубанова, Н. Л. Зыховская, М. Л. Шуб // Диалог культур в эпоху глобализации и цифровизации: материалы Международной научной конференции, 24–25 апреля 2020 г. / под ред. Н. Б. Кирилловой, И. Я. Мурзиной. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 13-15.

77. Зубанова, Л. Б., Обжорина, Н. О., Синецкий, С. Б., Цукерман, В. С., Шуб, М. Л., Ячменев, В. А. Экологическая культура региона: методика, диагностика, результаты (исследовательские тренды 2015–2017 гг.): Коллективная монография / Л. Б. Зубанова, Н. О. Обжорина, С. Б. Синецкий, В. С. Цукерман, М. Л. Шуб, В. А. Ячменев. – Челябинск: Министерство экологии Челябинской области, Челябинский государственный институт культуры, Уральский институт культурной политики и проектного менеджмента, 2018. – 187 с.

78. Ильин, В. В., Мешалин, Я. А. История пожарной охраны России: учебное пособие / В. В. Ильин, Я. А. Мешалин. — Санкт-Петербург: СПб Академия ГПС МЧС, Изд-во СПбГПУ, 2003. – 368 с.

79. Канеман, Д. Словик, П., Тверский, А. Принятие решений в неопределённости: Правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверский. – Москва: Гуманитарный центр, 2005. – 632 с.

80. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти / пер. И. Л. Григорьевич. – Москва: АСТ, 2014. – 576 с.

81. Каплан, А. Л. Из истории пожарной охраны города Челябинска / А. Л. Каплан // Челябинску – 260 лет: тез. докл. краевед. конф., посвящ. юбилею города / сост. Н. А. Ваганова. – Челябинск, 1996. – С. 33-51.

82. Каплан, А. Л. Хроника пожарной службы в городе Челябинске: начала второй половины XIX в. (1850-1873 гг.) / А. Л. Каплан // Тезисы докладов региональной краеведческой конференции, посвященной юбилею музея / Челяб. обл. краевед. музей; сост. Н. А. Ваганова. – Челябинск, 1998. – С. 128-145.

83. Каплан, А. Л. Челябинское вольно-пожарное общество: (краткая ист. справка) / А. Л. Каплан // Челябинск неизвестный: краеведческий сборник / сост. В. С. Боже. – Челябинск, 1998. – Вып. 2. – С. 68-82.

84. Ключевский, В. О. Курс Русской истории [Электронный ресурс] / В. О. Ключевский. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluchlec.htm>. – Дата обращения: 25.03.2018
85. Коган, Л. Н. Социология культуры: Учеб. пособие / Л. Н. Коган. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 117 с.
86. Корб, И. Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом [Электронный ресурс] / И. Г. Корб. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/korb00.html. – Дата обращения: 23.01.2020
87. Корник, В. Н. Противопожарная служба СССР / В. Н. Корник // Шестые Татищевские чтения. Т 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. С. 270-276.
88. Корф, М. А., Бекендорф, А. Х., Орлов, А. Ф. и др. Рассказы очевидцев о пожаре Зимнего дворца в 1837-м году / М. А. Корф, А. Х. Бекендорф, А. Ф. Орлов. – Москва: Из Рус. архива № 9, 1865. – 43 с.
89. Костомаров, Н. И. Раскол. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – Москва: Чарли, 1994. – 606 с.
90. Кребер, А. Л., Клакхон К. Культура: Критический обзор понятий и определений / А. Л. Кребер, К. Клакхон // Культурология: Дайджест. РАН. ИНИОН. – 2000. – № 1. – С. 105-183.
91. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / С. А. Кузнецов / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
92. Куиличи, Ф. Похищение огня. [Электронный ресурс] / Ф. Куиличи. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5378/>. – Дата обращения: 04.01.2018.

93. Кун, А. Происхождение огня [Электронный ресурс] / А. Кун. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_844.html. – Дата обращения: 24.05.2017.

94. Ласло, Э. Новое понимание эволюции. / Э. Ласло / Один мир для всех: Контуры глобального сознания. под ред. Л. В. Семеновой. – Москва: Прогресс, 1990. – 216 с.

95. Лебедев, В. Э. Антропогенез в контексте взаимодействия человека с окружающей средой / В. Э. Лебедев // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11. – № 1-3. – С. 22-37.

96. Лебедев, В. Э. Природный ингредиент в этнической динамике / В. Э. Лебедев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 1-2 (20). – С. 80-81.

97. Леви-Строс, К. Мифологии: Сырое и приготовленное [Электронный ресурс] / К. Леви-Строс / перевод с фр. С. Я. Левит. – Москва: ИД «Флюид», 2006. – 399 с. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/levi-strauss-mythologiques-1-suroe-a.htm>. – Дата обращения: 23.01.2019

98. Лейонис ван Хааске. Парадоксы святости: как страх и бытовая религиозность стали одной из основ русской культуры [Электронный ресурс] / Лейонис ван Хааске. — Режим доступа: <https://knife.media/paradox-of-holiness/>. – Дата обращения: 22.05.2018.

99. Лешков, В. Н. Законное религиозное воззрение Руси на пожары, как на явление гнева Господня, не переходило у нас в фатализм и не связывало ума и рук народа [Электронный ресурс] / В. Н. Лешков / публикация подготовлена А. Д. Каплин // Русская народная линия. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2010/8/06/zakonnoe_religioznoe_vozzrenie_rusi_na_pozhary_kak_na_yavlenie_gneva_gospodnya_ne_perehodilo_u_nas_v_fatalizm_i_n_e_svyazyvalo_um. – Дата обращения: 27.11.2018

100. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. В 3-х книгах. Том 1: — Москва: Актеон, 2014. – 2092 с.
101. Луговой, А. А., Виноградов В. Н. История пожарного дела в СССР / А. А. Луговой, В. Н. Виноградов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Университет ГПС МЧС России, 2018 . – 262 с.
102. Майофис, М. Л. Чему способствовал пожар?" Антикризисная" российская публицистика 1837-1838 годов как предмет истории эмоций [Электронный ресурс] / М. Л. Майофис // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – Режим доступа: <https://www.openrepository.ru/article?id=393037>. – Дата обращения: 17.07.2019
103. Макаренко, В. К. Человек и огонь / В. К. Макаренко — Ярославль: Верхне-Волжское кн. Изд-во, 1982. – 224 с.
104. Макаркин, С. В., Иванов, В. Е. Организация пожарно-профилактической работы и государственный пожарный надзор в СССР: становление и развитие (советский период) / С. В. Макаркин, В. Е. Иванов // Пожаровзрывобезопасность. – 2011. – Т. 20. – № 1. – С. 2-8.
105. Макарова, Е. А. Стихийные бедствия как вызов мировой экономической системе / Е. А. Макарова // Управление риском. – 2012. – № 3. – С. 53-63.
106. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Максимов С. В. Избранное / Подготовка текста, сост., примеч. С. И. Плеханова. – Москва: Сов. Россия, 1981. – 525 с.
107. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский / Пер. А. П. Хомик. – Москва: Академический проект, 2015. – 298 с.
108. Массон, В. М. Огонь в эпоху палеолита: многообразие функций / В. М. Массон // Советская археология. — 1991. — № 1. — С. 160 -161.
109. Махабхарата. Выпуск 05. Книга 1. Мокшадхарма (Основа Освобождения) (книга 12, главы 174-335, шлоки 6457-12649) Издание 2-е / Перевод, предисловие Б. Л. Смирнов. – Ашхабад: «Ылым», 1983. – 598 с

110. Маяковский, В. В. Полное собрание стихотворений, поэм и пьес в одном томе / В. В. Маяковский. – Москва: Альфа-книга, 2019 г. –1327 с.
111. Мелехов И. С. Лесная пирология и ее задачи / И. С. Мелехов // Современные вопросы охраны лесов от пожаров и борьбы с ними. – 1965. – С. 5–25.
112. Мелехов И.С. Лесные пожары и борьба с ними / И. С. Мелехов. – 2-е изд., доп. – Архангельск: Севкрайгиз, 1934. – 52 с.
113. Митько, О. А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии / О. А. Митько // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2006. – № 3-2. – С. 110-127.
114. Митрофанов, А. Г. Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX веке: пореформенный период / А. Г. Митрофанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 512 с.
115. Михельсон, В. А. О нормальной скорости воспламенения гремучих газовых смесей [Электронный ресурс] / В. А. Михельсон. – Москва: Унив. тип., 1890. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003658336?page=1&rotate=0&theme=white. – Дата обращения:15.03.2017.
116. Мор, Т., Кампанелла, Т., Бэкон, Ф., Классическая Утопия./ Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон. – Москва, 2018. — 384 с.
117. Надь, Г. Греческая мифология и поэтика/ Г. Надь / пер. с англ. Н. П. Гринцер. – Москва: Прогресс – Традиция, 2002. – 433 с.
118. Новичкова, Н. Ю. Основные факторы пожарной опасности в российских городах во второй половине XIX века / Н. Ю. Новичкова // Вестник КГУ. – 2014. – № 4. – С. 62-65.
119. Новичкова, Н. Ю. Российские городские пожарные команды на рубеже XIX-XX вв / Н. Ю. Новичкова // Пожаровзрывобезопасность. – 2006. – № 4. – С. 35-38.

120. Новичкова, Н. Ю. Социокультурный опыт обеспечения пожарной безопасности в городах России во второй половине XIX в. - начале XX в.: дис. ... докт. культурологии: 24.00.01. / Н. Ю. Новичкова. – Ярославль, 2016. – 500 с.
121. Обухов, Ф. В. Советская пожарная охрана / Ф. В. Обухов. — Москва: Россельхозиздат, 1979. — 62 с.
122. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва, 1997. – Режим доступа: URL:<http://www.ozhegov.org/>. – Дата обращения: 20.02.2019.
123. Олеарий, А. Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию [Электронный ресурс] / А. Олеарий. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text1.phtml?id=1026>. – Дата обращения: 25.01.2020
124. Осокина, И. Происхождение восточных славян [Электронный ресурс] / И. Осокина – Режим доступа: <http://www.historicus.ru/185/>. – Дата обращения: 07.01.2018.
125. Охоцимский, А. Д. Гераклит и мировой огонь-логос [Электронный ресурс] / А. Д. Охоцимский. – Режим доступа: <https://proza.ru/2013/08/09/660> . – Дата обращения: 06.08.2017
126. Охоцимский, А. Д. Образ парадигма Божественного Огня в Библии и в христианской традиции / А. Д. Охоцимский / Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира/ под. ред. А. М. Лидова. – Москва, 2013. – 558 с.
127. Павловская, А. В. Кухня первобытного человека. Как еда сделала человека разумным / А. В. Павловская. – Москва: Ломоносовъ, 2015. – 304 с.
128. Пелипенко, Т. Двенадцать: писатели и революция [Электронный ресурс] / Т. Пелипенко. – Режим доступа: <https://diletant.media/blogs/67288/34783651/>. – Дата обращения: 15.07.2017.

129. Пиксанова, Т. М. Феникс – это птица, которая символизирует вечное обновление и бессмертие [Электронный ресурс] / Т. М. Пиксанова. – Режим доступа: [www .fb.ru/article/315352/feniks-eto-ptitsa-kotoraya-simvoliziruet-vechnoe-obnovlenie-i-bessmertie](http://www.fb.ru/article/315352/feniks-eto-ptitsa-kotoraya-simvoliziruet-vechnoe-obnovlenie-i-bessmertie). – Дата обращения 10.03.2018.
130. Пожар. Библия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bible.by/symphony/word/15/2273/>. – Дата обращения: 05.03.2018.
131. Пожарный Устав / Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Спб., 1857. Т. 12. Ч. 1.
132. Пожары – это наказание за грехи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/patriarx-pozhary-eto-nakazanie-za-grexi>. – Дата обращения: 19.05.2018.
133. Полное собрание русских летописей. Том 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Том IX. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 290 с.
134. Полное собрание русских летописей: монография. Т. 5. VI. Псковская и Полное собрание русских летописей. Том 6. / Псковская и Софийская летописи. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – 248 с.
135. Посконная, Ж. В. Традиционное мировоззрение алтайцев: культ огня и феномен жизни / Ж. В. Посконная // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 35. – С. 49-58.
136. Поэзия и проза Древнего Востока [Электронный ресурс] / Составитель: М. Коростовцев, В. Афанасьева, И. Дьяконов и др. – Москва: Художественная литература, 1973. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/editio> <https://fantlab.ru/edition227169n227169>. – Дата обращения: 27.09.2018.
137. Приходько, Г. В. Концепт 'Огонь' в картине мира русского народа / Г. В. Приходько // Материалы шестой научной конференции. – Новосибирск. – Наука. Университет. – 2005. – С. 86-89.

138. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Изд. 2-е. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 168 с.
139. Противопожарные законы в России до начала XX века [электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.kraeved-samara.ru/archives/495_ – Дата обращения: 28.01.2019.
140. Пулькин, М. В. «Згорелый дом»: старообрядческие постройки для самосожжений (XVII-XVIII вв.) / М. В. Пулькин // Суицидология. – 2014. – № 3 (16). – 65-72 с.
141. Пушкин, А. С. Дубровский [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/479/p.1/index.html>. – Дата обращения: 08.03.2017.
142. Радкау, Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / Й. Радкау / пер. с нем. Н. Штильмарк / Науч. ред. пер. А. Ямсков. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 472 с.
143. Радклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А. Р. Радклифф-Браун / Пер. с англ. О. Ю. Артемова. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.
144. Распутин, В. Г. Пожар/ В. Г. Распутин. — Москва: АСТ, 2018 — 384 с.
145. Рейтинг медиаресурсов Brand Analitics [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://br-analytics.ru/mediatrends/media>. – Дата обращения: 06.07.2019
146. Религиоведение. Энциклопедический словарь / Под ред. А. П. Зябико, А. Н Красникова, Е. С. Элбакян. – Москва: Академический проект, 2006. –1256 с.
147. Ретковская, Л. С. Вселенная в искусстве древней Руси [Электронный ресурс] / Л. С. Ретковская // Труды Государственного

исторического музея. Памятники культуры. – 1961. – Вып. 33. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008345136>. – Дата обращения: 08.12.2019

148. Рифтин, Б. Л. Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / Б. Л. Рифтин. — Москва: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 1: А—К. – С. 798.

149. Российская Федерация. Законы. «О пожарной безопасности» [Электронный ресурс] / Федер. закон Рос. Федерации от 21 декабря 1994 г. N 69-ФЗ. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/. – Дата обращения: 11.02.2018

150. Российское законодательство X-XX веков: Тексты и коммент. В 9-ти т. [Электронный ресурс] / Под общ. ред. и с предисл. О. И. Чистякова Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001218855/. – Дата обращения: 08.02.2018.

151. Ростопчин, Ф. В. Правда о пожаре Москвы (1823 год) [Электронный источник] / Ф. В. Ростопчин. – Режим доступа: <http://библиохроника.рф/Сюжеты/правда-о-пожаре-москвы>. – Дата обращения: 23.02.2020.

152. Рудь, А. А. Пожары в культуре восточных хантов: современные аспекты / А. А. Рудь // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 2 (41). – С. 128-137.

153. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1981. – 608 с.

154. Рэнгем, Р. Зажечь Огонь. Как кулинария сделала нас людьми / Р. Рэнгем / Пер с английского Е. Канищева, П. Голдин. – Москва: Corpus, 2012. — 336 с.

155. Рябинин, Б. С. Укротители огня: очерки по истории пожарного дела на Урале. / Б. С. Рябинин. – Свердловск, 1979. – 327 с.

156. Савельев, П. С. Пожары-катастрофы / П. С. Савельев. – Москва: Стройиздат, 2003. — 426 с.
157. Савельев, П. С. Противопожарный щит Москвы / П. С. Савельев. – Москва: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 1997. – 352 с.
158. Сапов, В. В. Римские стойки / В. В. Сапов. – Москва: Республика, 1995. – 464 с.
159. Сапольски, Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки / Р. Сапольски / пер. с англ. Е. Наймарк, Ю. Аболина. – Москва: Альпина нон-фикшен, 2019. – 766 с.
160. Свод законов Российской Империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/code/>. – Дата обращения: 08.02.2018.
161. Сергеевич, В. И. Древности русского права в 4т. Том 1/ В. И. Сергеевич. – Москва: Юрайт, 2017. – 533с.
162. Скрынников, Р. Г. Царство террора / Р. Г. Скрынников. – Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. – 574 с.
163. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. С. М. Толстая, Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин. — Изд. 2-е. – Москва: Международные отношения, 2002. – 512 с.
164. Словарь русского языка (XI–XVII вв.). Вып. 16 (Поднавѣсь - Поманути) /под ред. Г. А. Богатова. – Москва: Наука – Азбуковник, 1990. – 296 с.
165. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://synonymonline.ru/> – Дата обращения: 15.10.2018.
166. Смит, Р. Мифы и легенды австралийских аборигенов / Р. Смит / Пер. Е. Б. Межевитнов. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 318 с.
167. Солганик, Г. Я. К определению понятий "текст" и "медиа́текст" / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7-16.

168. Сотников, А. А., Сотникова, Л. И. Культурно экологические особенности первобытного природопользования / А. А. Сотников // Вестник ОГУ. – 2008. – № 10. – С. 25-36.
169. Старшая Эдда. Песни о божествах. Скандинавский эпос / пер. С. Свириденко. – Санкт-Петербург: Ленанд, 2016. – 384 с.
170. Судебник Ивана III [Электронный ресурс] / 100 главных документов российской истории. – Режим доступа: <http://doc.histrf.ru/10-16/sudebnik-ivana-iii/>. – Дата обращения: 15.02.2018.
171. Сухова, О. А. Икона Богоматерь Неопалимая Купина первой трети XVII века в собрании Муромского музея [Электронный ресурс] / О. А. Сухова. – Режим доступа: <https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-muzeya/ezhegodnaya-otchetnaya-konferenciya/sbornik-konferencii-2017/ikona-bogomater-neopalimaya-kupina-pervoj-treti-xvii-veka-v-sobranii-muromskogo-muzeya>. – Дата обращения: 10.06.2018.
172. Тайлор, Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре / Э. Б. Тайлор / Пер с. англ. Д. А. Корпачевского. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
173. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор / Пер. с англ. Д. А. Коропчевский. – Москва: Издательство политической культуры, 1989 – с. 573.
174. Талеб, Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб / пер. Н. Караев. – Москва: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014 – 640 с.
175. ТАСС "Пожар" стало словом года [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7094398>. – Дата обращения: 03.05.2020.
176. Ташак, В. И., Антонова, Ю. Е. К вопросу о добыче огня и его культе в палеолите Западного Забайкалья / В. И. Ташак, Ю. Е. Антонова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – № 7. – С. 56-67.
177. Тверская летопись / О сборнике, именуемом Тверской летописью. – Москва: Нобель Пресс, 2011. – 50 с.

178. Тевосян, М. Теория бытия. Новый взгляд на историю человечества [Электронный ресурс] / М. Тевосян. – 2017. – 203 п. л. Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id.> – Дата обращения: 28.09.2017.
179. Титков, В. И. Четвертая стихия. Из истории борьбы с огнем / В. И. Титков. – Москва: Объединенная редакция МВД России, 1998. – 192 с.
180. Тойнби, А. Постигание истории: монография / А. Тойнби. – Москва: Директ-Медиа, 2007 – 1867 с.
181. Токарев, С. А. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 томах / С. А. Токарев. – Москва: Советская Энциклопедия, 1991-1992. – 1392 с.
182. Токарев, С. А. Огонь [Электронный ресурс] / С. А. Токарев // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. – Т. 2. – С. 239-240. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/myth/fire.htm>. – Дата обращения: 15.08.2018.
183. Токарев, С. А. Ранние формы религии / С. А. Токарев. – Москва: Политиздат, 1990. – 400 с.
184. Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX - начала XX века / С. А. Токарев. – Москва: Едиториал УРСС, 2012. – с. 168.
185. Токарев, С. А. Символика огня в истории культуры [Электронный ресурс] / С. А. Токарев // Научно-просветительский журнал Скепсис Природа. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_844.html. – Дата обращения: 05.08.2017.
186. Толстикова, В. С., Кузнецов, В. Н. Ядерное наследие на Урале: исторические оценки и документы / В. С. Толстикова, В. Н. Кузнецов // Вестник Университета Российской академии образования. – 2018. – № 4. – С. 80-82.
187. Толстой, Л. Н. Война и мир: Роман в четырех томах. Т. I-II / Л. Н. Толстой. – Москва: ЭКСМО. – 2008. – 736 с.

188. Топоров, В. Н. Боги. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах, Т. 1 / В. Н. Топоров. – Москва, 1995. – 736 с.
189. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: монография / В. Н. Топоров. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – 1845 с.
190. Туровский, Д. Полвека назад в пожаре в чувашской школе погибли 106 детей. И об этом никто не узнал [Электронный ресурс] / Д. Туровский. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2018/03/28/polveka-nazad-v-pozhare-v-chuvashskoy-shkole-pogibli-106-detey-i-ob-etom-nikto-ne-uznal> Дата обращения: 27.05.2017.
191. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. — Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru>. – Дата обращения: 05.05.2018.
192. Фарадей, М. История свечи / М. Фарадей / Пер. с англ. под ред. Б. В. Новожилова. – Москва: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1980. – 128 с.
193. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза-Сят) / М. Фасмер / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва: Прогресс, 1987. – 832 с.
194. Фигуровский, Н. А. Очерк общей истории химии. От древнейших времён до начала 19 в. / Н. А. Фигуровский. – Москва: Наука, 1969. – 454 с.
195. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологи / А. Я. Флиер. – Москва: МГУКИ, 2009. – 496 с.
196. Флиер, А. Я. Культура в системе наук / А. Я. Флиер // Вестник ЧГАКИ. – 2016. – № 4 (48). – С. 45-52.

197. Флиер, А. Я. Некультурные функции культуры: Очерки / А. Я. Флиер. – Москва: МГУКИ, 2008. – 316 с.
198. Фрейд, З. О добывании огня [Электронный ресурс] / З. Фрейд // Московский психиатрический журнал. – 2001. – № 2. Режим доступа: <https://docplayer.ru/40096380-O-dobyvanii-ognya-z-freyd.html>. Дата обращения: 07.12.2016
199. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд / Пер. с нем. М. В. Вульф. – Санкт-Петербург: Азбука, 2012. – 253 с.
200. Фрэзер, Дж.-Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Дж.-Дж. Фрэзер / Пер. с англ. М. К. Рыклина. – Москва, 2001. – 528 с.
201. Фуряев, В. В. Роль пожаров в процессе лесообразования / В. В. Фуряев. – Новосибирск: Наука. – 1996. – 253 с.
202. Хайруллина, Д. Д. Концепт 'огонь' в английском и татарском языковом сознании (из опыта проведения ассоциативного эксперимента) / Д. Д. Хайруллина // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 17. – С. 81-84.
203. Хайруллина, Д. Д. Репрезентация концепта «Огонь» во внутренней форме английских и татарских фразеологизмов / Д. Д. Хайруллина // Вестник КГУ. – 2009. – № 1. – С. 124-128.
204. Харари, Н. Ю. Sapiens: Краткая история человечества / Н. Ю. Харари / Пер. с англ. Л. Сумм. – Москва: Синдбад, 2019. – 520 с.
205. Харузина, В. Н. К вопросу о почитании огня / В. Н. Харузина // Этнографическое обозрение. – 1906. – Т. 18. – С. 68-205.
206. Цветков, П. А. Очерк истории отечественной лесной пирологии / П. А. Цветков // Сибирский лесной журнал. – 2015. – № 5. – С. 3–25.
207. Чайко, Е. А. Антропология пожара: по материалам письменных источников конца 19-середины 20 вв. / Е. А. Чайко // Горизонты цивилизации – 2019. – № 10. – С. 500-517.

208. Чистяков, О. И. и др. История отечественного государства и права. В 2-х томах / О. И. Чистяков и др. – Москва: Юрайт-Издат, 2012. – 987 с.
209. Чехов, А. П. Исторический очерк пожарного дела в России [Электронный ресурс] / А. П. Чехов. – Санкт-Петербург, 1892. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003663773/. – Дата обращения: 03.09.2018.
210. Чехов, А. П. Три сестры/ А. П. Чехов. – Москва: Азбука, 2015 г. — 288 с.
211. Шишков, В. Я. Угрюм-река / В. Я. Шишков. – Москва: АСТ, 2010. – 928 с.
212. Шмидт, С. О. О Московском восстании 1547 г. [Электронный ресурс] / С. О. Шмидт // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Труды ЛОИИ. – 1967. – Вып. 9. – Режим доступа: <http://www.spbiiran.nw.ru/trudy-loii-vyp-9/>. – Дата обращения: 17.05.2019.
213. Шмидт, С. О. Становление Российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного) / С. О. Шмидт. – Москва: Мысль, 1973. – 350 с.
214. Шокарев, С. Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы / С. Ю. Шокарев. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 475 с.
215. Шпаковский, Ю. Г. Природные явления - в древнейших летописях / Ю. Г. Шпаковский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – № 4 (20). – С. 166-173.
216. Штейнен, К. Среди диких народов Бразилии. [Электронный ресурс] / К. Штейнен / Пер. со второго немецкого издания Е. Галати; предисловие М. О. Косвена. – М.-Л., 1931. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1062517/. – Дата обращения: 28.05.2017.

217. Штернберг, Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии / Л. Я. Штернберг/ Под ред. Я. П. Алькора. – Ленинград: Института народов Севера СССР, 1936. – 592 с.
218. Шумилов, В. К. Становление и развитие государственной противопожарной службы Санкт-Петербурга: XVIII – начало XX вв.: дис. ... канд. исторических наук: 12.00.01 / В. К. Шумилов, Москва, 1996. – 195 с.
219. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде / Пер. с французского В. Большакова. – Москва: Academia, 1995. – 106 с.
220. Элиаде, М. История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до эльвинских мистерий / М. Элиаде / Перевод с французского Н. Н. Кулаковой, В. Р. Рокитянского, Ю. Н. Стефанова. – Москва: Академический проект, 2019. – С. 432.
221. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде / Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – 250 с.
222. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде / Перевод с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
223. Эспиноса, М. Ф. Председатель ГА ООН призвала обратить внимание на лесные пожары в России [Электронный ресурс] / М. Ф. Эспиноса. – Режим доступа: https://forbes.kz/news/2019/07/30/newsid_204792/?utm_source=forbes&utm_medium=incut&utm_campaign=news. – Дата обращения: 25.08.2019.
224. Юнг, К.-Г. Архетип и символ / К.-Г. Юнг / Под изд. А. Руткевич. – Москва: Ренесан, 1991. – 304 с.
225. Яичко, К. М. Борьба с пожарами: Краткое руководство, как вести борьбу с пожарами, преимущественно сельскими и лесными. [Электронный ресурс] / К. М. Яичков. – Москва, 1924. – Режим доступа: <https://pozuproekt.ru/books/yaichkov-k.m.-borba-s-pozharami>. – Дата обращения: 15.03.2017.

226. Янкевич, В. В. Концепт огня в культуре: смыслы и функции : дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / В. В. Янкевич. – Санкт-Петербург, 2003. – 196 с.
227. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. Социология. Этнология. – 2003. – № 1. – С. 3-35.
228. Bankoff, H. A., Winter F. A. A house-burning in Serbia. What do burned remains tell an archaeologist? / H. A. Bankoff, F. A. Winter // Archaeology New York. – 1979. – № 32 (5). – P. 8-14.
229. Brown, D. Human Universals / D. Brown. – New York: McGraw-Hill, 1991. – 160 p.
230. Clasen, M. Why horror seduces [Электронный ресурс] / M. Clasen. – Oxford University Press. – October 2017. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/334052114_Why_Horror_Seduces – Дата обращения: 15.08.2017.
231. Darwin's Theory of Gradual Evolution Not Supported by Geological History, NYU Scientist Concludes [Электронный ресурс] // News Release New York University. – Режим доступа: <http://www.nyu.edu/about/news-publications/news/2010/november/darwins-theory-of-gradual-evolution-not-supported-by-geological-history-nyu-scientist-concludes-.html>. – Дата обращения: 09.05.2018.
232. Hawkes, K., Parker, C. H., Keefe, E. R., Herzog, N. M., et al. The Pyrophilic Primate Hypthesis / K. Hawkes, C. H. Parker, E.-R. Keefe, N. M. Herzog // Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews, 2016. – V. 25. – № 2. – P. 54–63.
233. Pyne, S. J. Fire: A Brief History / S. J. Pyne. –Series: Weyerhaeuser Environmental Books – Publisher: University of Washington Press, 2001. –224 p.
234. Schultz, C. A., Thompson, M. P., McCaffrey, S. M. Forest Service fire management and the elusiveness of change [Электронный ресурс] / C. A. Schultz, M. P. Thompson, S. M. McCaffrey // Fire ecology. – 2019. – V. 15. – №

13. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s42408-019-0028-x>. – Дата обращения: 30.03.2019.

235. Scott, A. C. *Burning Planet: The Story of Fire Through Time* / A. C. Scott. – Oxford University Press, 2018. – 231 p.

236. Scott, A. C. *Fire: A Very Short Introduction* / A. C. Scott. – Oxford University Press, 2020. – 176 p.

237. Stevens-Rumann, C. S., Morgan, P. Tree regeneration following wildfires in the western US: a review [Электронный ресурс] / C. S. Stevens-Rumann, P. Morgan // *Fire ecology*. – 2019. – V.15. – № 15. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s42408-019-0032-1>. – Дата обращения: 30.03.2019

238. Wynecoop, M. D., Morgan, P., Strand, E.-K. *et al.* Getting back to fire *sumés*: exploring a multi-disciplinary approach to incorporating traditional knowledge into fuels treatments. [Электронный ресурс] / M. D. Wynecoop, P. Morgan, E. K. Strand // *Fire ecology*. – 2019. – V.15. – № 17. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1186/s42408-019-0030-3>. – Дата обращения: 30.03.2019.

Приложения

**Результаты социокультурной диагностики уровня субъективной
интерпретации**

Таблица 1

**Анализ контента сайта Российского агентства международной информации
«РИА Новости» по тематике «Природные пожары»**

Пожар	Ущерб	Виновник	Выводы	Наказание	Мемориализация	Мистификация	«Зеваки»	Реакция власти	Реакция религиозных организаций	Реакция общества	Хронология спасения/ликвидации	Другое
Природные пожары в Сибири,	67	8	23	6		3	1	98	1	9	25	11
Россия, 2015 г.	37	12	11	6	2	12	2	72	5	6	42	13
Природные пожары в Калифорнии, США, 2018 г.	24	3	6	3	3	1	5	8	-	4	4	5
Природные пожары в Австралии, Австралия, 2019 - 2020 гг.	20	3	2	1	-	3	4	5	-	21	3	13
Итого:	148	26	42	16	5	19	12	183	6	40	73	42

**Анализ контента сайта Российского агентства международной информации
«РИА Новости» по тематике «Пожары в местах с массовым пребыванием людей»**

Пожар	Ущерб	Виновник	Выводы	Наказание	Мемориализация	Мистификация	"Зеваки"	Реакция власти	Реакция религиозных организаций	Реакция общества	Хронология спасения/ликвидации	Другое
Пожар в баре «Хромая лошадь», Россия, 2009 г.	129	93	134	41	32	16	11	85	12	25	32	25
Пожар в ТРК«Зимняя вишня», Россия, 2018 г.	110	139	165	62	172	73	21	106	19	136	47	124
Пожар в многоквартирном доме, Россия, г. Ростов, 2019 г.	6	4	3	2	6	-	-	4	1	1	1	
Пожар в баре «Kiss», Бразилия, 2013 г.	7	7	1	-	5	1	-	4	-	3	2	4
Пожар в супермаркете «Ysua Volanos», Парагвай, 2004 г.	9	2	-	-	-	-	-	2	-	6	1	2
Здание Grenfell-Tower, Великобритания, 2017 г.	15	17	10	2	3	4	4	13	-	4	8	3
Итого:	276	262	313	107	218	94	36	214	32	175	91	158

**Анализ контента сайта Российского агентства международной информации
«РИА Новости» по тематике «Пожары на объектах культурно-исторического
значения»**

Пожар	Ущерб	Виновник	Выводы	Наказание	Мемориализация	Мистификация	"Зеваки"	Реакция власти	Реакция религиозных организаций	Реакция общества	Хронология спасения/ликвидации	Другое
Пожар в Успенской церкви, Россия, 2018 г.	3	6	2	1	-	-	-	5	3	1	4	2
Пожар в библиотеке института научной информации РАН (ИНИОН), Россия, 2015 г.	19	9	2	2	1	2	3	14	-	8	8	39
Пожар в соборе Парижской Богоматери, Франция, 2019 г.	37	21	20	6	11	13	16	53	21	73	14	26
Пожар в библиотеке Веймара, Германия, 2004 г.	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Итого	60	36	34	9	12	15	19	72	24	82	27	67

Специфика репрезентации виновника

Пожар	Высшие руководящие структуры	Природа	Маргинальные субъекты	Рядовые граждане	Специализированные структуры, ассоциированные с пожарной безопасностью
Природные пожары в Сибири, Россия, 2015 г.			+	+	+
Природные пожары в Калифорнии, США, 2018 г.	+	+			
Природные пожары в Сибири, Россия 2019 г.		+	+	+	
Природные пожары в Австралии, Австралия, 2019 -2020 гг.		+			
Пожар в баре «Хромая лошадь», Россия, 2009 г.	+			+	+
Пожар в баре «Kiss», Бразилия, 2013 г.				+	
Пожар в ТРК «Зимняя вишня», Россия, 2018 г.	+		+	+	+
Пожар в супермаркете «Усуа Volanos», Парагвай, 2004 г.				+	+
Пожар в Успенской церкви, Россия, 2018 г.			+		
Пожар в соборе Парижской Богородицы, Франция, 2019 г.				+	
Здание Grenfell-Tower, Великобритания, 2017 г.				+	+
Пожар в многоквартирном доме, Россия, г. Ростов, 2019 г.			+		
Пожар в библиотеке института научной информации РАН (ИНИОН), Россия, 2015 г.				+	+
Пожар в библиотеке Веймара, Германия, 2004 г.					+
Итого: абс, (%)	3 (11%)	3 (11%)	5 (19%)	9 (33%)	7 (26%)

Специфика репрезентации жертв/ущерба

Пожар	Жертвы			Ущерб			
	Массовизация жертв	Персонификация жертв	Героизация жертв	Экологический	Экономический	Культурно-исторические	Имиджевый
Природные пожары в Сибири, Россия, 2015 г.	+	+	+	+	+	+	
Природные пожары в Калифорнии, США, 2018 г.	+	+		+	+		+
Природные пожары в Сибири, Россия 2019 г.			+	+	+		
Природные пожары в Австралии, Австралия, 2019 -2020 гг.			+	+	+	+	
Пожар в баре «Хромая лошадь», Россия, 2009 г.	+	+					+
Пожар в баре «Kiss», Бразилия, 2013 г.	+						+
Пожар в ТРК «Зимняя вишня», Россия, 2018 г.	+	+	+		+		+
Пожар в супермаркете «Уса Volanos», Парагвай, 2004 г.	+						
Пожар в Успенской церкви, Россия, 2018 г.			+			+	
Пожар в соборе Парижской Богоматери, Франция, 2019 г.			+	+	+	+	
Здание Grenfell-Tower, Великобритания, 2017 г.	+				+		+
Пожар в многоквартирном доме, Россия, г. Ростов, 2019 г.	+	+			+		
Пожар в библиотеке института научной информации РАН (ИНИОН), Россия, 2015 г.					+	+	
Пожар в библиотеке Веймара, Германия, 2004 г.						+	
Итог для жертв: абс, (%)	8 (42%)	5 (26%)	6 (32%)				
Итог для ущерба: абс, (%)				4 (17%)	9 (38%)	6 (25%)	5 (21%)

Специфика репрезентации роли власти

Пожар	Власть как виновник	Власть как спаситель	Власть как судья
Природные пожары в Сибири, Россия, 2015 г.		+	+
Природные пожары в Калифорнии, США, 2018 г.	+	+	
Природные пожары в Сибири, Россия 2019 г.		+	+
Природные пожары в Австралии, Австралия, 2019 - 2020 гг.		+	
Пожар в баре «Хромая лошадь», Россия, 2009 г.	+	+	+
Пожар в баре «Kiss», Бразилия, 2013 г.		+	+
Пожар в ТРК «Зимняя вишня», Россия, 2018 г.	+	+	+
Пожар в супермаркете «Ysua Volanos», Парагвай, 2004 г.		+	
Пожар в Успенской церкви, Россия, 2018 г.		+	+
Пожар в соборе Парижской Богоматери, Франция, 2019 г.		+	+
Здание Grenfell-Tower, Великобритания, 2017 г.		+	+
Пожар в многоквартирном доме, Россия, г. Ростов, 2019 г.		+	+
Пожар в библиотеке института научной информации РАН (ИНИОН), Россия, 2015 г.		+	
Пожар в библиотеке Веймара, Германия, 2004 г.		+	
Итог: абс, (%)	3 (12%)	14 (54%)	9 (35%)

Специфика репрезентации форм осмысления пожара

Пожар	Символизация пожара	Рационализация пожара	Эмпиризация пожара	Катастрофизация пожара	Мистификация пожара
Природные пожары в Сибири, Россия, 2015 г.		+	+		
Природные пожары в Калифорнии, США, 2018 г.				+	
Природные пожары в Сибири, Россия 2019 г.		+		+	+
Природные пожары в Австралии, Австралия, 2019 - 2020 гг.	+			+	
Пожар в баре «Хромая лошадь», Россия, 2009 г.		+	+		
Пожар в баре «Kiss», Бразилия, 2013 г.			+		
Пожар в ТРК «Зимняя вишня», Россия, 2018 г.		+	+		+
Пожар в супермаркете «Усуа Volanos», Парагвай, 2004 г.					+
Пожар в Успенской церкви, Россия, 2018 г.		+	+		
Пожар в соборе Парижской Богоматери, Франция, 2019 г.	+	+	+	+	
Здание Grenfell-Tower, Великобритания, 2017 г.			+		
Пожар в многоквартирном доме, Россия, г. Ростов, 2019 г.			+		
Пожар в библиотеке института научной информации РАН (ИНИОН), Россия, 2015 г.			+	+	
Пожар в библиотеке Веймара, Германия, 2004 г.				+	
Итог: абс, (%)	2 (8%)	6 (23%)	9 (35%)	6 (23%)	3 (12%)

Специфика репрезентации социальной реакции

Пожар	Ритуально- обрядовые формы реакций	Мемориализация пожара	Санкционированные и несанкционированные протестные реакции	Блеймсторминг	Социальное кооперирование
Природные пожары в Сибири, Россия, 2015 г.					+
Природные пожары в Калифорнии, США, 2018 г.	+				+
Природные пожары в Сибири, Россия 2019 г.					+
Природные пожары в Австралии, Австралия, 2019 -2020 гг.					+
Пожар в баре «Хромая лошадь», Россия, 2009 г.	+	+			+
Пожар в баре «Kiss», Бразилия, 2013 г.	+				
Пожар в ТРК«Зимняя вишня», Россия, 2018 г.	+	+	+	+	+
Пожар в супермаркете «Усуа Volanos», Парагвай, 2004 г.					+
Пожар в Успенской церкви, Россия, 2018 г.					+
Пожар в соборе Парижской Богоматери, Франция, 2019 г.	+	+		+	+
Здание Grenfell-Tower, Великобритания, 2017 г.	+	+	+	+	+
Пожар в многоквартирном доме, Россия, г. Ростов, 2019 г.	+	+			
Пожар в библиотеке института научной информации РАН (ИНИОН), Россия, 2015 г.				+	+
Пожар в библиотеке Веймара, Германия, 2004 г.					+
Итог: абс, (%)	7 (23%)	5 (17%)	2 (7%)	4 (13%)	12 (40%)